

Е.-А.
БЕННЕТ

ЧТО
НА САМОМ
ДЕЛЕ
СКАЗАЛ ЮНГ

PHILOSOPHY

Е.-А.
БЕННЕТ

ЧТО
НА САМОМ
ДЕЛЕ
СКАЗАЛ ЮНГ

Москва
Астрель · ACT

УДК 159.9

ББК 88.1

Б 46

Оригинальное издание впервые опубликовано
издательством Little, Brown & Company
под названием What Jung really said.

Перевод с английского А. Галактионова

Беннет Е.-А.

Б 46   Что на самом деле сказал Юнг / Е.-А. Беннет; пер. с англ.
А. Галактионова. М.: АСТ: Астрель, 2009. — 160 с. (Философия)

ISBN 978-5-17-055779-0 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-21146-1 (ООО «Издательство Астрель»)

Юнг делал упор на духовных аспектах человеческой сущности, его взгляд на значение сновидений и важность субъективного опыта привели к конфликту между ним и его учителем Зигмундом Фрейдом. Многие из его современников считали его мечтателем и мистиком, но позднее его вклад в психологию и психиатрию, касающийся экстраверсии и интроверсии, архетипов, индивидуации и коллективного бессознательного, стал очевиден. Книга Е.-А. Беннета, друга и коллеги Юнга, ясно представляет нам мысли Карла Густава Юнга в контексте его жизни, врачебной и исследовательской деятельности.

Книга «Что на самом деле сказал Юнг» прошла испытание временем. Это классика. В ней учитывается историческая обстановка и даются теоретические обоснования, у нее есть редкое достоинство совмещать в себе интеллектуальную изощренность и доступность непосвященному читателю.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, будет интересна и специалистам.

УДК 159.9

ББК 88.1

*Издание подготовлено при участии
ООО «Агентство прав «У-Фактория» (Екатеринбург)*

ISBN 978-5-17-055779-0 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-21146-1 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-985-16-6775-4 (ООО «Харвест»)

© by E. A. Bennet, 1966, 1983

© 1983 by Anthony Storr, Introduction

© Галактионов А., перевод

на русский язык, 2008

© ООО «Издательство Астрель»,

издание на русском языке, 2008

**КАРЛ ГУСТАВ
ЮНГ**

**Родился 26 июля 1875 года
(Кессвиль, кантон Тургау, Швейцария)**

**Умер 6 июня 1961 года
(Кюснахт—Цюрих, Швейцария)**

Предисловие издателя

Карл Густав Юнг — это одна из тех фигур в психологии, о которой каждый слышал, но с работами которого знакомы немногие. Вместе с библиографией и общим списком его работ Собрание трудов Юнга содержит не менее двадцати толстых томов. Обычного читателя, желающего познакомиться с мыслями Юнга, скорее всего, испугает такое количество работ, ему будет нужна подсказка, с чего начать. «Что на самом деле говорил Юнг» — это отличное введение в основные мысли Юнга, написанное на понятном всем языке. Покойный Е.-А. Беннет был личным другом Юнга, часто проводил время с ним и с его семьей в Цюрихе. В течение многих лет они постоянно обменивались идеями, как в письмах, так и при личных встречах. Поэтому достоверность того, что говорит д-р Беннет, не может сравниться с другими источниками информации о Юнге и его творчестве.

Юнг родился в 1875 году, умер в 1961-м. Многие из его идей и некоторые введенные им термины используются в психологии и уже не воспринимаются как идеи и термины именно Юнга. Он первым применил идеи психоанализа к изучению шизофрении. Он ввел понятия экстраверсии и интроверсии, термины *комплекс, архетип, индивидуация и коллективное бессознательное*. Представление Юнга о разуме как о саморегулирующейся системе отвечает современным представлениям физиологии и кибернетики. Его убеждение, что человеку необходимо искать смысл своей жизни, предвосхищало точку зрения эзистенциалистов. Однако важность исследований Юнга часто недооценивают, и те, кто не нашел времени прочи-

тать его работы, часто отвергают его как мечтателя и мистика, чьи взгляды настолько не соответствуют экспериментальной психологии, что можно спокойно не обращать на них внимания. На самом деле, как показывают ранние исследования Юнга, он компетентно владел научным методом, но большая часть его более поздних работ относится к областям, в которых научный метод неприменим. Смысл жизни нельзя измерить, однако это не значит, что его бесполезно искать. Сегодня в большинстве психологических лабораторий по всему миру преобладает экспериментальный подход, и серьезным доводом против этого является утверждение Юнга о том, как важен субъективный опыт личности. Юнг считал, что самопознание и саморазвитие личности, а также легкость в установлении взаимоотношений с другими людьми, которая следует за таким развитием, являются единственными достаточно сильными факторами, способными противостоять коллективному доминированию Государства. Именно это он имел в виду, говоря, что личность является носителем культуры. Основная задача исследований Юнга — помочь личности реализовать свои возможности, приблизить человека к тому, чтобы стать самим собой. Юнг не рассматривал ни среднестатистическую «нормальность», ни адаптацию человека к тому, что ожидает от него общество. Многие из его пациентов считались успешными людьми со значительными достижениями за плечами, но оказалось, что эти достижения не приносят им чувства удовлетворения. Сталкиваясь с такими пациентами, Юнг не предлагал готовых решений, а подталкивал их к изучению внутреннего мира своих сновидений и фантазий. Уделяя особое внимание тому, что происходит внутри него, человек может раскрыть те части своей природы, которые до этого им игнорировались, либо были скрыты, и таким образом он может найти свой собственный путь к саморазвитию. Этот поиск своей истинной сущности Юнг называл *индивидуацией*.

Индивидуация представляется мне, как я однажды писал, «чем-то вроде странствия пилигрима, не исповедующего никакой веры, направленного не к небу, а к собственной интеграции и целостности». Для Юнга

психоанализ — это духовный поиск, серьезная попытка примириться с самим собой, принять себя и стать, насколько это возможно, таким, каким должен быть человек. Здесь довольно четко прослеживаются параллели между самоисследованием, духовными упражнениями и религией. Сам Юнг был глубоко религиозным человеком, но настолько неортодоксальным, что шокировал как протестантских, так и католических богословов. К своим собственным убеждениям он пришел через боль и внутреннее потрясение, которое однажды чуть не погубило его.

Юнг родился и вырос в Швейцарии. Большую часть своего детства он провел в окрестностях города Базеля, где с одиннадцатилетнего возраста он ходил в школу. Затем он изучал медицину в Базельском университете. Отец Юнга был священником швейцарской реформатской церкви, а в семье его матери было шесть священнослужителей. С раннего возраста вокруг Юнга шла религиозная деятельность, велись беседы на религиозные темы. Но, как он пишет в автобиографии, даже в детстве его посещали образы и снились сны, связанные с религией, не вписывающиеся в установленные учения Церкви. Его попытки обсудить эти сомнения с отцом всегда пресекались: его отец хорошо и по-доброму относился к сыну, но был тверд в убеждениях и не собирался рассматривать никакой альтернативы системе религиозных верований, в которой он воспитывался. Юнгу пришлось держать в себе свою неортодоксальность, но он оставался верным своим взглядам, несмотря на чувства вины и отчуждения от семьи, которые это вызвало.

В 1900 году Юнг начал свою карьеру психиатра в должности ассистента Эйгена Блейлера¹ в психиатрической

1 Блейлер Эйген (1857—1939) — швейцарский психиатр. Известен в основном введением диагноза шизофрении, которым он в 1911 году заменил тогда используемые понятия *dementia praecox* (преждевременная деменция). Основным симптомом шизофрении считал амбивалентность. Блейлер также ввел понятие аутизма. В свое время был единственным профессором психиатрии, признавшим важность учения Фрейда. (Примеч. ред.)

больнице Бургхёльцли в Цюрихе. Он писал диссертацию на степень доктора медицины и проводил большую экспериментальную работу с пациентами, используя так называемый тест словесных ассоциаций. С помощью этих тестов Юнг смог объективно продемонстрировать, что на людей оказывает влияние некая часть их разума, о которой они абсолютно ничего не знают. Так, впервые было экспериментально проиллюстрировано введенное Фрейдом понятие *подавления*. В 1907 году Юнг опубликовал книгу по шизофрении и послал ее Фрейду, чьи идеи значительно влияли на него. По воспоминаниям д-ра Беннета, именно это привело к встрече двух ученых. Их сотрудничество продлилось до 1913 года.

Хотя Юнг всегда признавал, что он многим обязан Фрейду, он всегда воспринимал своего учителя с немалой долей критики. Следует упомянуть, что Фрейд, в сущности, не имел опыта работы с пациентами-психотиками, в то время как основным предметом работы Юнга в Бургхёльцли были случаи шизофрении. Неудивительно, что двое ученых разрабатывали разные модели сознания. В автобиографии Юнг вспоминает, что, работая над книгой, в конечном счете получившей название «Символы трансформации», он понимал, что ее публикация будет стоить ему дружбы с Фрейдом. Расхождение, о котором говорится в письмах Юнга и Фрейда, было горьким и вызвало у Юнга такое потрясение, что его начала беспокоить «вероятность появления психоза».

В детстве Юнг протестовал против догм церкви, ощущал необходимость быть верным своим взглядам. В зрелом возрасте он ощущал необходимость протеста против догм Фрейда и того, чтобы неотступно держаться собственной концепции психологии. Во время Первой мировой войны у Юнга начался процесс самоанализа, который он назвал «противостояние бессознательному». Из этой полосы бурь и потрясений он вышел с новыми силами и убеждением, что при любых обстоятельствах он должен доверять собственному опыту и свидетельствовать о своих открытиях.

Когда они разошлись с Фрейдом, Юнгу было тридцать восемь лет. Его убеждение, что средний возраст — это поворотная точка в психологическом развитии, основывается на его собственном опыте. Именно из-за того, что ученый приобрел такой опыт, основной вклад Юнга в психологию состоит в изучении развития взрослого человека. Юнг прекрасно понимал важность раннего детства в формировании личности взрослого человека. В случае с молодыми людьми, чьей главной проблемой была эмансипация от семьи, Юнг советовал прибегать к психоанализу в направлении, заложенном Фрейдом или Адлером. Но случаи, которые действительно интересовали его и в лечение которых он сделал особенно существенный вклад, — это проблемы людей, которым в период среднего возраста жизнь начинает казаться тщетной и бесполезной. Этот тип невроза Юнг называл «застревание», под этой формулировкой он имел в виду, что затормаживался естественный ход развития человека. По мнению Юнга, невротические симптомы, заставляющие людей обращаться к психоанализу, часто были скорее показателями того, что они отклоняются от своего собственного, правильного пути развития, а не просто требующими лечения нарушениями. Бывало, что Юнг говорил: «слава Богу, что у него развился невроз», имея в виду, что тревогу, угнетенное состояние и другие симптомы умственных заболеваний можно рассматривать с оптимистических позиций, как показатели того, что больному необходимо пересмотреть свои ценности и образ жизни. Изучение таких людей привело Юнга к мысли, что «застревание» — это обычно результат однобокого отношения к жизни, замедляющего развитие человека. Оказалось, что экстраверта волновал только внешний мир, в то время как интроверт игнорировал его и не мог к нему приспособиться. Задача психоанализа состояла в том, чтобы восстановить баланс и таким образом позволить развитию проходить нормально.

Юнг считал, что психика — это саморегулирующаяся система. Изучая мир сна и фантазии, пациент может войти в контакт с бессознательным, пытающимся

исправить его однобокое сознательное отношение к миру. Психоанализ Юнга больше ориентирован на будущее, чем на прошлое. Самый главный способ соприкосновения с бессознательным — анализ снов. Юнг рассматривал сны совсем не так, как это делал Фрейд. Он не принимал идеи Фрейда о том, что сны — косвенный путь выражения запрещенных желаний. Юнг считал сны проявлением бессознательного, выраженного на языке символов и поэтому трудного для понимания, и, по его мнению, совершенно необязательным выражением чего-то недозволенного. Обычно сны уравновешивают сознательное мировоззрение, выражают игнорируемые или неосознаваемые части личности. Некоторые сны, производящие особо глубокое впечатление, содержат образы и идеи с глубоким смыслом, которые нельзя рассматривать с точки зрения прошлого опыта личности, источник которых как будто находится вне фантазии самого человека. В таких снах выражаются «архетипные» образы, которые можно найти в мифах и сказках разных культур мира. Это явление навело Юнга на мысль о существовании более глубокого уровня сознания «коллективного бессознательного».

Как вспоминает Юнг в автобиографии, большое влияние на него оказали Кант и Шопенгауэр, которых он прочитал еще в молодости. Юнг пришел к выводу, что пространство и время — это человеческие категории, навязанные реальности, но не отражающие ее. То же самое касается категорий физического и ментального. Одним из помощников Юнга был известный физик Вольфганг Паули². Юнг пришел к мысли, что исследование материи, которое проводит физик, и исследование разума, которое проводит психолог, — это, на самом деле, разные способы рассмотрения одной и той же реальности. Возможно, деление на разум и тело — искусственное, может быть, это разные стороны одной и той же реальности, воспринимаемые через разные

2 Вольфганг Паули (1900—1958) — швейцарский физик-теоретик, профессор. Окончил Мюнхенский университет (1921). Лауреат Нобелевской премии по физике (1945). (Примеч. ред.)

системы отсчета. Вера Юнга в единство всего сущего — одна из основ его мышления.

Независимо от того, принимаем мы основные утверждения Юнга или нет, он, вне всякого сомнения, внес существенный вклад в изучение сознания. В том, какое значение он придавал духовным составляющим личности, Юнг противоречит Фрейду, который делал упор на физической сущности человека. То, что Юнг приписывал особую важность самореализации как цели, и его уверенность в том, что величайшие достижение человечества — это всегда личные достижения, бросают вызов политическим и общественным системам, возвышающим государство в ущерб личности. Книга доктора Беннета продолжит полезное знакомство широкого круга читателей с идеями Юнга.

Энтони Стор

Предисловие к первому изданию

Публикации Юнга, внесшие существенный вклад в психологию и психиатрию, не прекращались в течение шестидесяти лет — с первой публикации в 1902 году до последней в 1961 году, в котором он умер. Он обладал оригинальным умом и привлекал внимание уже самыми первыми своими книгами. Особый интерес для него представляла ежедневная адаптация человека к окружающему обществу. Этот естественный здоровый контакт между людьми не так прост, как кажется, часто у пациентов с нарушениями умственной деятельности обнаруживалась неспособность общаться с другими людьми.

По мере того как его работа продвигалась, он обнаруживал доказательства того, что разум, как и тело, кроме индивидуальных характеристик, обладает некоторыми коллективными составляющими, которые, по словам Юнга, «свойственны не одной личности, а сразу многим, то есть обществу, народу или человечеству в целом»³. Это открыло новые горизонты, но также вызвало противоречия. Конечно, это была смелая гипотеза, но Юнг был уверен, что познание невозможно без гипотез, и он не пытался доказать каждую теорию из тех, которые он выдвигал, перед тем как применить ее эмпирически при разрешении проблем, с которыми он сталкивался, когда лечил пациентов. Его основной задачей было выяснить все возможное о функционировании сознательной части разума и благодаря этому узнать что-нибудь о той части

³ Jung C.G. Psychological Types. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd. 1933, p. 530. См. далее: Types [п.]. (Примеч. ред.)

нашей души, о которой мы можем судить только умозрительно, — о бессознательном.

Для Юнга симптомы психиатрического заболевания были просто показателями нарушений нормальной работы разума. Поэтому его больше интересовали здоровые элементы личности человека, чем болезни. Симптомы, какими были неприятными они ни были, часто представляют собой попытку природы вылечить, восстановить нормальную умственную работу. Но что значит нормальную? Это оказалось проблемой. Юнг поставил себе задачу разобраться в признаках и симптомах умственных болезней, устраниТЬ некоторые неясности, не имея при этом никаких предварительных идей. Позднее он понял, что, кроме индивидуальных проблем его пациентов, необходимо рассматривать более общие нарушения, которые происходят во время экономических спадов или войны и поражают всю нацию, как инфекция. Иными словами, Юнг рассматривал пациента не как отдельную, изолированную личность, а как личность в обществе.

Он был одним из небольшого числа врачей, занявшихся в начале века исследованиями человеческого разума. Много уже было написано о спиритуализме, исследованиях психики и подобных вещах, однако надежной информации не было. Идеальная возможность получения точного знания состоит в изучении умственных болезней, их сущности, причинах и лечении. Многое делалось, чтобы облегчить участь душевнобольных в Великобритании, в Германии, во Франции, в основном это сводилось к обеспечению лучших условий жизни и заботливому уходу. Однако врачи никак или почти никак не продвинулись в изучении разума как такового, им было свойственно принимать как данность то, что, кроме ухода в соответствующих учреждениях, для душевнобольных людей нельзя сделать ничего или очень мало. Юнг не разделял такой политики невмешательства и хотел разобраться в «злоумышленниках разума» — так он называл страхи, ложные идеи, заблуждения о жизни, которые могут разрушить как личное, так и семейное счастье человека и искалечить множество жизней.

Психология, физиология и фармакология объединились в лечении умственных нарушений в такой степени,

в какой этого никогда не происходило в XIX веке. К изучению разума стали относиться серьезно, объект изучения психологии расширился, ее значимость возросла, и теперь психология так или иначе затрагивает каждого. О ней говорят, пишут в газетах и на страницах книг. Мы легко приняли термины *экстраверт, интроверт, комплекс*. При этом они не использовались в психологии, до тех пор пока их не ввел Юнг. Они описывают части человеческой природы, представление о которых как о части нашего естественного наследия сейчас имеет любой обычатель. Кроме медицины Юнг разбирался и в античной культуре, и в иностранных языках: он читал тексты на греческом языке и на латыни почти так же свободно, как на родном языке, но эти умения сами по себе мало значили для него. У него были простые вкусы, свободная непринужденная манера поведения, отличное чувство юмора. Он с неподдельным интересом слушал других людей, если им было что сказать, и они не хотели встретиться с ним только потому, что он был знаменит. Он не стремился к похвале и славе, он просто был самим собой.

Никто не назовет Юнга популярным писателем, многие из его книг тяжело читаются, а как же иначе? Природе не свойственно подстраиваться под наши ожидания. Юнг избегал окончательных выводов и установления догматов, он не пытался выстроить законченную систему, где все элементы четко соответствуют друг другу. Прекрасно зная сложность и непредсказуемость человеческого разума, он сохранил мировоззрение первооткрывателя и никогда не испытывал искушения установить строгий закон или заявить об общезначимости своих взглядов. Всегда готовый изменить свое мнение, если на то есть веские причины, он никогда не был слишком поспешен и не торопился с суждениями. Он был уверен в том, что писал, так как это основывалось на тщательном рассмотрении имеющихся у него фактов. Часто его неправильно понимали, как любого великого мыслителя, были у него и критики, не соглашающиеся с ним или настаивающие на том, чтобы воспринимать жизнь в другом ракурсе. Поэтому важно знать, что на самом деле сказал Юнг о ключевых вопросах современной психологической мысли.

Введение

К.-Г. Юнг известен всему миру как один из основоположников психологии и психиатрии. Медик по специальности, он пришел к выводу, что разные формы душевных заболеваний существуют не сами по себе, а являются нарушениями нормальной работы разума. Лечение умственных заболеваний он рассматривал именно с этой точки зрения.

Идеи Юнга представляют особый интерес для студентов, изучающих медицину, кроме того, его работы оказали определенное влияние на социологию, теологию и литературу, так как они могут способствовать развитию во многих направлениях.

Так как значимость работ Юнга, по-видимому, будет возрастать, основные положения *аналитической психологии* представлены здесь в порядке своего возникновения и развития.

E.-A. B.
1966

Благодарности

Автор и издатель выражают благодарность за разрешение цитировать материал, охраняемый авторским правом. Routledge&Kegan Paul Limited — за разрешение цитировать «Собрание трудов К.-Г. Юнга», «Психологические типы», «Вклад в аналитическую психологию» К.-Г. Юнга. и «Происхождение и Историю Сознания» Эрика Неумана; Aldus Books Limited — за разрешение цитировать книгу «Человек и его символы» К.-Г. Юнга; Barrie & Rockliff — за разрешение цитировать книгу «К.-Г. Юнг» доктора Е.-А. Беннета; William Collins, Sons & Company Limited — за разрешение цитировать «Воспоминания, сновидения, размышления» К.-Г. Юнга.

I

Этапы карьеры Юнга

■ Базельский университет

Юнг родился в 1875 году и всю жизнь прожил в Швейцарии. Его отец, протестантский священник, был настоятелем храма возле Райнфала⁴ близ Шаффхаузена. Затем его семья переехала в Базель, где Карл Густав ходил в школу, а затем, в 1895 году, поступил в Базельский университет, чтобы изучать медицину. Когда приближались выпускные экзамены, он хотел определиться со своей специализацией, но никак не мог выбрать из имеющихся вариантов. Его привлекала хирургия, но это было невыгодно, потому что нужно было идти в аспирантуру, которую его отец не мог оплатить. Юнгу нужно было как можно скорее начать зарабатывать, и, по-видимому, первым шагом в его медицинской карьере должна была стать работа в больнице общего типа. Однако все случилось по-другому. Как ни странно, самое рядовое событие заставило его пойти по неожиданному пути.

⁴ Райнфаль — самый знаменитый водопад в Европе. (Примеч. ред.)

Еще когда он был студентом, дети каких-то из его родственников пригласили его поучаствовать в спиритическом сеансе, которые они иногда проводили для развлечения. Одна из участниц, пятнадцатилетняя девушка, вошла в транс и вместо своего обычного разговорного швейцарского немецкого свободно заговорила на литературном немецком языке. Обычно скромная и застенчивая, она стала вести себя уверенно и с достоинством. Юнг был поражен. Он хорошо знал девушку, но никогда не видел в ней таких качеств. Остальных участников совсем не волновало то, как она говорила, им даже не было любопытно, они приняли все это за игру. Но только не Юнг, его поразило, что не совсем обычная, хотя и неглупая пятнадцатилетняя девушка неожиданно в трансе стала разговаривать и вести себя как образованная женщина. Ему хотелось разобраться в таком удивительном, ни на что не похожем явлении. Юнга удивляло, что его родители и все остальные объясняли это происшествие тем, что девушка всегда была очень нервозна. К ответу на этот сложный вопрос Юнг приходил систематически, он подробно описывал каждый сеанс в своем дневнике и составил подробное описание личности девушки и поведения в момент выхода из транса. В этом описании заключалось множество психологических проблем, в которых на данном этапе своей карьеры он не мог разобраться. Разыскивая информацию, которая могла бы помочь объяснить поведение девушки, Юнг перечитал множество литературы по спиритизму. Его преподаватели в университете не проявляли никакого интереса к свойствам девушки и считали, что он попусту тратит время, рассматривая такую ерунду. Он не соглашался с ними и продолжал читать литературу по «разнообразным видам психопатической неполноценности», включающей эпилепсию, истерию и неврастению, где он находил статьи по редким состояниям сознания, таким как сомнамбулизм и патологическая ложь. Кое-что из этого материала Юнг посчитал полезным и взял за основу своей диссертации, добавив подробное описание состояния девушки. Работа была опубликована

в 1902 году и включена в английское издание собрания трудов Юнга с заглавием «Психология и патология так называемых оккультных явлений»⁵.

На старших курсах Юнг ходил на скучные и неинтересные лекции по психиатрии и посещал психиатрическую больницу, где видел нескольких пациентов с самыми распространенными формами отклонений. Юнг писал, что психиатрию в то время «презирали, никто на самом деле ничего не знал о ней. А психология не рассматривала человека как единое целое, никто не приводил патологические отклонения в единую систему. Врач постоянно находился в одном заведении со своими пациентами, а заведение, в свою очередь, стояло изолированно на краю города, как старинный лепрозорий с прохожденными. Никто не хотел даже смотреть в эту сторону. Врачи часто знали об умственных болезнях почти столько же, сколько люди, просто увлекающиеся психиатрией, и поэтому разделяли их чувства. Умственное заболевание считалось безнадежным приговором, что не могло не отразиться на психиатрии. Психиатр в то время считался странным человеком...»⁶.

Тогда в Базеле использовался учебник по психиатрии Рихарда фон Крафт-Эбинга⁷. Готовясь к итоговому экзамену, Юнг до последнего момента оттягивал его прочтение. Психиатрия не интересовала его, он относился к ней абсолютно равнодушно. Он удивился, узнав о том, насколько неразвита была психиатрия, и увидев, что в учебниках выражается лишь субъективное мнение автора. Это было так непохоже на книги по другим разделам медицины, в частности хирургии, где была дана объективная информация. Тогда он еще ничего не слышал о «заболеваниях личности». Это был для него новый мир, и неудивительно, что он снова вспомнил о де-

⁵ The Collected Works of C. G. Jung. London: Routledge&Kegan Paul. Vol. 1, р.3. См. далее: С. W. [Vol., p.]. (Примеч. ред.)

⁶ Jung C. G. Memories, Dreams, Reflections. Collins and Routledge&Kegan Paul, 1963, p. 111. См. далее: M.D.R.[p.]. (Примеч. ред.)

⁷ Рихард фон Крафт-Эбинг (1840—1902) — австрийский и немецкий психиатр, сексолог, исследователь человеческой сексуальности, директор Фельдхофского приюта для умалищенных. (Примеч. ред.)

вочке, вошедшей в транс. Его равнодушие к психиатрии сменилось глубокой заинтересованностью этой областью знаний. Юнг говорил, что слова Крафт-Эбинга вызвали у него бурные эмоции: «Меня потрясло какое-то новое интуитивное осознание. Тогда я не мог четко сформулировать его, но я чувствовал, что стою на правильном пути. И тогда, неожиданно, я принял решение стать психиатром... этот момент стал действительным началом моей карьеры ученого в области медицинской психологии»⁸.

Хотя решение было принято спонтанно, на Юнга повлияло огромное количество вопросов без ответа, постепенно накапливающихся в его голове, многие из которых остались еще с детства. Среди его детских воспоминаний было несколько поразительных снов, которые он не мог забыть. Сначала он воспринимал их просто как данность, но позднее у него возник вопрос, что может означать такой сон, есть ли в нем какой-то смысл. До того как его семья переехала в Базель, они жили в деревне, и местные жители часто рассказывали о разных странных случаях, каким-то непонятным образом соотносившихся с тем, что он наблюдал у девочки, вошедшей в транс и странно ведущей себя, хотя между этими случаями не было очевидной связи. Обдумывая некоторые места из книги Крафт-Эбинга, Юнг пришел к мысли, что психиатрия может помочь объяснить по крайней мере некоторые из этих непонятных явлений.

Когда Юнг сдал итоговые экзамены, один из его преподавателей, который переходил в другой университет, предложил ему работать у него ассистентом. Это был большой комплимент, остальные студенты завидовали ему, но, к удивлению учителя и к изумлению студентов, он не принял это предложение и заявил о своем решении делать карьеру в психиатрии. Это решение было окончательным, он никогда не оглядывался назад и никогда не жалел о нем.

Карьера Юнга в психиатрии началась в декабре 1900 года, когда он начал работать в Бургхёльцли, клинике

⁸ BBC Broadcast 1955. Quoted in C.G.J., p. 147.

при университете в Цюрихе, ассистентом у профессора Эйгена Блейлера, ключевой фигуры в европейской психиатрии. Исследования были неотъемлемой частью работы, и Юнг под наблюдением профессора начал тщательное изучение причин раннего слабоумия, позднее называемого шизофренией — самой распространенной формы умственных заболеваний. Он изучил методику, по которой участки мозговой ткани умерших людей, больных шизофренией, разрезаются и исследуются под микроскопом. Юнг подозревал, что ключ к пониманию проблемы может быть в каком-нибудь дефекте мозга. Но его надежды не оправдались, изучение огромного количества образцов не пролило света на сущность и причины шизофрении.

■ Эксперименты с ассоциациями на слова

Позднее Юнг, все еще занимающийся изучением пациентов-шизофреников, перешел к другому способу исследования — тесту словесных ассоциаций. Этот широко известный психологический тест был применен Френсисом Гальтоном⁹, двоюродным братом Чарльза Дарвина, для того чтобы разграничить типы интеллекта. Его принцип довольно прост: тестируемому говорят, что ему будет медленно вслух зачитан ряд слов, на каждое из которых он должен сразу же назвать другое слово, которое первым приходит ему в голову. Исследова-

⁹ Фрэнсис Гальтон (1822—1911) — английский исследователь, географ, антрополог и психолог; основатель дифференциальной психологии и психометрики. Сделал серьезный вклад во многих областях науки, включая метеорологию (антициклон и первые общедоступные погодные карты), статистику (регресс и корреляция), психологию (синестезия), биологию (природа и механизмы наследственности) и криминологию (отпечатки пальцев). Многое было открыто под влиянием его склонности к подсчету или измерению. Известен своими исследованиями человеческого интеллекта. Автор книги «Исследование человеческих способностей и их развитие», в которой описаны основы психологического тестирования. Развивал учение о наследственной обусловленности индивидуально-психологических различий между людьми. (Примеч. ред.)

тель при помощи секундометра отмечает время реакции, то есть время, которое необходимо тестируемому, чтобы ответить. Это время фиксируется в таблице. Обычно в списке около ста слов. Гальтон разными способами пытался как можно более точно измерить время реакции, вплоть до того, что засекал очень маленькие доли секунды. Все это сильно усложнило использование теста. К сожалению, полученная информация оказалась почти бесполезной для оценки уровня интеллекта.

Юнг внес в тест небольшое, но значимое изменение: когда происходила задержка реакции, он спрашивал тестируемого, почему он ответил не сразу. К своему удивлению, он обнаружил, что тестируемый не замечал этой задержки и поэтому не мог объяснить ее. Он знал, что у этого должна быть какая-то причина, и часто с помощью определенных вопросов ему удавалось найти ее. В одном случае на слово «лошадь» тестируемый ответил только через минуту. При более глубоком исследовании выявилось, что у испытуемого в жизни был эпизод, вызвавший сильные эмоции, связанный с убежавшей лошадью, несчастный случай, какие-то волнующие события и т. д. Обо всем этом пациент совершенно забыл.

Стало очевидно, что реакция на слова в teste зависит от эмоций тестируемого и что этот тест полезен тем, что указывает на скрытые (бессознательные) эмоции. Созданный для определенной цели — для оценки интеллекта человека, — тест словесных ассоциаций оказался более полезен в другой области, он выявлял воздействие на человека не осознаваемых им эмоций. Однако Гальтон и другие исследователи, которые использовали его на тысячах людей, не обращали внимания на эмоции, которые скрывались за задержанной реакцией, а просто регистрировали задержку, как неспособность ответить.

Юнг составил графики, и на них проявилось соответствие между эмоциями, сопровождающими определенное слово, и временем реакции. На основе этих результатов было выявлено два важных момента: первый — производимая эмоция, второй — то, что задержка реакции происходит автоматически, в ответ на

некий неосознаваемый процесс. Было еще слишком рано делать какие-либо выводы или говорить о важности этих сведений. Определенно эта непонятная задержка, происходящая независимо от сознательного желания тестируемого, требовала дальнейшего изучения.

■ Формирование комплексов

В то время в психологии и в ее применении в психиатрической практике основное внимание уделялось сознанию. Это касалось и психологического исследования результатов теста словесных ассоциаций. Однако Юнг считал, что здесь было задействовано что-то кроме сознания и силы воли. Он ввел термин *чувственный комплекс*, который позднее стали называть просто *комплекс* — так он назвал группу идей в бессознательном, характеризующуюся определенным, возможно, болезненным ощущением, вызывающим задержку реакции. Многочисленные результаты тестов подтвердили этот вывод, и комплекс, а также связанные с ним моменты, такие как эмоциональное воздействие на человека различных факторов, его личностные качества, стали основой системы мышления Юнга. Изначально его учение, которое сейчас называется *аналитическая психология*, называлось *психология комплекса*. Термин *комплекс* впоследствии переняли все так называемые психологические школы, включая последователей Фрейда (психоанализ) и Адлера (индивидуальная психология). Так как термин стал широко использоваться в повседневном общении, он был внесен в Краткий Оксфордский словарь английского языка как термин Юнга, обозначающий группу идей, связанных с определенным предметом.

При всей простоте теста словесных ассоциаций Юнга удивляло, что пациенты, которые понимали, что от них просят, на большинство слов давали свои ассоциации без промедления, а затем, после определенного слова, неожиданно наступала пауза. Почему происходит так, что тестируемый обычно не замечает этой паузы? Юнг пришел к выводу, что это слово активизирует комплекс.

Содержание комплекса может быть полностью бессознательным либо только частично, то есть в определенные моменты тестируемый может осознавать их. Отсюда был сделан вывод, что комплекс активизируется в одной обстановке или эмоциональном состоянии, но не активизируется в другом. Например, на экзамене человек может не ответить на вопрос, хотя он раньше знал ответ. Причина в том, что идеи в личном бессознательном только относительно бессознательны, они вполне могут осознаваться в других обстоятельствах и в другом эмоциональном состоянии. Покинув экзамен и встретившись с друзьями, находясь в другой эмоциональной атмосфере, он может вспомнить ответ. Но многие идеи, как оказалось, находятся более глубоко в подсознании и остаются там независимо от эмоционального окружения.

Юнг видел сходство между образованием комплекса и фрагментацией или частичным раздвоением личности, которое происходит при нервных расстройствах. Другими словами, комплекс ведет себя как отдельная личность, он действует сам по себе и часто прямо противоречит тому, чего мы хотим сознательно. Те, кто ничего не знает о бессознательной деятельности разума, часто уверены, что пациент сам придумывает себе комплекс, сам развивает его по каким-то странным причинам и, если бы он вел себя разумно, комплекса вообще не было бы. Как будто в противовес этому предубеждению, Юнг говорит: «...сейчас точно известно, что комплекс необычайно самостоятелен, что необоснованные физиологически, так называемые „воображаемые“, боли ощущаются так же сильно, как настоящие, и что страх болезни ни за что не исчезнет, даже если сам пациент, его врач и всеобщее мнение в один голос будут уверять его, что это всего лишь „фантазия“»¹⁰.

Конечно, раздражает, когда какой-нибудь благородный человек, вопреки здравому смыслу, в том числе собственному, оказывается во власти иррациональных

страхов или компульсий¹¹, для которых нет видимого объяснения. Сейчас дела обстоят точно так же, и пациенты с неврозом предпочли бы «что-то определенное», как, например, перелом ноги, против чего они могли бы предпринять конкретные действия.

Тест на ассоциации вызвал всеобщий интерес, благодаря своей простоте. К его преимуществам также относилась возможность дать довольно точную количественную и качественную характеристику реакции человека на определенную ситуацию. Это возможно благодаря тому, что по своей форме тест воспроизводит психологическую ситуацию диалога. Слово-стимул — это больше, чем слово, оно становится кратким действием, как будто тестируемый находится в определенной ситуации и реагирует на нее. Обычно в диалоге вопрос и ответ дополняют друг друга. Иначе обстоит дело с текстом словесных ассоциаций, где тестируемый слышит изолированное и поэтому неоднозначное, сбивающее с толку слово. Он не может ответить предложением, так как, согласно правилам, ответ должен представлять собой одно слово.

Так как случаи задержки реакции были основным предметом исследования Юнга и его коллег, все такие случаи отмечались и учитывались. Оказалось, что эти случаи не происходили бы в обычной беседе, потому что в teste порядок слов был непредсказуем. Если происходила задержка, ее отмечали и затем исследовали, чтобы определить ее значение.

Похожая ситуация часто возникает при разговоре двух людей: в беседе появляются паузы, собеседники уходят от темы, упускают цель разговора. Это происходит потому, что одному или обоим участникам разговора мешают скрытые комплексы. Собеседники дают

¹¹ Компульсии (лат. compello — принуждаю) — 1) навязчивые влечения, разновидность навязчивых явлений (обсессий). Характерны не преодолимые влечения, возникающие вопреки разуму, воле, чувствам; 2) в широком смысле — обозначение любых навязчивостей в двигательной сфере, в том числе и навязчивых ритуалов. (Примеч. ред.)

такие ответы на вопросы и делают такие замечания, которые потом забывают либо отрицают, что делали их.

Как в немецком, так и в английском языке слово «комплекс» в своем психологическом значении прочно вошло в обиход. «Сейчас все знают, — пишет Юнг, — что люди обладают комплексами». Не так широко известно, однако с теоретической точки зрения гораздо более важно то, что комплексы владеют людьми. Но даже при самом сдержанном описании такого явления, как комплекс, нельзя обойти вниманием такое поразительное их свойство, как автономность, и чем глубже проникать в их природу (наверное, можно даже сказать, в их биологию), тем яснее они проявляются как некие *психические отщепенцы*¹². Иными словами, комплекс действует сам по себе как отколовшаяся, отдельная часть психики (разума). Важно знать, что вследствие эмоционального расстройства психика может потерять целостность. Это значит, что какая-то часть разума действует независимо, отдельно от основного потока сознания. Здесь наиболее важно определить природу эмоционального расстройства, чтобы его причины могли осознаваться, чтобы их можно было понять. Такое разделение следует отличать от раздвоения личности, когда нарушения могут быть постоянными.

Нет никакого сомнения в том, что комплексы регулярно проявляются в наших снах. Снова и снова во сне фигурирует не известная нам, возможно, безымянная личность. Это персонификация комплекса. Появление этих персонификаций возможно благодаря свойству бессознательного скрываться от нас. Они принимают разные формы, приятные и неприятные. Часто нам жаль, что сон закончился и вместе с ним ушла возможность вести себя так, как мы ни за что не позволим себе поступать в реальной жизни.

Мы можем самодовольно думать, что не отвечаем за наши сны! При определенных формах психоза (тяжелое умственное заболевание) комплексы могут проявляться в форме голосов. Здесь комплекс становится

слышимым, так же как при галлюцинациях комплекс становится видимым.

Юнг был убежден в необходимости того, чтобы узнать больше о своих пациентах, он часами разговаривал с ними в палате, пытаясь определить, что привело к их болезни. То, что пациенту был поставлен диагноз, допустим шизофрения, еще ничего не значило для Юнга. Он хотел узнать, почему у этого человека появились именно такие, а не другие нарушения. Каждого пациента нужно рассматривать как личность. Он считал, что болезнь затрагивает весь организм и что необходимо исследовать не только разум, но и тело человека. Очень скоро ему удалось показать, что влияние эмоций можно продемонстрировать не только с точки зрения психологии, но и с точки зрения физиологии. Он был одним из первых, кто это сделал. Когда отмечалась реакция на каждое слово-стимул в тесте словесных ассоциаций, одновременно записывались пульс, особенности дыхания и показания психогальванометра. Это прибор, записывающий количественные изменения электропроводимости кожи, сопровождающие изменения в эмоциях. Пациент составлял с гальванометром электрическую цепь, держа по электроду в каждой руке, и изменения в его организме отображались графически. Когда слово-стимул провоцировало комплекс, у человека отмечались соответствующие реакции: время реакции увеличивалось, дыхание становилось тише, возрастило сердцебиение, изменялись показания психогальванометра. Сегодня такие результаты никого бы не удивили, так как все уже знают о психосоматических проявлениях эмоций. В начале века все было совсем по-другому — психологическое и физиологическое воздействие эмоций и бессознательного оставалось незамеченным. Юнг оказался впереди своего времени, обнаружив и использовав тот факт, что разум и тело — это вовсе не отдельные субстанции, что они не функционируют независимо друг от друга, как утверждал философ Декарт (1596—1650) и как многие с тех пор считали.

Определив с помощью теста словесных ассоциаций, что какая-то часть личности, о которой человек ничего

не знает, может вмешиваться в его сознание, Юнг поставил задачу определить, как появляется эта скрытая группа идей, то есть комплекс. Как мы уже знаем, комплекс напоминает *невроз* — нервное расстройство. Но как можно объяснить это неприятное состояние? По одной некогда очень распространенной и все еще поддерживаемой некоторыми теориями, в человека входит злой дух и приносит эту болезнь. В англиканской церкви и в мусульманстве иногда используются методы изгнания этих нечестивых духов. Жане, выдающийся французский психиатр, считал, что слабая структура сознания ведет к его расщеплению, наблюдаемому при истерии и других заболеваниях. К сожалению, непонятно, как происходит это расщепление. Юнг видел в теории Жане скорее описание, чем объяснение, в ней не рассматривалась огромная сила комплекса, действующая независимо от воли пациента и здравого смысла. Однако разгадка тайны комплекса уже была близка.

■ Встреча Фрейда и Юнга

Теории Фрейда, касающиеся бессознательного, не были широко известны в начале века, и даже те, кто слышал о его работах, не придавали им большого значения. Юнг несколько лет назад прочитал «Интерпретацию снов» Фрейда и знал, что Фрейд сделал ряд значимых открытий в области лечения неврозов. Особенно его впечатлила *теория подавления*. Ее значение можно понять, если анализировать, что происходит с человеком, когда он сталкивается с проблемой: он может рассмотреть возможные способы ее решения и путем размышлений прийти к решению; в другом случае проблема может остаться без решения или — и это очень важный момент — конфликт может незаметно выпасть из сознания, потому что он оказался подавленным. *Подавление* — это не замечаемая, то есть бессознательная, реакция на осознаваемую ситуацию. Однако конфликт не исчезает, в глубине бессознательного он остается активным и может, к нашему удивлению и ужасу, порождать симптомы.

Такова вкратце теория подавления Фрейда. Юнг понял, что это давало удовлетворительное объяснение задержке реакции в teste словесных ассоциаций, и, естественно, это очень сильно заинтересовало его. Он тут же написал Фрейду письмо, в котором рассказал, что при помощи теста словесных ассоциаций он нашел экспериментальное подтверждение истинности его теории подавления. Фрейд был рад тому, что его теория подтвердилась, хотя и не сомневался в ее правильности. Юнг был первым, возможно единственным, кто представил такое доказательство. В своем письме Юнг писал об автономной природе комплекса, Фрейд принял это к сведению, однако впоследствии никак не воспользовался этой идеей.

Некоторые думают, что Юнг занялся психиатрией под влиянием Фрейда, но это не так. Заинтересовавшись психиатрией под влиянием Крафт-Эбинга, он начал свое официальное обучение в декабре 1900 года, когда стал работать в больнице Бургхёльцли. Он пишет: «...начинал я не с Фрейдом, а с Эйгеном Блейлером и Пьером Жане, которые были моими непосредственными учителями. К тому моменту, как я начал публично защищать Фрейда, у меня уже была научная позиция, широко известная благодаря моим экспериментам с ассоциациями, которые я проводил независимо от Фрейда, и благодаря основанной на этих экспериментах теории комплексов. Нашему сотрудничеству [с Фрейдом] препятствовало мое принципиальное несогласие с его теорией сексуальности, и продолжалось это сотрудничество до тех пор, пока Фрейд не начал идентифицировать теорию сексуальности со своим научным методом»¹³.

Юнг со своей женой приняли приглашение Фрейда приехать к нему в гости в Вену в 1907 году, и их очень тепло там встретили. До этого Фрейд переписывался с так называемой цюрихской школой, в которой Юнг и Эйген Блейлер были лидерами, во время этого визита между ними установился и личный контакт. Эрнест

Джонс пишет про то, какой интерес у него вызвали психиатры из Цюриха: «Естественно, для Фрейда было очень важно, что у него нашлись сторонники в Цюрихе, это были первые его сторонники за рубежом, и причем они не были евреями. Когда после многих лет равнодушия, насмешек и оскорблений на сцене появились широко известные преподаватели из знаменитой зарубежной клиники и горячо поддержали его идеи, нужно было бы иметь крайне философский склад характера, чтобы не впасть в восторг»¹⁴. Юнг также цитирует письмо от Фрейда, касающееся сотрудничества Юнга с представителями направления психоанализа: «То, что он [Юнг] поддержал мои идеи, было особенно важно. Можно было бы сказать, что только его появление на сцене спасло психоанализ от того, чтобы стать чисто еврейским делом»¹⁵.

Юнг узнал о Фрейде благодаря публикации 1906 года «Психология dementia pugaeos». В предисловии к книге читаем: «Даже беглого взгляда на мою работу достаточно, чтобы понять, насколько я обязан замечательным открытиям Фрейда... Однако верность Фрейду не означает, как многие боятся, слепого подчинения догме, вполне можно сохранить и независимое мнение. Если, например, я признаю комплексные механизмы снов и истерии, это не значит, что я придаю важность только детским сексуальным травмам, как почему-то делает Фрейд»¹⁶.

Для Юнга в этой встрече сочетались большие ожидания и разочарования. Он на многое надеялся, но ему не удавалось вырваться за рамки узкого, как ему казалось, подхода Фрейда, который сосредоточивался на мелких деталях и ограничивался ими, выйти за рамки его теоретических предположений. Их первая беседа была очень продолжительна. «Наша первая встреча, — говорил Юнг, — продолжалась тринадцать часов без

¹⁴ Цит. по: Jones E. Sigmund Freud. Life and Work. Vol. 2, pp. 48, 53. London: Hogarth Press, 1955.

¹⁵ C. W. Vol. 3, p. 3.

¹⁶ BBC Broadcast 1955. Quoted in C.G.J., p.148

перерыва. Мы говорили, говорили, говорили... Я пытался разобраться в особенностях менталитета Фрейда. Для меня тогда, как и для всех, он был странным феноменом. И затем я очень четко увидел его точку зрения, и я уже примерно понял, с чем я не соглашусь»¹⁷. Но все-таки Фрейд произвел на Юнга огромное впечатление. В более поздней книге мы можем прочитать: «Фрейд был первым действительно важным человеком, с которым мне приходилось иметь дело; к тому времени никто из тех, с кем мне приходилось работать, не мог сравниться с ним. В его мнениях не было ни капли банальности. Он показался мне очень умным, проницательным и вместе с тем очень видным человеком. Однако мои первые впечатления о нем были неоднозначны; он остался непонятен для меня»¹⁸.

17 M.D.R., p. 146.

18 Ibid.

II

Психологические типы

■ Фрейд и Юнг. Обмен идеями

Юнг высоко ценил интеллект Фрейда и его работу, как уже проведенную, так и проводившуюся в то время, и это в некоторой степени компенсировало его разочарование, вызванное тем, что Фрейд придавал основное значение психологии детской сексуальности. Хотя Юнг не разделял этой точки зрения, он принял многие идеи Фрейда и чувствовал, что идеи психоанализа могли развиваться и дальше. Поэтому он был рад сотрудничать с Фрейдом, и это сотрудничество продолжалось более шести лет. Все это время Юнг жил в Цюрихе и работал в госпитале Бургхёльцли. Фрейд приезжал к нему в гости в его дом в Кюснахте, а Юнг в свою очередь приезжал к нему в гости в Вену. Если бы они жили в одном городе, их сотрудничество могло бы быть гораздо более тесным, но им приходилось ограничиваться перепиской, нечастыми визитами и встречами на конференциях. Фрейд был высокого мнения о Юнге и никогда не упускал возможности узнать его мнение о перспективах развитии психоанализа. Поскольку два исследователя встречались нечасто, они общались через письма. Фрейд каждую неделю писал Юнгу, а тому было тяжело отвечать

на все эти письма, но Фрейд каждый раз ждал ответа, и часто, если его не следовало, посыпал телеграмму, в которой спрашивал, почему Юнг не отвечает.

Медицинское образование в то время не включало систематического изучения умственных отклонений. Большинство врачей ничего об этом не знали. Фрейд был замечательным исключением из этого правила, в его работах проявлялось оригинальное понимание психологических особенностей неврозов, однако то огромное значение, которое он придавал детской сексуальности, по мнению Юнга, приводило к тому, что он не обращал внимания на столь же значимые или даже более значимые моменты. Он пишет: «Отношение Фрейда к духу показалось мне очень спорным. Сталкиваясь с его проявлением (в интеллектуальном, а не в сверхъестественном смысле) в человеке или произведении искусства, он воспринимал его с подозрением и почему-то относил его к подавленной сексуальности. Все, что нельзя было напрямую трактовать как сексуальность, он относил к психосексуальности»¹⁹.

Таким образом, еще задолго до их разрыва начали появляться некоторые признаки того, что их сотрудничеству придет конец. У Юнга сложилось впечатление, что Фрейд намеревался создать полноценную, завершенную систему психологической мысли и надежную совокупность знаний как защиту от искажения его идей. Личный опыт Фрейда сделал до боли очевидным тот факт, что другие врачи в его родной Вене и в остальном мире не были готовы принять его идеи. В медицинской среде всегда существовало сопротивление изменениям в установленных методах лечения, в особенности лечения умственных заболеваний. У врачей и людей, увлекающихся медициной, умственные заболевания вызывают трепет, как будто в них есть что-то опасное. Когда в дело вступают эмоции, здравый смысл бессилен. Вот почему Фрейд решил взять за основу своей работы то, что предвзятые оппоненты не смогут так просто обойти. После нескольких лет работы в одино-

честве он образовал узкий круг коллег, на чью лояльность и чье сотрудничество он мог полагаться. Он был безоговорочным лидером внутри этой группы, несогласие с его взглядами раздражало его, и он, очевидно, не приветствовал критических замечаний. Юнг вспоминает беседу в Вене, иллюстрирующую это: «Мой дорогой Юнг, обещайте мне никогда не оставлять теории сексуальности. Это самое важное. Понимаете, мы должны сделать ее догмой, непрступным бастионом. <...> Несколько удивленный, я спросил его: „Бастионом против чего?“ На что он ответил: „Против черных потоков грязи, — тут он на секунду замолчал, — оккультизма“. Слова „бастион“ и „догма“ встревожили меня, ведь догма, то есть неоспоримый постулат веры, устанавливается только тогда, когда ставится цель подавить все сомнения раз и навсегда... Я знал, что никогда не смогу принять такое отношение. Судя по всему, под „оккультизмом“ Фрейд имел в виду практически все знание о психике, накопленное философией и религией»²⁰.

Фрейд хотел, чтобы его система была четкой, недвусмысленной, и Юнгу совсем не нравилась такая строгость: познания о разуме были ограничены, и были необходимы самые разнообразные исследования, а это возможно, если только быть открытым к переменам и новым идеям. Желание Фрейда установить жесткие постулаты, по мнению Юнга, скорее мешало, а не способствовало продвижению науки. Любой намек на предвзятость будет неизбежно тормозить развитие. Юнг всеми силами поддерживал расширение научного кругозора и не хотел, чтобы были навязаны какие-либо ограничения. В конце концов у Юнга не получилось убедить Фрейда в том, что его (Фрейда) оригинальное исследование может быть расширено, и в результате сотрудничество прекратилось. У Юнга было множество своих идей, и он совсем не хотел устанавливать шаблон для новой науки, который претендовал бы на то, чтобы просуществовать вечно.

■ Пути расходятся

В «Психологии бессознательного» (переименованные «Символы трансформации» в «Собрании трудов») Юнг выступал за одну идею — более широкое использование термина «символ». Для него символ был «лучшим из всех возможных описаний или формулировок неизвестного факта, который тем не менее осознается и постулируется как существующий»²¹.

Фрейд не рассматривал символ подобным образом, он предпочитал наделять его тем, что называют материальным значением, то есть обращаться с ним так, как будто он относится к реальным объектам или людям, и, таким образом, он исключал любые нематериальные или абстрактные идеи. Следовательно, Юнг использовал термин «символ» семиотически, как знак (*sema* по-гречески обозначает «знак»), обозначающий что-то хорошо известное, хотя и не воспринимаемое сознанием. Юнг понимал термин по-другому: для него символ — это некий неопределенный, неустановленный материальный либо нематериальный объект, о котором мы не обладаем точными знаниями, но осознаем его существование. Любое другое использование понятия «символ»казалось ему непростительной слепотой, это значило для него, что человек отказывается замечать то, чему нельзя дать определение, но что можно увидеть по производимому эффекту. Например, государственный флаг страны выражает нечто большее, чем то, что можно просто высказать словами. Он представляет собой не просто знак или альтернативное выражение того, что можно было бы выразить простым языком, в него вложены сложные оттенки смысла и подтексты, и он часто вызывает сильные эмоции, провоцирующие действие. Юнг комментирует точку зрения Фрейда так: «Фрейд ошибочно называет символами те части нашего сознания, которые дают нам ключ к пониманию бессознательного. На самом деле это не символы... согласно его учению, они играют роль только знаков или симптомов скрытых процессов. На самом

²¹ Types, p. 601.

деле, понятие „символ” означает совсем другое, его следует понимать как выражение интуитивного восприятия, которое на данный момент нельзя ни понять лучше, ни выразить по-другому»²².

Это может показаться буквoедством, но это не так. Между двумя значениями термина «символ» есть существенные различия. Символизм в том значении, в каком это слово использовалось задолго до Фрейда, подразумевает сходство, сознательное сравнение. Как пишет Делбиз: «Фрейд кардинально изменил обычное значение слова „символ”. В психоанализе символизм представляет собой прямую противоположность обыкновенному символизму <...> поскольку обычный символ не подразумевает прямых причинно-следственных отношений с тем, что он обозначает»²³. У Фрейда так называемый материальный символ относится к объектам или к людям, и, как он заявлял, любое отклонение от этого вполне может быть попыткой избежать неприятных выводов, которые станут очевидны, если принять материальные символы. Фрейд учитывал возможность того, что пациент, подвергающийся анализу, может осознанно или неосознанно пытаться избежать определенных выводов, потому что они ему не нравятся. В ту же ловушку может попасть врач, лечащий пациента, и он должен любой ценой избежать этой ошибки. С другой стороны, Юнг утверждал, что Фрейд со своей трактовкой понятия «символ» фактически рассматривал символ как замену реальной вещи, это сужало значение понятия и неизбежно вело к недопониманию символизма и, следовательно, психологии человека.

Кроме того, Фрейд настаивал на том, что символ — это искаженное выражение внутренних, неосознаваемых мыслей, которые, проявляясь в нашем сознании, обладают меньшим эмоциональным зарядом, чем-то, что они символизируют. То есть нож, палка и т. д. могут

²² Jung C.G. Contributiones to Analytical Psychogy, pp. 231—232. London: Kegan Paul, Trench, Trubner&Co. Ltd., 1928. См. также: C. W.as Vol. 15. The Spirit in Man, Art, and Literature.

²³ Dalbiez R. Psychoanalytic Method and The Doctrine of Freud. Vol. 2, pp. 102—103. London: Longmans, Green&Co., Ltd.

символизировать пенис. Символы, по его мнению, создаются на основе опыта личности и среды, в которой личность находится. Если сравнить эту трактовку символа с трактовкой Юнга, станет очевидно, что они с Фрейдом расходились по очень важному вопросу.

Из-за того что Юнг так и не принял точки зрения Фрейда на символы, он подвергся критике со стороны Фрейда и других ученых. Обнародованная им позиция относительно символов поддерживалась серьезными аргументами. Но Фрейд отверг то, что казалось Юнгу важным и продуманным шагом в развитии теории, и, хотя такая реакция была предсказуема, Юнга это шокировало. «Я заранее знал, что эта публикация будет стоить мне дружбы с Фрейдом, потому что он бы никогда не смог принять мою точку зрения». Именно так все и произошло. В качестве аргумента Юнг приводил то, что понятие эдипова комплекса в учении Фрейда подразумевало склонность к инцесту, а Фрейд, рассматривая этот комплекс, «зациклился на его литературной интерпретации и не видел духовного смысла инцеста как символа»²⁴. Свое мнение о разработанной Фрейдом теории инцеста Юнг выразил в последней главе «Психологии бессознательного» (о жертве). В соответствующей главе той же книги, в ее последнем виде, с названием «Символы трансформации»²⁵ Юнг критикует Фрейда за то, что он придает слишком большое значение инцесту и детским фантазиям. Также он оспаривает точку зрения Фрейда о том, что причины всех неврозов лежат в глубоком детстве, поскольку характер, темперамент, которые впоследствии сложатся у ребенка, и неврозы, которые могут возникнуть у него в будущем, зависят от того, как он реагирует на свой эдипов комплекс. Юнг считал, что невроз вызывается неспособностью человека справиться с текущей проблемой, а это состояние ума может сохраняться надолго и с каждым днем обновляться²⁶.

²⁴ M.D.R., p. 162.

²⁵ C.W. Vol. 5, ch. 8.

²⁶ Ibid., p. 420.

Различия в мировоззрении Юнга и Фрейда становились все более очевидными еще задолго до того, как их пути окончательно разошлись. Напряжение в их отношениях достигло пика в 1912 году на IV психоаналитическом конгрессе в Мюнхене. Не стоит полагать, что их разногласия происходили только на научном уровне, их теоретические дискуссии часто сопровождались сильными эмоциями. Юнг никогда не был подхалимом, он признавал достоинства Фрейда, но не возводил его на пьедестал. В самом начале их сотрудничества, когда Фрейд решил назначить Юнга наследником своего учения о психоанализе, между ними нередко происходили дружеские споры. Но однажды дискуссия перешла на иной эмоциональный уровень, когда после разговора с Юнгом (причем у этого были свидетели) Фрейд упал в обморок. Вспоминая этот случай, Эрнест Джонс пишет, что до этого на других мероприятиях Фрейд также терял сознание после разговора с Юнгом: «На том мероприятии, как и сейчас, Фрейд одержал небольшую [словесную] победу над Юнгом»²⁷. Однако объяснение Юнга кажется более правдоподобным. Во время обеденного перерыва ученые беседовали о египетском царе Аменофисе IV, разрушившем могилу своего отца. Фрейд был уверен, что такой поступок со стороны сына был проявлением комплекса отца. Юнг сказал, что не согласен с ним, и решил, что Фрейд просто не до конца понимает или совсем не понимает действия Аменофиса. «Напротив, — говорил ученый, — он [Аменофис] чтил память своего отца, а его деструктивный порыв был направлен только на имя бога Амона, которое он повсюду уничтожал... <...> Аменофис намеревался избавиться от множества египетских богов и заменить их единым богом Солнцем. В своем неуклонном стремлении установить монотеистическую религию Аменофис в различных частях страны забывал надписи на камнях, содержащие имя Амона, включая и надпись на могиле его отца... Аменофис был творческим и глубоко религиозным

²⁷ Jones E. Op. cit. Vol. 2, p. 165.

человеком, чьи действия нельзя объяснить только личными обидами на отца. В этот момент Фрейд соскользнул со стула без сознания... Я поднял его, перенес в другую комнату и положил на диван»²⁸.

«Психология бессознательного» Юнга на этом психоаналитическом конгрессе подверглась жесткой критике, в особенности ее вторая часть. По мнению Фрейда, взгляды Юнга не могли повести развитие психоанализа в правильном направлении. «Однако, несмотря на доводы Фрейда, три пятых всех участников конференции проголосовали за то, чтобы сделать Юнга президентом конгресса»²⁹.

Здесь их пути разошлись, и Юнг отошел от школы Фрейда. Позднее, когда дым сражения уже давно рассеялся, Фрейд, говоря о Юнге, отмечал, что «это была большая потеря».

■ Происхождение типологии Юнга

Фрейд и Юнг были разными людьми, к тому же между ними не прекращались разногласия, часто вызванные эмоциями. Естественно, это очень расстраивало Юнга. Однако несмотря на то, что он был сам вовлечен в этот конфликт, он единственный понимал, что такое существенное расхождение мнений нельзя рассматривать только как личные разногласия по какому-то вопросу. То, что двое умных и честных исследователей не могли прийти к согласию по таким важным вопросам, само по себе было серьезной психологической проблемой. Свести ее к тому, чтобы объявить Фрейда правым, а Юнга неправым или наоборот, значило бы упростить все до степени абсурда. Юнг не стремился к спору как таковому, он хотел расширить наши несовершенные познания в психологии и в психопатологии. Юнга сильно критиковали за его сотрудничество с Фрейдом. В 1907 году, когда они

²⁸ M. D. R., p. 153.

²⁹ Wittels F. Sigmund Freud, His Personality, His Teaching and His School. London: Allen & Unwin, 1924, p. 178.

встретились, большинство профессиональных врачей и людей, серьезно интересующихся психиатрией, в особенности в Вене, относились к Фрейду с подозрением. Юнга не отпугнула его непопулярность, он хотел понять принципы, на которых основывались его исследования. Он критиковал доводы Фрейда, но не критиковал его лично, он всегда знал о его замечательных качествах.

Юнг считал, что их разногласия с Фрейдом основываются на существенных различиях в тех допущениях, которые они делали. Такие допущения необходимы, и их нельзя избежать. Но бывает так, что допущения или гипотезы, которые очевидны для нас самих, заставляют нас делать утверждения общего характера, например о природе разума, и заявлять, что они верны, забывая, что мы все еще имеем дело с гипотезой, а не с абсолютной истиной. Мы вправе подробно описать наши субъективные наблюдения, так как мы воспринимаем мир в соответствии с индивидуальными особенностями нашей психологии. Возможно, нашу точку зрения примут другие люди, те, кто думает так же, как мы. Но те, кто воспринимает вещи под другим углом, могут не согласиться с нами. Юнг пишет: «То, что Фрейд говорил о сексуальности, удовольствии у детей и их конфликте с „принципом реальности“... можно считать точнейшим описанием его собственной психологии. Так было бы правильнее назвать результаты его собственных субъективных наблюдений... Изначально Фрейд считал сексуальность единственной движущей силой, и только после нашего с ним разрыва он наконец начал принимать во внимание другие факторы... Я же объединил все виды влечений и движущих сил в понятии энергия... Это не значит, что я отрицаю значение сексуальности для психики, хотя Фрейд упорно настаивает на том, что я его все-таки отрицаю. Я хочу лишь ограничить необузданную сексуальную терминологию, искажающую любое описание человеческой психики, и поставить сексуальность на подобающее ей место. Здравый смысл неизбежно приведет нас к мысли, что сексуальность — это только один из биологических инстинктов, только одна из психофизиологических

функций, хотя, без сомнения, и очень важная и оказы-вающая на человека очень глубокое воздействие»³⁰. В лечении пациентов Юнг всегда предпочитал «смот-реть на человека в свете того, что в нем есть здорового, и нормального, чтобы избавить больного как раз от та-ких психологических особенностей, которые украшают каждую страницу того, что писал Фрейд»³¹.

Тогда как можно было подойти к психологической проблеме конфликта между Фрейдом и Юнгом? Юнг знал, что у него вряд ли получится беспристрастно оце-нить различия между ним и Фрейдом; при этом неизбеж-но бы превалировала его собственная точка зрения. Од-нако у него была другая идея. Когда он гостил у Фрейда в Вене, он встретил там доктора Альфреда Адлера, одно-го из самых ранних последователей Фрейда. Впоследствии Адлер вступал с Фрейдом в дискуссии, закончившиеся полным несогласием с ним. Все попытки примириться закончились ничем, и они с Фрейдом окончательно ра-зошлись. Юнг решил, что может объективно проанали-зировать споры между Юнгом и Адлером, а это может пролить свет и на его разрыв с Фрейдом. При этих по-пытках разобраться в конфликте Фрейда и Адлера было положено начало исследованию Юнга, посвященному типологии. Задача была не просто в том, чтобы рассмотреть два мнения. Он понимал, что, как и при его собствен-ном разрыве с Фрейдом, конфликт происходил между двумя кардинально отличающимися точками зрения.

Теория невроза Адлера, объясняющая значение сим-птомов при расстройствах, основывалась на принципе власти. Симптомы служат инструментом для управле-ния окружающими, например членами семьи. Больше всего пациент добивается собственной безопасности и превосходства над другими. Его цель — почувствовать, что он имеет власть над остальными, он хочет уравно-весить ощущение своей ущербности, несостоятельнос-ти, того, что вместе называется комплексом неполноцен-ности. Он чувствует, что он хуже, чем другие, даже если

³⁰ C. W. Vol. 4. Freud and Jung: Contrasts, pp. 334—335.

³¹ Ibid., 337—338.

на самом деле это не так. Именно поэтому он пытается достичь превосходства и таким образом оказаться в безопасном положении. В таком случае он рассматривает мир со своей собственной позиции, в то же время у него есть какое-то неопределенное предчувствие возможных трудностей, заставляющее его искать различные средства их преодоления, чтобы не нарушалось его чувство собственной безопасности. Несомненно, в той точке зрения, которую отстаивал Адлер, есть зерно истины. Он убедительно аргументировал справедливость своей психологической системы, Адлер был отличным лектором, писал ясно и доказательно.

С другой стороны, Фрейд, который рассматривал невроз под другим углом, отвергал заявления Адлера. Он утверждал, что симптомы любого невроза, а также характер и темперамент человека напрямую зависят от того, как ребенок справлялся с так называемым эдиповым комплексом. В этот подавляемый ребенком комплекс, о котором говорилось выше, входит сексуальное отношение ребенка к родителю противоположного пола, а также желание занять место родителя своего пола.

Адлер и Фрейд совершенно по-разному рассматривали невроз, поэтому выбор той или иной точки зрения неизбежно определял, по какому пути пойдет лечение больного. По теории Фрейда, следовало восстановить то, как пациент в детском и более позднем возрасте реагировал на проблемы, вызванные важными для него людьми (например, отцом и матерью) в решающие моменты жизни. Эти люди — реальные личности, и ребенок воспринимает их как таковых. Адлер же считал, что у невроза есть конкретная задача, что невроз целенаправлен. Лечение должно заключаться в том, чтобы показать пациенту, что его «образ жизни» определялся его неуверенностью в будущем, предосторожностью в отношении к проблемам современной жизни. Его жизнью управляло стремление избежать ошибок, переложить ответственность на кого-то другого, и это стремление оказывает сдерживающее влияние на всю его жизнь и все его мысли. Если не участвовать в гонке, нельзя в ней проиграть. Если пациенту правильно объяснить его отношение к жизни, болезнь уйдет. Адлер

придавал особую значимость четкому и правильному объяснению и полагал, что, если оно будет таким, как нужно, пациент увидит, насколько это важно, его симптомы уйдут и он поправится.

Юнг собирался рассмотреть конфликт Адлера и Фрейда, взяв каждую теорию и показав, как ее можно использовать для изучения и анализа симптомов конкретного случая невроза. Это исследование, или, точнее, сравнительное изучение, он проводил очень детально. Он сделал два вывода: первый состоял в том, что две эти теории несовместимы друг с другом, второй — в том, что у обеих есть положительные стороны. Каждая теория, как обнаружил Юнг, объясняет психологию и психопатологию исследуемой истории болезни. Если выводы Юнга верны, то, судя по всему, невроз можно рассматривать с двух противоположных точек зрения — Адлера и Фрейда. Другими словами, каждый исследователь рассматривает пациента и его болезнь только в одном аспекте и настаивает, что правильна только его точка зрения, а любое другое объяснение ошибочно. По мнению Юнга, так не могло быть: каждая теория содержит резонные наблюдения, объясняющие определенные аспекты невроза, и даже то, что они несовместимы, не делает каждую из них исключительной. Можно с уверенностью утверждать, что, работая в Вене, Адлер и Фрейд сталкивались с одинаковыми пациентами-невротиками. Юнг сделал вывод: «Каждый исследователь в первую очередь видит в неврозе тот фактор, который соответствует индивидуальным особенностям его собственной личности... они видят одно и то же под разными углами, и, следовательно, у них рождаются кардинально различающиеся взгляды и теории... Это различие не может быть не чем иным, как различием в темпераментах, контрастом между двумя разными типами человеческого мышления. Один из них видит определяющий фактор преимущественно в субъекте, другой в объекте... наблюдение за этой проблемой заставило меня задуматься над вопросом, существуют ли на самом деле два различных типа людей, один из которых более интересуется объектом, а другой — самим собой?»

<...> На основе обширного опыта и многочисленных наблюдений я в конце концов вывел две фундаментальные позиции — интроверсию и экстраверсию»³².

■ Интроверты и экстраверты

Говоря проще, Юнг сделал вывод, что Фрейд и Адлер относятся к разным психологическим типам: Фрейд экстраверт, а Адлер интроверт. Для экстраверта важны в основном события, происходящие вокруг него, они влияют на его жизнь с самого рождения. Допуская, что Юнг прав, мы можем увидеть, что в системе психоанализа Юнга особое внимание уделяется поведению родителей и реакции ребенка на него. Также можно понять, почему Фрейд придает такую важность группе идей в эдиповом комплексе, его подавлению и последствиям, к которым это приводит, если мы примем точку зрения, что Фрейд был экстравертом.

Адлер, напротив, был интровертом. Для интроверта характерна субъективная реакция на обстоятельства. В окружающих событиях для него важно в первую очередь то, что они значат для него, и поэтому он не реагирует на них с такой готовностью, с какой реагирует экстраверт. В «Индивидуальной психологии» Адлера центральной темой было то, что любой психический процесс следует понимать как личную подготовку к достижению цели, а именно превосходства над другими и таким образом вытеснению чувства неполноценности. Согласно Адлеру, ребенок начинает жизнь с чувством неполноценности, недоверием к родителям и миру в целом. В младенчестве, детстве, подростковом и взрослом возрасте человек разрабатывает планы преодоления этого чувства неполноценности и достижения цели, а именно превосходства над другими людьми.

Юнга не интересовали детали психологии Адлера, интересовала только центральная идея — необходимость любой ценой сохранить полноценность личности,

силу своего эго. Личность должна восторжествовать или почувствовать, что восторжествовала, над неблагоприятными условиями жизни.

Юнг считал экстравертов и интровертов нормальными, здоровыми членами общества, видящими жизнь по-разному, согласно своему внутреннему строению. Это строение не предназначено судьбой раз и навсегда, оно может меняться или, по крайней мере, становиться менее выраженным. Сам Адлер по внутреннему строению интроверт, о чем свидетельствует его система мышления, но, судя по всему, с возрастом он все-таки изменился, и его образ жизни стал скорее экстравертывным, чем интровертивным. Интроверсию часто путают с интроспекцией, которая считается болезненным состоянием ума. Иногда интроспекция является отклонением, но было бы глупо делать вывод, что любое размышление попадает под эту категорию. Это было бы преувеличением. Размышлять, раздумывать, мыслить, отмерить, прежде чем отрезать, — все это абсолютно正常но. Именно так следует понимать введенный Юнгом термин «интроверсия». Он считал, что «посмотреть внутрь себя» полезно и желательно. Одна из причин, по которым слово «интроверсия» иногда понимают неправильно, — это приставка «интро-», обозначающая направление, что можно понимать следующим образом: интересы интроверта никогда не выходят за рамки его самого. Естественно, это было бы ненормально. Юнг хотел привлечь внимание к тому очевидному факту, что некоторые люди, которых относят к интровертам, уверены, что ими управляет их собственное восприятие внешних объектов, в то время как другие, экстраверты, приписывают происходящие в них перемены влиянию каких-то внешних факторов.

Юнг очень тщательно проанализировал свою собственную точку зрения. К какой группе он относится? Был только один ответ: он — интроверт. Однако Адлер тоже был интровертом, но они с Юнгом, как было ему известно, были очень разными. Мировоззрение Адлера показалось ему слишком узким, его доводы определялись в основном понятием власти: власти над другими,

власти над жизнью, бросающей человеку вызов. У Юнга был более широкий кругозор, и он отвергал любые жесткие постулаты или догмы для описания личности человека. В конце концов он пришел к выводу, который на фоне тех знаний, которыми мы обладаем сегодня, может показаться очевидным: существуют различные типы интровертов, так же как и различные типы экстравертов. Человеческая природа при всей своей сложности вряд ли может быть разделена на две группы.

Юнг никогда не сомневался в том, насколько ценна его теория, но чего-то еще не хватало: он старался дать слишком простое объяснение очень сложным вещам. По этой причине он отложил публикацию своей работы на десять лет.

Книга Юнга «Психологические типы» вышла в 1920 году, но проблема типологии интересовала его еще за несколько лет до этого. Он упоминал об этом в очерке, опубликованном в 1916 году: «...существуют различные психологические типы, по-разному устроенные, никогда нельзя пытаться загонять мышление человека в рамки своего типа. Представителям разных типов достаточно трудно понять друг друга, но ведь полностью понять другого человека невозможно»³³. Дело в том, что для этого нужно проникнуть в подсознание человека.

Юнг специально воздерживался от того, чтобы на данном этапе обсуждать сложный вопрос о взаимодействии психологии сознания и бессознательного. Формулировка этой проблемы на языке психологии типов представляла особую сложность: «Например, — добавляет он, — слово „личность“ для интроверта означает одно, а для экстраверта другое»³⁴.

Ключевые слова здесь «на данном этапе». По мере того как продвигались исследования, необходимые для написания «Психологических типов», Юнг осознавал, что психология сознания должна быть скординирована с психологией бессознательного. Только так можно понять психологию типов. Другими словами, типологию

³³ Op. cit., p. 272.

³⁴ Ibid., 273.

Юнга нужно сочетать с его общей системой взглядов. Это особенно важно для психотерапии, так как очень полезные сами по себе заключения о пациенте — экстраверте или интроверте — неполноценны, пока ничего не известно о его бессознательном.

При этом не существует абсолютно чистых типов, то есть, например, человека со стопроцентными качествами экстраверта и полным отсутствием интроверсии, часто человек может в более или менее равной степени обладать качествами как экстраверта, так и интроверта. Юнг пишет: «У всех действуют оба механизма — экстраверсии и интроверсии, и только относительное превосходство одного из них определяет, к какому типу человек относится»³⁵.

У экстраверта поток энергии направлен в основном во внешний мир; сознание отражает преимущественно внешние объекты. У интроверта сознание больше направлено на субъект, на собственный внутренний мир. Поскольку умственная энергия направляется по-разному, то производимый в этом случае эффект также будет различным; поэтому, наблюдая за одним и тем же объектом или ситуацией, экстраверт и интроверт могут составить о нем разное мнение. Экстраверт обычно легко контактирует с миром, с людьми, он более естествен, более непосредствен, когда имеет дело с окружающей действительностью. Многие экстраверты любят слушать радио, иногда в качестве фонового шума, и смотреть телевизор; они как будто сами не свои, когда никак не контактируют с внешним миром. Интроверт по своей природе более сдержан, и поэтому производит впечатление человека, к которому трудно найти подход. Но он не затерян в своем собственном мире, он точно так же, как экстраверт, взаимодействует с окружающей действительностью, но относится к ней по-другому. Иногда кажется очевидным, к какому типу относится человек, однако первое впечатление может быть обманчиво, и, перед тем как сделать вывод, нужно лучше узнать человека.

■ Четыре функции сознания

Выделив два типа восприятия реальности, Юнг не публиковал результаты своей работы, еще несколько лет обдумывая их. Он понял, что бывают разные типы экстравертов и разные типы интровертов, простое деление на экстравертов и интровертов слишком приближительно. Чтобы типология успешно выполняла свою функцию, каждую группу нужно было разделить на подгруппы. Нужны были тщательные и продолжительные исследования, в ходе которых выработалась бы классификация людей «не только по общему признаку интроверсии и экстраверсии, но и согласно индивидуальным основным психологическим функциям»³⁶. «Под психологической функцией [образом действия] я понимаю определенную форму психической деятельности, которая теоретически остается неизменной при изменяющихся обстоятельствах. С точки зрения энергии функция — это проявленная форма либидо, психической энергии, которая теоретически остается неизменной, подобным образом физическую силу можно рассматривать как форму проявления физической энергии в конкретный момент», — писал он³⁷.

Очевидно, типология Юнга, сначала кажущаяся такой простой, на самом деле намного сложнее. Не нужно слишком серьезно относиться к профанным играм авторов популярных журналов, где людей разделяют на две аккуратные группы экстравертов и интровертов. Экстраверсия и интроверсия — это два общих типа, внутри каждого существует своя классификация, в ней различается четыре функции: мышление, чувство, ощущение и интуиция. Таким образом, получается восемь типов: мыслительный, чувствующий, ощущающий и интуитивный в экстравертной и интровертной форме. Согласно Юнгу, функций было только четыре. Он не был как-то особо расположен к числу четырех, просто не было других функций, кроме этих четырех, или,

³⁶ Ibid., p. 14.

³⁷ Ibid., p. 547.

по крайней мере, он не смог различить больше. С помощью мышления мы можем распознать значение или предназначение наблюдаемого нами объекта, то есть мы формируем понятие о нем; чувство сообщает нам о том, какое значение имеет для нас этот объект; ощущение имеет дело с информацией, которую мы воспринимаем через зрение, осязание, и т. д., а интуиция касается идеи времени, так как указывает на лежащие перед нами возможности. С этим психологическим компасом (это сравнение однажды использовал Юнг) можно попытаться разобраться в непростом психологическом устройстве среднестатистического человека. Если пойти дальше, типология может помочь нам изучить человеческую психологию более точно, более разборчиво.

Существует множество других типологий. Одна из самых ранних, греческая, описывает человека согласно четырем жидкостям в человеческом теле и делит людей на сангвиников (кровь), холериков (желтая желчь), флегматиков (слизь) и меланхоликов (черная желчь). Эта знаменитая типология, которую так трудно объяснить физиологически, была очень распространена со времен Античности до Средних веков. Даже сейчас мы используем ее в разговоре, называя человека сангвиником, холериком, флегматиком или меланхоликом.

Немецкий психиатр Кречмер ассоциировал особенности физического строения человека с важными характеристиками его личности³⁸. Сразу заметно, что Кречмер работал с больными людьми, а Юнг — со здоровыми. Шизоид Кречмера соответствует патологической форме интроверта Юнга, а его циклоид — патологический пример экстраверта Юнга.

Типология Юнга не учитывает физические характеристики и ограничивается классификацией нормальных психических данных. Следует отметить это, так как Юнг рассматривал симптомы неврозов и психозов (с некоторыми исключениями, такими как, например, наруше-

³⁸ Кречмер Эрнст (1888—1964) — немецкий психиатр и психолог. Разрабатывал учение о связи основных типов конституционного телосложения человека с определенными типами темперамента. (Примеч. ред.)

ния, вызванные инфекциями либо травмой) как нарушения нормальных процессов, как что-то, что вторглось в гармоничную жизнь человека. В отличие от классификации греков и поздних ученых, Юнг не заявлял, что его типология полная, что она лучшая из возможных.

Когда «Психологические типы» были опубликованы на английском языке, переводчик этой книги, покойный доктор Бэйнес, назвал ее венцом работы Юнга. Это было подробное представление психологии сознания, и, судя по всему, эта публикация завершала уже широко известную работу Юнга по психологии бессознательного. Сюда относятся «Психология dementia praecox», «Психология бессознательного» и еще несколько работ, включаяющих «Важность бессознательного в психопатологии», зачитанную на ежегодном собрании Британской медицинской ассоциации в Абердине в 1914 году. Слова «венец работы» означают некую завершенность, говорить о которой еще рано, так как Юнг продолжал вносить свой вклад в психологическую мысль вплоть до своей смерти в 1961 году.

Сознание — это отношение психических явлений к так называемому *эго*, и ничто не может являться сознательным без этого, к которому оно относится. Младенец не имеет представления об этом, вследствие чего он воспринимает свою мать и других людей как часть самого себя. На более поздних этапах развития осознание своего *эго* постепенно развивается, и обычно с восьми-девятилетнего возраста ребенок осознает: «я есть». Таким образом, Юнг говорит о сознании как о неком производном от бессознательного. Гипотеза о бессознательном заложена в «Психологических типах». Проявления экстраверсии, интроверсии и каждой из четырех основных функций неизбежно взаимодействуют друг с другом. То, что не проявляется в сознании, можно найти в бессознательном. Это имеет существенное практическое значение в психотерапии, основная цель которой состоит в том, чтобы сделать сознательными (а значит, контролируемыми) подавленные или забытые воспоминания и таким образом восстановить здоровую или, по крайней мере, более здоровую, чем раньше, работу разума.

III

Бессознательная умственная деятельность

■ Психогенез умственного заболевания

Несколько годами ранее медицинские исследования Юнга заставили его заинтересоваться философией, в особенности «Критикой чистого разума» Канта и работами Шопенгауэра, Каруса³⁹, фон Гартмана⁴⁰ и других. Он знал, что бессознательное как постулат философской мысли существовало уже несколько столетий. О существовании иного мира, позднее названного бессознательным, он впервые догадался, когда наблюдал за девушкой-медиумом, о которой говорилось выше. Он чувствовал, что этот другой мир жил собственной жизнью, совершенно отдельной от жизни нашего сознания. Но он не мог понять, что это был за мир. Однако непонимание не делало этот вопрос менее важным для Юнга.

39 Карус Карл Густав (1789—1869) — немецкий биолог, врач, психолог и натурфилософ. Один из основоположников психологии бессознательного. Иностранный член-корреспондент Петербургской АН (1827). (Примеч. ред.)

40 Гартман Эдуард фон (1842—1906) — немецкий философ, сторонник панпсихизма. Основой сущего считал абсолютное бессознательное духовное начало — мировую волю («Философия бессознательного»). (Примеч. ред.)

Многие вещи существуют вне нашего понимания, и Юнг не считал нужным отбрасывать любое понятие, которое он не мог доказать, — существование этих понятий не зависит от доказательств. Опыт продолжает существовать вне зависимости от нашей способности объяснить его. Юнг очень хорошо знал, что некоторым людям сложно отойти от восприятия психики как чего-то, принадлежащего только им. Причина в том, что они не знают ничего о бессознательном и воспринимают, например, сон как «просто» сон, как будто у него нет собственной жизни. У Юнга такой проблемы не было. Наблюдения за девушкой-медиумом навели его на мысль о том, что психика — это объективное явление со своими собственными законами. Интересно было то, что в трансе пятнадцатилетняя девочка могла вести себя как тридцатилетняя женщина, как будто она видела свою будущую жизнь! Эти проявления личности были для Юнга особенно важны. Конечно, на него в некоторой степени оказали влияние философские труды о бессознательном, но они были абстрактны, им не хватало прямоты.

Несомненно, размышления по этому поводу помогли Юнгу высоко оценить работу Фрейда, посвященную снам, когда он столкнулся с ней. Юнг в неоплатном долгу перед Фрейдом. Своим «исследованием снов, — писал Юнг, — он [Фрейд] проложил широкую дорогу к бессознательному, которое до этого существовало только как философский постулат»⁴¹. Это был инструмент, казалось бы безвозвратно потерянный со времен первых попыток прочитать послание, заключающееся в сновидениях.

Исследование Юнга в госпитале Бургхёльци на людях с отклонениями и пациентах-хрониках стимулировало его упорное стремление выяснить, что могут означать болезни такого рода. Они, судя по всему, не имели отношения к заболеваниям, которыми занималась общая медицина. Он не был готов принять термины, такие как шизофрения, как будто слово само по себе что-то

значило. Он хотел узнать, что скрывается за необычными симптомами этого заболевания. Может быть, это была какая-то сложная проблема человека, или, может быть, сочетание физического и умственного заболевания. Его эксперимент со словесными ассоциациями, а также личный опыт убедили Юнга в реальности бессознательной умственной деятельности. Во многих случаях он был уверен, что болезнь вызвана неосознаваемым психологическим конфликтом. Конечно, этот вывод нельзя было доказать, но к нему явно приводил опыт бесед с пациентами. Его догадки о влиянии бессознательного на пациентов были существенным стимулом для работы, и он с энтузиазмом продолжал свои исследования.

Интерес Юнга к случаям шизофрении и ее лечению, возникший за девять лет работы в госпитале Бургхёльцили, продолжался всю его жизнь. Однако разгадка все ускользала от него. Некоторые из его пациентов-шизофреников становились хроническими инвалидами, некоторым становилось лучше, однако причина улучшения была неизвестна, поэтому лечение было чисто умозрительным, и загадка шизофрении оставалась загадкой.

В 1919 году Юнг зачитал перед секцией психиатрии Королевского медицинского общества в Лондоне доклад, названный «О проблемах психогенеза умственного заболевания»⁴² (психогенез означает «появление в сознании»). Двадцать лет спустя там же он зачитал второй доклад «Психогенез шизофрении»⁴³. Он все еще был убежден, что психогенез представляет важность, но не отрицал возможности того, что здесь могут действовать и другие факторы. Психогенез не подразумевает исключительно психологического происхождения. Все еще стоял вопрос, является ли болезнь результатом изначальной слабости эго, то есть сознания, или необузданной силы бессознательного? В 1956 году Юнг зачитывал доклад «Последние мысли о шизофрении» на радио «Го-

⁴² C. W. Vol. 3, p. 211.

⁴³ Ibid., p. 233.

лос Америки»; передача транслировалась на тридцати языках. В 1959 году этот доклад был переведен на немецкий язык, а сейчас доступен и на английском⁴⁴. Юнг имел дело с проблемами шизофрении, которые не решены до сих пор, он уверил, что разумный путь — это выдвижение умозрительной гипотезы, основанной на известных нам фактах и выводах, сделанных после наблюдения и лечения пациентов. Хотя наше знание о психологии шизофрении не полное и похоже, что некоторые аспекты умственной жизни шизофреника выходят за рамки субъективного объяснения. У пациента наблюдаются нарушения способности формировать идеи, чувствовать, его эмоциональные ценности ломаются или вообще отсутствуют.

При неврозе субъективное содержание можно объяснить особенностями биографии, но при шизофрении обнаруживаются коллективные элементы — *архетипные структуры*, и, приняв субъективное их происхождение, вряд ли можно объяснить их специфическую архаичную форму и их значение. Юнг добавляет: «...До сих пор не открыт такой психологический процесс, который объяснял бы процессы, происходящие при шизофрении, то есть особое расщепление личности. Я пришел к выводу, что причиной может быть воздействие токсинов, вызываемое местной органической дезинтеграцией, психологическим изменением, происходящим вследствие эмоционального давления, превышающего возможности клеток мозга»⁴⁵.

Так или иначе, объектом психологического исследования становится этот токсин. Кроме того, психопатологам необходимо ответить еще на один вопрос: что может означать содержание мыслительного процесса шизофреника?

Теперь нужно объяснить два термина, упомянутых выше: (а) бессознательная умственная деятельность и (б) личное и коллективное бессознательное.

⁴⁴ Ibid., p. 250.

⁴⁵ Ibid., p. 253.

■ Бессознательная умственная деятельность

В конце прошлого века⁴⁶ Майерс, автор книги «Человеческая личность и то, как она выживает при смерти тела», и другие исследователи спиритуалистических явлений, таких как автоматизм, одержимость и экстаз, говорили об умственной деятельности за гранью сознания. Такие слова, как подсознание, подсознательное Я, были широко известны за рамками философских кружков еще до Фрейда. Это можно сказать и о явлении гипнотического транса. Когда Фрейд, изучая природу снов, открыл путь к бессознательному, его выводы приняли холодно и сдержанно, потому что врачи считали спиритуалистов и гипнотизеров шарлатанами и склонялись к тому, чтобы отнести Фрейда к этой же категории.

Юнг считал теорию подавления Фрейда резонным объяснением того, почему бессознательное стало бессознательным: сознательный опыт, оказавшийся неприемлемым и вызывающим конфликт, подавлялся и таким образом становился бессознательным. Если бы не произошло подавления, опыт сохранился бы в сознании; следовательно, бессознательное, составленное из подавленного материала, сходно с сознанием. Этот подавляемый материал, будучи бессознательным (то есть неизвестным сознанию), доступен только косвенно, через анализ снов, раскрытие значения симптомов или осознание сущности комплексов.

Некоторые думают, что бессознательное со своими многочисленными неясными и неуловимыми проявлениями должно быть чем-то неправильным и, следовательно, отсутствовать у нормальных людей. Это заблуждение вызывало тревогу у некоторых из пациентов Юнга. Обычный для человека выход за рамки умственного процесса может стать ненормальным. Если он заходит слишком далеко и особенно если ведет к необычным поступкам, его следует считать ненормальным и

⁴⁶ Имеется в виду XIX век. (Примеч. ред.)

принимать соответствующие меры. У так называемых нормальных людей часто бывают кратковременные симптомы истерии и навязчивости.

Их не стоит рассматривать как свидетельство о нарушениях сознания. Все имеющиеся на данный момент знания свидетельствуют о том, что бессознательное — это естественное явление. Оно включает в себя множество аспектов человеческой природы: тьму и свет, мудрость и глупость, прекрасное и безобразное, глубину и поверхность. Не знать о том, что мы обладаем бессознательным, или думать, что его содержание можно спокойно игнорировать, значит отрицать часть нашей природы, которая может представлять огромную важность для понимания человеческой психологии, а также для лечения болезней.

Интересно отметить, что Фрейд в Вене, с помощью психоанализа, и Юнг в Цюрихе, с помощью теста словесных ассоциаций, независимо пришли к сходным выводам о происхождении комплекса: о том, что он указывал на действие бессознательного. Юнг был очень впечатлен, увидев, что бессознательное действует автономно, то есть независимо от сознательной мотивации.

■ Личное бессознательное

Как говорилось ранее, публикация «Психология бессознательного» (1912) показала, что Юнг расширил термин «символ», или, скорее, вернул ему его исходное значение. Результаты исследований объективных данных и симптомов у пациентов с умственными заболеваниями убедили Юнга, что не все, что происходило с пациентами необычного, можно объяснить их личной биографией и подавлением идей, конфликтующих с сформировавшимися у них идеалами. Ошибочные суждения, которые не исправить объяснением (сюда относятся мании, галлюцинации — такие, как голоса), как будто находятся за пределами какого-либо личного опыта. Подобно этому, содержание некоторых снов было совершенно странно для пациента, который не имел никакого

представления о том, что они могут значить. Но как бы причудлив ни был этот очевидно безличностный опыт, он должен был что-то значить. Рассмотрев эти две группы идей — личностные и безличностные, — Юнг выдвинул гипотезу о том, что бессознательное, в общем, делится на личное и коллективное (неличное), которое, как видно из названия, выходит за рамки личного опыта.

Эксперименты со словесными ассоциациями говорили в пользу гипотезы о личностной и безличностной составляющих бессознательного. Например, было отмечено, что, когда слово-стимул затрагивало тему, имеющую отношение к комплексу, это сказывалось на времени реакции, и иногда данный ответ удивлял самого тестируемого. Такой ответ интерпретировался в качестве ответа прямо из комплекса, так как комплекс ведет себя как отдельная личность, действует самостоятельно и постоянно препятствует нашим сознательным намерениям. Как будто у комплекса есть своя умственная жизнь, как будто это еще одна личность, живущая как часть нашей личности, которую мы не замечаем. Когда этот комплекс начинает осознаваться, что происходит при психологическом лечении, эта вторая, побочная личность исчезает. Другими словами, пациент освобождается от этого конкретного комплекса, какую бы форму он ни принимал. Например, у пациента есть страх быть запертым в замкнутом пространстве, таком как маленькая комната или железнодорожный вагон, то есть группа идей, формирующая симптомы, — это комплекс. Такие комплексы появляются прежде всего из-за подавления.

■ Коллективное бессознательное

Юнг считал, что кроме этих содержаний есть еще содержания другого рода. Они никогда не были в сознании и поэтому не могут быть результатами подавления, индивидуального процесса. Они безличностные, то есть коллективные. Юнг вновь и вновь обнаруживал такие содержания сознания и выдвинул гипотезу о том, что

возможным объяснением может служить коллективное бессознательное. Такие комплексы «вырастают из бессознательного и заполоняют сознательную часть разума своими таинственными и непостижимыми убеждениями и импульсами... По-моему, роковой ошибкой было бы считать психику человека чем-то исключительно личным и объяснять ее исключительно с личностной точки зрения. Такое объяснение применимо к человеку только тогда, когда отношения, в которые он вступает с людьми, и дела, которыми он занимается, — обычные, каждодневные»⁴⁷.

«Личное бессознательное» Юнга включало в себя фрейдовское понятие о бессознательном, состоящем из отдельных содержаний, порожденных подавлением. Это понятие само по себе было правильно, и Юнг принял его, но дополнил новым понятием — коллективным бессознательным. Этот термин часто неправильно понимали как раньше, так и сейчас. Его путают с групповым разумом, бессознательным действием толпы, заменяющим сознательную деятельность личности. Юнг не имел в виду ничего подобного. В отличие от личного бессознательного, коллективное бессознательное — это не персональное приобретение. Как бы ни был уникален разум каждого человека, многое в нем нисколько не отличается от разума других людей, потому что у разума всех людей есть общий фундамент, общее основание. Именно его Юнг называет коллективным бессознательным.

■ Архетип и инстинкт

Отличительная черта коллективного бессознательного — это его наследственное происхождение, в отличие от личного бессознательного, которое формируется на основе личного опыта. Как мы знаем, личное бессознательное по большей части состоит из комплексов, а коллективное бессознательное состоит из архетипов, то есть

⁴⁷ C. W. Vol. 11, pp. 11, 15.

первичных форм. Юнг полагал, что «инстинкты [врожденные склонности, к которым человек специально не приучается] очень похожи на архетипы — настолько похожи, что есть основания полагать, что архетипы — это бессознательные образы самих инстинктов. Другими словами, это паттерны инстинктивного поведения. Гипотеза о коллективном бессознательном осмеливается только утверждать существование инстинктов»⁴⁸.

Юнг особо подчеркивал универсальный характер коллективного бессознательного: «...некоторые его содержания у всех людей более или менее одинаковы. Другими словами, у всех они идентичны и, следовательно, составляют общий психический фундамент, или надличностную природу человека, свойственную каждому из нас»⁴⁹.

Покойный профессор Генри Франкфурт критически отзывался о гипотезе Юнга и особенно о его утверждении, что она применима ко всем людям. Он пишет: «Для него [Юнга] бессознательное — это часть человеческой сущности, которую никогда нельзя полностью понять и рассмотреть и которая порождает творческие идеи. В то время как, согласно объяснению Фрейда, образы, порождаемые бессознательным, ограничены опытом конкретной личности, Юнг утверждает, что эти образы представляют только часть материала, и, более того, образы и символы могут принять форму, знакомую разве что человеку, занимающемуся историей религии, но не пациенту, для которого (то есть для его подсознания) они не имеют смысла. Юнг назвал эти, казалось бы, надличностные образы архетипами, а их совокупность — коллективным бессознательным»⁵⁰. Г. Франкфорт говорит, что, как показали исторические наблюдения, «архетипы вовсе не универсальны». В качестве примера он приводит чувства, которые ребенок испытывает к мате-

⁴⁸ Ibid. Vol. 9, part 2, pp. 43, 44.

⁴⁹ Ibid., p. 4.

⁵⁰ Frankfort H. The Archetype in Analytical Psychology and the History of Religion // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1958. Vol. 21, n. 3—4, pp. 166—178.

ри и отцу и на которые, как он утверждает, «сильное влияние оказывает общественный строй. В матриархальном обществе, где отец в доме матери — посторонний человек или даже гость, а главой семьи является дядя по матери, сыновние чувства отличаются от тех, что наблюдаются в патриархальном полигамном обществе. При патриархальной моногамии они также будут другими»⁵¹.

Судя по всему, здесь имеется в виду утверждение Юнга, что проявления различных архетипов, наблюдавшихся в типичных для человека ситуациях, таких как отношение ребенка к отцу и матери или к одному из них, для всех одинаковы. Профессор Г. Франкфорт отмечает, что в разных общественных строях эти отношения различны. Но для ребенка вряд ли будет существовать разница между настоящим отцом и другим человеком, заменяющим отца. Отношения с таким человеком будут сходными у всех детей, независимо от общественного строя. У Г. Франкфорта есть и другие наблюдения по поводу понятия архетипов у Юнга. В его научном эссе содержится критика, которой Юнг был бы рад. Г. Франкфорт признает широту его ума: «...что на самом деле отличает его исследования, это то, что они касаются живой психики, работы воображения, символов и образов, потоком льющихся из бессознательной части нашего разума в сновидениях. Открытые Юнгом связи этих образов со стремлениями, надеждами и тревогами, короче говоря, внутренней жизнью человека, видящего эти сновидения, впечатляют своей широтой и глубиной»⁵².

Юнг всегда был против любых утверждений абсолютного характера и считал, что изучение человеческой психологии еще только начиналось. Студенты иногда удивляются тому, насколько всеобъемлющими оказались его собственные утверждения об архетипах. Если бы они знали его, они бы поняли, что он всегда был готов учиться, готов отбросить гипотезу, если на то были

51 Ibid.

52 Ibid.

веские причины. По характеру Юнг был исследователем, он чувствовал, что еще многое не было открыто, что наши карты будут вновь и вновь составляться заново. Однако такая открытость ума не требовала от него отказа от своих выводов, прежде всего потому, что его оппоненты не предоставляли другого объяснения тому, что он называл архетипами. Если в сновидениях пациента появлялись некоторые мотивы, связанные с материалом древней мифологии, Юнг принимал это как факт и проводил параллель со своим пациентом. Была вероятность того, что этот материал можно применить и к другим пациентам, что в дальнейшем постоянно подтверждалось. Он никогда не настаивал на том, что такие параллели однозначно свидетельствуют о присутствии одинакового наследия у людей всего мира. Иногда казалось, что это так, иногда — наоборот. По мнению Юнга, раса с древним культурным наследием обладала коллективным опытом, недоступным другим расам. Представители каждой из них, скорее всего, будутходить друг на друга, это касается как разума, так и тела.

Слово «архетип» придумано не Юнгом. Оно использовалось уже несколько столетий и обозначало исходный образец, или прототип, с которого делаются копии. Таким образом, в теории «идей» и «форм» Платона отдельно взятая лошадь, к примеру, будет обладать качествами, присущими всем лошадям. То есть коллективная идея или форма — это антитеза индивидуальной, потому что она свойственна группе людей, а не одной личности, следовательно, коллективное бессознательное — это не личное, а всеобщее приобретение. Если инстинкты, не приобретенные побуждения, — это врожденный образ действий, то архетипы играют роль врожденной манеры восприятия. Юнг пишет: «Гипотеза о коллективном бессознательном относится к классу идей, которые сначала кажутся людям странными, но затем присваиваются людьми, и они начинают пользоваться ими как близкими и привычными представлениями... Понятие архетип удачно и полезно, так как оно говорит о том, что, когда дело касается коллективного бессознательного, мы имеем дело с архаичными или, я бы

сказал, первоначальными типами, то есть с универсальными образами, существующими с незапамятных времен»⁵³.

Говоря о своих взглядах на коллективное бессознательное, Юнг часто сравнивал историю человеческого разума с историей тела человека. Очевидно, что тела всех людей в мире сходны. Человеческие тела остаются очень похожими и отличаются совсем немного, несмотря на то что они прошли разный путь, с разными температурными крайностями, разным образом жизни и обычаями. Это же касается и разума, здесь наблюдаются такие же соответствия. Юнг был убежден, что дальнейшие исследования особенностей в психологии сновидений приведут к открытиям в области структуры и особенностей развития разума, подобным тем, которые сделаны в сравнительной анатомии.

Понятие «коллективное бессознательное» не подразумевает потери индивидуальности. Инстинкты у всех людей проявляются по-разному и воспринимаются как личные особенности, и никак иначе. То, что инстинкты общие у всей расы, не лишает их индивидуальности. При этом коллективное бессознательное переживается индивидуально.

Юнг иногда использовал термин «объективная психика» как синоним коллективного бессознательного, но предпочитал более ранний термин. Свою работу по коллективному бессознательному он считал самым важным своим вкладом в психологию. Когда его спрашивали про его личный миф, который придавал бы жизни смысл, он тут же отвечал: «О, это коллективное бессознательное».

Говоря о своей гипотезе о коллективном бессознательном, Юнг употребил слово «наследственность», из-за этого некоторые решили, что архетипы — это то же самое, что приобретенные качества. Юнг всеми силами старался исправить это недопонимание. Он считал, что строение бессознательной части разума — это *a priori* врожденный фактор. Поэтому новорожденный

младенец — это сложная, но в то же время четко определенная индивидуальность. Мы не можем непосредственно наблюдать этого, пока не начнет видимым образом проявляться его психическая жизнь, а такие проявления, вне всякого сомнения, будут индивидуальны. Другими словами, мы начинаем видеть в нем уникальную личность. Даже нейтральный наблюдатель, не говоря уже о его собственной матери, не будет сомневаться в этом. Джон Локк (1632—1704) — врач и философ, напротив, утверждал, что разум ребенка можно сравнить с пустой восковой табличкой, на которой жизненный опыт оставляет свои записи⁵⁴. Сегодня никто уже не согласится с этим. Мнение Юнга по этому вопросу расходилось с точкой зрения Локка. Он считал невозможным, чтобы детали, из которых состоит уникальная личность ребенка, появлялись именно в тот момент, когда они начинают проявляться видимо: «То, что способности и таланты передаются через многие поколения, мы объясняем наследственностью... это же касается сложных инстинктов у животных, которые никогда не видели своих родителей и, следовательно, не могли научиться этому у них... Идея о том, что „человеческие качества“ не передаются по наследству, а заново формируются у каждого ребенка, так же нелепа, как первобытное представление о том, что солнце, восходящее утром, это не то же самое солнце, что зашло предыдущим вечером, а другое»⁵⁵.

■ Гипотеза о коллективном бессознательном и ее происхождение

Сны занимали важное место в жизни Юнга и часто способствовали дальнейшему продвижению его работы. Исследование сновидений знаменовало или, во всяком

⁵⁴ Джон Локк — английский философ, интеллектуальный вождь XVIII века, первый философ эпохи Просвещения. Его теория познания и социальная философия оказали глубокое воздействие на историю культуры и общества. (Примеч. ред.)

⁵⁵ Ibid., p. 78.

случае, предваряло появление понятия коллективного бессознательного. Это произошло в 1909 году, когда Фрейд и Юнг вместе отправились в Соединенные Штаты, куда их пригласили прочитать ряд лекций. Во время путешествия они анализировали сны друг друга; это неизбежно требовало определенного личностного анализа, довольно краткого по современным меркам. Доктор Дэвид Страффорд-Кларк предположил, что этого анализа на самом деле не происходило: «Существует забавная, но, скорее всего, недостоверная история о том, как Юнг и Фрейд попытались провести взаимный анализ, что, возможно, послужило их полному несогласию и размолвке»⁵⁶.

Доктор Страффорд-Кларк не приводит никаких доводов, на которых основывается его скептицизм. Возможно, он предположил, что, если бы этот анализ состоялся, Эрнест Джонс упомянул бы о нем в своей книге «Зигмунд Фрейд». О том, что этот взаимный анализ на самом деле имел место, Юнг упоминал в одной из своих книг: «Путешествие в Соединенные Штаты, начавшееся в Бремене в 1909 году, продлилось семь недель. Каждый день мы были вместе и анализировали сны друг друга»⁵⁷. Юнг, и не только он, упоминал об этом в лекциях, Юнг говорил об этом также в радиопередаче BBC и в некоторых личных беседах. Подробности бесед не приводились. До сих пор в правдивости слов Юнга никто не сомневался. Оба, Фрейд и Юнг, верили в психоанализ, и, если у Фрейда возникали личные затруднения, он просил Юнга помочь разрешить их. Это было широко известно задолго до смерти Юнга в 1961 году. Если у доктора Страффорда-Кларка были сомнения в правдивости «истории», он мог навести соответствующие справки. Подобное описание совместного анализа снов напоминает то, как Эрнест Джонс комментирует отношения Юнга и Фрейда в книге

⁵⁶ Stafford-Clark D. What Freud Really Said. London: Macdonald, 1965, p. 236.

⁵⁷ M. D. R., p. 154.

«Зигмунд Фрейд: Жизнь и работа»⁵⁸. Следует помнить, что в течение нескольких лет Фрейд глубоко уважал Юнга. Он по своей инициативе сделал его постоянным президентом Ассоциации психоаналитиков, ответственным за дальнейшее развитие психоанализа. Сложно понять, почему взаимный анализ сновидений Фрейда и Юнга «забавен, но, скорее всего, недостоверен».

Когда они проводили этот взаимный анализ, Юнгу приснился сон, и он спросил, что Фрейд думает о нем. Вот этот сон:

«Я находился в *своем* доме. Это был большой дом с множеством комнат и коридоров, он смутно напоминал очень старый дом моего дяди, построенный у ста-ринной городской стены в Базеле. Я был на втором эта-же, здесь все было обставлено хорошей мебелью, как у меня в кабинете. Комната была оформлена в стиле во-семнадцатого века, мебель была очень красивая. Я заме-тил изящную лестницу и решил, что мне необходимо посмотреть, что находится внизу, я спустился на пер-вый этаж. Устройство помещения и обстановка, каза-лось, принадлежали шестнадцатому или более ранним векам. В комнате было довольно темно, мебель была старая и массивная, я не знал, что тут находилось, и мне это понравилось. Я предположил, что внизу может быть подвал, и он действительно был. Он был очень древним, возможно римской постройки. Я начал спускаться по пыльной, очень ветхой лестнице и увидел голые стены с отваливающейся штукатуркой, за которой прогляды-вали „римские“ кирпичи, пол был выложен камнями. Было жутковато, когда я спускался по лестнице с фона-риком в руке. Я решил, что теперь нахожусь в самом низу. Но затем в углу я увидел квадратный камень с вде-ланнным в него кольцом. Я поднял его и под ним увидел еще один подвал, очень темный, он напоминал пещеру или, возможно, гробницу. Когда я поднял камень, туда проникло немного света. Подвал был полон древних гончарных изделий, костей и черепов. Я был поражен,

и, когда осела пыль, я почувствовал, что сделал большее открытие. Тут сон закончился, и я проснулся»⁵⁹.

Сон озадачил Юнга; но у него были некоторые догадки о том, что он может значить. Он вспоминал, как смотрел на Фрейда, обдумывающего его сон, пытаясь предположить, что он скажет. Фрейд сосредоточился на костях и черепах и пренебрег остальным. Он думал, что это связано с человеком, чьей смерти Юнг хотел, — черепа могли означать только смерть. «Был такой человек?» — спросил Фрейд; Юнг ответил: «Нет, вовсе нет». Но Фрейд настаивал на этой трактовке, и Юнг расспросил его, почему он уверен, что во сне выражено именно желание смерти, и поинтересовался, к кому, по мнению Фрейда, это желание может относиться: идет ли речь о каком-то конкретном человеке, например о жене? «Да, — ответил Фрейд, — возможно. Скорее всего, сон означает именно это». Юнг был удивлен и отметил, что там был не один, а несколько черепов. Однако Фрейд все равно был сосредоточен на тех сторонах сна, которые могли означать смерть. Юнг спросил: «Что вы думаете обо всем остальном, что было во сне?» Но Фрейда больше ничего не заинтересовало.

В этом сне особенно впечатляет атмосфера ожидания, это было похоже на исследовательскую экспедицию. Юнг не только обсуждал этот сон с Фрейдом, но и сам много времени посвятил его обдумыванию. Он время от времени возвращался к этим размышлениям спустя месяцы, даже годы после этого. У него никак не получалось определить, как в этом сне раскрывается его личность. Затем ему пришло в голову, что дом может

⁵⁹ Юнг говорил мне об этом сне в 1951 году, а в 1961 он был опубликован (см.: C. G. J., pp. 86, 87). Когда книга вышла, Юнг прочитал ее и добавил свои комментарии, а также несколько изменил текст. Например, он добавил слово «в своем доме» и отметил, что это особенно важно, потому что это показывает, что он идентифицировал себя с домом, он представлял внешний аспект личности, ту ее сторону, которую видят другие. Но во сне обстановка дома была незнакома Юнгу. Трактовка сна была снова опубликована в 1963 году (M. D. R., p. 155). Хотя ее формулировка отличается от приведенной здесь трактовки, смысл ее тот же самый. (Примеч. авт.)

представлять собой историю культуры, каждый этаж — это определенная эпоха. Так, при раскопках под фундаментами современных домов обнаруживают остатки других зданий. Юнг считал, что дом во сне со своей разнообразной архитектурой может быть какой-то исторической аллюзией. Может быть, что-то похожее на структуру этого сна можно наблюдать в истории человечества? «Именно тогда, в тот момент, — говорил Юнг, — у меня появилась идея о коллективном бессознательном»⁶⁰. Гипотеза казалась правдоподобной и даже довольно значимой. Чем больше Юнг думал об этом, тем больше ему нравилось то, что порядок этажей во сне может напоминать ход развития нашей культуры или других культур, что, кроме личностных элементов, в психике существуют безличностные, самостоятельные элементы, некоторые из них проходят сквозь столетия, другие находятся где-то вне времени.

В коллективном бессознательном внимание Юнга особенно привлекало то, что мысли и идеи, которые никогда до этого не были сознательными, спонтанно возникают из этого безличностного источника. Примеров такого рода было много, и это привело его к мысли, что бессознательное — это не просто хранилище прошлого опыта, подавленного или забытого. Он пишет: «...многие художники, философы и даже ученые говорят, что некоторые из их лучших идей родились благодаря вдохновению, внезапно пришедшему из бессознательного... Сама история науки дает четкое подтверждение этому. Например, французский математик Пуанкаре и химик Кекуле⁶¹ признают, что некоторые из их важных научных открытий были сделаны благодаря образам, „откровениям”, явившимся из бессознательного. Так называемый „мистический опыт” французского философа Декарта включал в себя подобное внезапное

⁶⁰ С. Г. Ј., р. 88.

⁶¹ Кекуле Фридрих Август (1829—1896) — немецкий химик-органик. Научные интересы преимущественно были сосредоточены в области теоретической органической химии и органического синтеза. (Примеч. ред.)

откровение, при котором он в один миг увидел „порядок всех наук”. Британский писатель Роберт Льюис Стивенсон несколько лет искал сюжет, подходящий, чтобы выразить „сильное чувство двойственности человека”, пока однажды идея истории доктора Джекила и мистера Хайда не открылась ему во сне»⁶².

Идеи Юнга о коллективном бессознательном были опубликованы в 1912 году в книге «Психология бессознательного», туда также вошло утверждение Юнга о значении символов. Сам Фрейд в одной из своих последних книг упоминал наше «древнее наследие» и «следы памяти» прошлых поколений. Он признавал, что интерес к антропологии в нем побудил Юнг: именно четкие указания Юнга на глубокие аналогии между продуктами умственной деятельности невротиков и первобытных народов привлекли его внимание к этому вопросу⁶³.

■ Эмпирическое мировоззрение Юнга

Когда понятие о бессознательном было введено в психологию, его приняли довольно холодно, и неудивительно, что гипотезу о коллективном бессознательном встретили сухо и сдержанно. Юнг сам осознавал, что представить так называемое научное объяснение этого понятия было сложно, поэтому он говорил о нем как о гипотезе, которая дает адекватное или удовлетворительное объяснение наблюдаемым фактам: «Говоря о коллективном бессознательном, я не возвожу его в ранг принципа, я только даю название совокупности наблюдаемых факторов, то есть архетипов...»⁶⁴

Так как гипотеза о коллективном бессознательном давала разумное объяснение некоторым непонятным моментам в его медицинской деятельности, Юнг, конечно, был начеку и был готов при любой возможности попытаться применить свою теорию.

⁶² M. S., p. 88.

⁶³ Freud S. An Autobiographical Study. London: Hogarth Press, 1949, p. 121.

⁶⁴ C. G. J., p. 102.

Юнг использовал анализ сновидений при лечении пациентов задолго до того, как ему приснился сон о средневековом доме. Ему нужно было выявить значение снов с учетом ассоциаций человека, видящего сон. Сон про полет в самолете, который затем разбился, не имел бы значения без ассоциаций, но, если они есть, это значение можно определить. Иногда тот, кому снился сон, ничего не мог сказать о мотивах этого сна, это часто происходит с детьми. Если архетипы проявляются в снах и фантазиях детей, вряд ли удастся выявить ассоциации, так как ребенок не может предложить никаких идей. Это неудивительно, ведь этот материал не может исходить из сознания. Часто ребенок, проснувшись утром, рассказывает про свой сон, или просыпается ночью, говорит о своем сне и снова засыпает. Утром он может забыть об этом. Сновидения этого типа хорошо известны, а их значение иногда можно выявить, сравнивая их со сновидениями других детей или с мифологическими сюжетами. Здесь очень цельными окажутся опыт и знания аналитика. Волшебные сказки обычно представляют собой архетипный материал, и детям они нравятся, потому что разум ребенка на этой стадии развития еще не далеко отошел от глубоких коллективных слоев бессознательного, из которых выходит сознание.

Еще один источник архетипного материала Юнг нашел в галлюцинациях некоторых пациентов-шизофреников, которых он наблюдал в лечебнице. Часто содержание этих галлюцинаций было совершенно непонятно, пока он не обнаружил сходство между галлюцинацией и определенным мифологическим и историческим материалом. К своему удивлению, он постоянно находил здесь параллели. Исследования галлюцинаций не всегда были успешны, и тогда их содержание оставалось загадкой. Тем не менее достигнутые успехи воодушевляли. Они ценные тем, что делали понятным для Юнга содержание болезни. Только поняв болезнь, он мог найти ключ к ее лечению.

Тем, кто приправливает мифологию к выдуманным или сверхъестественным историям, может показаться странным, что Юнг полагался на параллели с мифоло-

гией. Но все не так просто. Мифы существовали задолго до науки, в них люди выражали жизнь такой, какой они ее видели и чувствовали, более точно, чем при объективной научной оценке. Важность мифов общеизвестна. Поэтому Арнольд Тойнби⁶⁵, пытаясь решить проблемы культурного неравенства различных сохранившихся человеческих обществ, счел бесполезными безличностные потенциальные научные объяснения XIX века. Он пишет: «Их прорыв... заставил меня обратиться к мифологии, я сделал это довольно осознанно и осторожно, как будто это был провокационный шаг назад. Я был бы более уверен в себе... если бы к этому времени уже познакомился с работами К.-Г. Юнга, они бы дали мне ключ»⁶⁶.

Хотя медицинская деятельность подтверждала теорию о коллективном бессознательном, ей не хватало доказательств, в том смысле, в котором доказательство понимается в науке. Однако выявленные сходства требовали какого-то объяснения. Периодически галлюцинация содержала архетипные мотивы, о которых пациент, судя по всему, не мог ничего знать. Чтобы дать четкую картину «той глубинной психической деятельности», которую называют коллективным бессознательным, Юнг опубликовал фрагменты из истории болезни пациента с галлюцинациями. Сначала он просто не мог понять, о чем человек говорил. Позже, когда был опубликован перевод одного древнего папируса, он с удивлением обнаружил, что там содержался материал, поразительно похожий на содержание галлюцинаций пациента⁶⁷. Конечно, каждый может объяснить этот материал, основываясь на иной гипотезе, но, пока этого не сделано, гипотеза Юнга по-прежнему в силе. Юнг комментирует это так: «Этого и подобного опыта было достаточно,

⁶⁵ Тойнби Арнольд Джозеф (1889—1975) — английский историк, сторонник цивилизационного подхода, автор концепции «вызыва-и-ответа». Его 12-томный труд «Постижение истории» (1934—1961) посвящен фундаментальному анализу возникновения, развития и отмирания цивилизаций всемирной истории. (Примеч. ред.)

⁶⁶ Toynbee F. J. Civilization on Trial. Oxford University Press, 1949, p. 11.

⁶⁷ C. W. Vol. 8, p. 150.

чтобы дать мне зацепку: речь идет не о расовой наследственности, а о характеристиках, общих для всего человечества. Речь также идет не об унаследованных идеях, а о функциональной предрасположенности порождать такие же или очень похожие идеи. Позднее я назвал эту предрасположенность *архетипом*⁶⁸.

Юнг считал возможным, что эти архетипные модели передаются с традициями и при миграции, но считал важной гипотезу об их наследственной передаче, потому что эти архетипные образы могут появляться спонтанно, то есть независимо от традиций и миграции.

Для Юнга изучение структуры разума — если, конечно, здесь можно использовать термин «структур» — в основном заключалось в ежедневной работе по лечению пациентов, в особенности в анализе их снов. Кроме снов, которые были напрямую связаны с жизнью и личным опытом пациента, он постоянно сталкивался со сновами безличностными по природе или с содержанием, не объяснимым на личностном уровне, но понятным с точки зрения рассмотрения коллективного бессознательного. Анализ снов занимал основное место в методике лечения Юнга.

Сновидения

■ Сновидения в детстве и в пожилом возрасте

Детские мечты, о которых говорилось в предыдущей главе, представляют особый интерес, потому что ребенок все еще близок к миру, из которого он пришел, — первичному миру бессознательного. Когда Юнг был ребенком, его поразил сон, который он видел в четыре года. Он запомнил этот сон навсегда, и это мимолетное событие оставило неизгладимое впечатление на всю его жизнь, хотя он ничего не понял в этом сне, когда он ему приснился. Даже будучи ребенком, он чувствовал, что не должен говорить о нем.

До того момента, как Юнгу исполнилось двенадцать, его отец был настоятелем храма в Райнфале, возле Шаффхаузена в Северной Швейцарии. Его отец был священником, и их дом был расположен неподалеку от церкви. Во сне он был один в поле, где обычно играл, возле дома, и вдруг, к своему удивлению, он обнаружил в земле квадратную дыру. Полный любопытства, он заглянул в эту дыру и увидел каменную лестницу, медленно и нерешительно он стал спускаться по ней. В самом низу была дверь, прикрытая зеленою занавеской. Он отодвинул эту

занавеску и увидел большую прямоугольную комнату с каменными стенами. От двери вдоль комнаты тянулась красная ковровая дорожка к возвышению, на котором стоял большой стул. Это был не обычный стул, а массивный золотой трон с красной подушкой, а на нем находилось то, что можно было принять за ствол дерева примерно трех с половиной метров в высоту. Его верх венчался чем-то красным, как будто состоящим из плоти, подобием головы с отверстием, похожим на глаз демонического божества, но все же это была не голова. Никогда он не видел ничего подобного и не имел представления, что это могло означать, — его охватила паника. Тут он услышал голос матери, обращающейся к нему. Он звучал вполне отчетливо, как будто она была в поле, у входа на лестницу, однако во сне он понимал, что она была в доме, метров за двести оттуда. «Только посмотри на него, — говорила она, — он людоед»⁶⁹. Слова матери напугали его. Дело в том, что слово «людоед» у него ассоциировалось со священником-иезуитом в сутане, которого он недавно видел возле дома. «Иезуит» в его понимании значило «Иисус», и тогда он представил Иисуса, поедающего мертвого человека. Хотя он ничего не понял в этом сне, у него возникла мысль, что, так как эта комната была под земной поверхностью, значит, в жизни есть нечто загадочное, кроме того, о чем говорит повседневный опыт.

Такой сон, безличностный по своей природе, так как он не соотносился с личным опытом, показывает, насколько ребенок близок к миру бессознательного. Такие впечатляющие сны, судя по всему, сняться на важных этапах жизни, как будто в такие моменты мы обращаемся к опыту человечества, частью которого мы являемся.

Примерно за неделю до смерти (6 июня 1961 года) Юнгу приснился сон: «Я увидел большой круглый камень или сложенное из нескольких камней сооружение на возвышенности, голом возвышенном месте, на нем

⁶⁹ C. G. J., p. 10.

надпись: „Это будет для тебя знаком единства и целостности”. В ту же самую ночь ему приснился еще один сон: «Там был квадратный участок, на котором росли деревья, все их мочковатые корни вылезли из земли и окружили меня, а между корней блестели золотые нити».

С этим моментом из личной жизни Юнга мы переходим к принципам, на которых основывается анализ снов.

■ Сновидение и сновидец

Так как мы ничего не знаем о бессознательном, мы неизбежно воспринимаем все, что с нами происходит, через четыре функции, о которых говорилось ранее. Таким образом, пытаясь понять свой сон, мы сначала рассматриваем его с точки зрения сознания, то есть мы принимаем хорошо обоснованную гипотезу о том, что разум действует как в области сознания, так и за его границами. На самом деле, веский аргумент в пользу реальности подсознания — это то, что мы видим сны. Тот, кто хотя бы чуть-чуть задумывался над этим вопросом, вряд ли усомнится в том, что сон субъективен. Как ни странно, некоторые не соглашаются с этим. Они спрашивают: как мы можем объяснить удивление, удовольствие или страх во сне, если сон чисто субъективен и порождается только видящим его человеком? Как человек может одновременно быть автором, актером и зрителем спектакля, родившегося в его сознании? Этот вопрос проясняется гипотезой об умственной деятельности за пределом сознания. Если отвергнуть эту гипотезу, то получается, что сны изучать бесполезно и не следует обращать на них внимания, так как сон — это только ничего не значащее скопление воспоминаний и фантазий. На первый взгляд сон — неудачный объект для вдумчивого исследования, он слишком напоминает обычную большую бессмыслицу. Такое впечатление производили в свое время и другие природные явления, пока более подробное исследование не показало, насколько ценным оказалось то, что раньше считали

бесполезным. Подобный пример — обнаружение урана в шахтном отвале.

Для начала признаем, что сон — это естественное явление. Сон не зависит от наших сознательных побуждений и совершенно не поддается нашей воле. Мы действительно не сможем доказать, что видели сон, если с этим будут спорить. Здесь не может идти речи о каком-либо подтверждении, но кому нужно такое подтверждение? Конечно, не тому, кто видел сон, для него сон — это неоспоримый факт.

Неудивительно, что сны, как правило, людьми не воспринимаются серьезно. Во-первых, сон может быть довольно неясным, и, даже если он четкий и понятный, остается чувство, что его смысл (если он вообще есть) находится за гранью нашего понимания. Человека с научным складом ума сон ставит в тупик. Разгадать его загадку интеллектуальным методом кажется невозможным. Но на самом деле сон реален, это продукт бессознательного, и поэтому должен представлять интерес для каждого, кто согласен с тем, что бессознательное играет или может играть свою роль при нервных болезнях.

Когда мы начинаем исследовать сон, очень важно оставить предубеждения и предрассудки и рассматривать сон, как мы рассматривали бы неизвестный нам объект, в котором хотим разобраться. Если мы беремся исследовать сон, нам нужна какая-либо теория, потому что только основываясь на чем-то мы сможем увидеть смысл в этой мешанине слов и сюжетов. Но в то же время необходимо сохранять открытость разума, иначе мы можем сами подстроить сон под нашу гипотезу. Невозможно доказать, что у всех сновидений есть смысл, так как многие из них сохраняют свою тайну даже при самом тщательном рассмотрении доктором и пациентом. С другой стороны, многие сны можно понять, извлечь из них информацию, которая до этого была скрыта. Именно такой опыт заставил Юнга написать: «Ни скептицизм, ни критика не позволяют мне считать сны незначительными эпизодами в жизни. Довольно часто они кажутся бессмысленными, но, очевидно, нам самим не хватает ума и догадливости, чтобы прочитать зашиф-

рованное послание ночного царства снов... Никто не сомневается в том, насколько важен для человека сознательный опыт, тогда как мы можем сомневаться в важности бессознательных процессов?»⁷⁰

В том, чтобы помочь человеку понять свой сон, заключается цель психотерапевта, который лечит пациента от невроза — болезни, появление которой кажется необъяснимым. В жизнь человека вторгаются беспокойство, страхи, навязчивости и сводят на нет его сознательные стремления, причем у этого, казалось бы, нет причин и каких бы то ни было предпосылок. Здесь сон может принести практическую пользу. Если понять его смысл, он может помочь, казалось бы, бессильному сознанию и так называемой силе воли справиться с симптомами болезни.

Сон не висит в воздухе, он принадлежит определенному человеку, и важно, чтобы терапевт знал его как личность, чтобы он мог сотрудничать с пациентом и помочь ему лучше понять себя и значение своих симптомов. Поэтому первый шаг — это тщательное изучение жизни пациента, положения его личных и семейных дел. Так как сон описывает внутреннее состояние человека, изучать его следует вместе с этим человеком. Для доктора понять смысл сна или решить, что он его понял, еще не значит помочь пациенту. Он должен «взять пациента с собой». Их совместными усилиями пациент начинает принимать ответственность за свое бессознательное, которое в конце концов является частью его самого. «Сон выражает непроизвольные бессознательные психические процессы, не поддающиеся контролю сознательного разума. Он показывает внутреннюю реальность, внутреннюю правду пациента такими, какие они есть на самом деле. Не такими, какими они представляются мне или какими их хотел бы видеть пациент, а такими, какие они есть»⁷¹.

В повседневной жизни мы никогда не должны судить о человеке по одному или двум отдельным фактам

⁷⁰ C. W. Vol. 16, p. 151.

⁷¹ Ibid., p. 142.

из его жизни. Точно так же неправильно было бы делать поспешные выводы, рассмотрев один или два сна. Один очень яркий сон может играть очень важную роль, но даже при этом его значение все же будет яснее, если проанализировать несколько снов и если врач и пациент потратят больше времени на дальнейшее обдумывание этих снов. Часто происходит так, что последующий сон основывается на предыдущем. Сны необходимо записывать и периодически перечитывать эти записи. Юнг, с большим вниманием относящийся к своим снам, всегда советовал применять именно такой подход к рассмотрению сновидений.

■ Типы сновидений

(а) первичное

Наблюдения показывают, что, когда человек начинает лечиться от нервной болезни, первый визит к доктору может показаться ему особо важным. Может быть, это его первая беседа с психиатром и он слабо представляет, что ему ожидать. Скорее всего, он уже слышал про психоанализ и у него могут быть смешанные чувства по этому поводу. В этой новой, неясной для человека ситуации, судя по всему, оказывается задействована как бессознательная, так и сознательная часть разума. Если психоаналитик спросит (а он должен спросить), какие сны пациент недавно видел, он, скорее всего, обнаружит, что он видел сон в ночь перед сеансом. Это происходит так часто, что это сновидение получило название «*первичное сновидение*». Даже учитывая то, что было сказано о поспешных выводах, основывающихся на отдельных снах, этот начальный сон тем не менее нужно учитывать, так как он часто может привлечь внимание к некоторым особенно важным моментам.

Когда женщину тридцати пяти лет спросили о ее снах при первой беседе, она сказала, что предыдущей ночью видела сон. Во сне она оказалась одна в тропической местности, окруженная частоколом. Частокол находился в лесу, и было непонятно, зачем сделано это огражде-

ние. Ее поразило, что она была одна. Определенно частокол служил для защиты от кого-то, и это оказалось очень существенным, потому что вокруг было множество разных диких животных, в частности, она заметила льва и одного или двух тигров, и еще рядом ходил бегемот. Она выглянула за ограждение и увидела, что животные наблюдают за ней, после чего она проснулась с тревожным чувством.

Ее проблемы были связаны с ее эмоциональной жизнью, она была очень робкой с мужчинами. После обсуждения ее сна стало ясно, что ее инстинкты, в особенности сексуальный инстинкт, и другие части ее личности, представленные во сне группой разных диких животных, не были под контролем, во всяком случае не под контролем сознания, поэтому ей казалось, что они опасны и должны быть устраниены.

Позднее ей приснился другой сон, в котором про слеживались отголоски первого сна: все происходило на английской ферме. Снаружи, за оградой были разные домашние животные: коровы, овцы и лошади. Заметив, что ворота заграждения открыты, она начала прохаживаться между животными и увидела, что они не замечают ее. В поле она заметила быка, но он не обращал на нее внимания. Проходя курс лечения, она увидела, что ее отношение к своим инстинктам основывалось на некотором недопонимании, и ее проблема проявилась в первичном сне, в котором она защищалась от диких, но естественных сторон своей собственной личности.

Юнг писал: «Часто в самом начале лечения сон открывает врачу весь план бессознательного в широкой перспективе»⁷².

Однако это не закон, общий для всех снов. Первичный сон может указывать на жизненную ситуацию в данный момент: работу, семейную жизнь, любые текущие события. При этом содержание сна может заглядывать в будущее или представлять странные события, не имеющие смысла ни для доктора, ни для пациента. Иногда у сна есть как коллективные (безличностные)

черты, так и личностный материал. Являясь частью психической деятельности, над которой мы не властны, сон вряд ли будет соответствовать нашим осознанным ожиданиям.

(б) повторяющееся

Повторяющиеся сны часто встречаются у молодых людей, но они бывают в любом возрасте и могут повторяться годами. В целом повторяющийся сон указывает на повторяющуюся проблему, особенно если сон сильно эмоционально окрашен и человек просыпается, когда ситуация достигает пика. Эти сны всегда связаны с неосознаваемыми проблемами или возможностями. Например, повторяющийся сон о том, как человек опаздывает на поезд, проваливается на экзамене, летает, обнаруживает у себя дома комнату, которую никогда не видел раньше, или подобные типичные сны указывают на бессознательные психические процессы, которые крайне необходимо исследовать.

Одному мужчине сорока с небольшим лет, с тех пор как он начал работать в банке в двадцатилетнем возрасте, постоянно снился один сон. Во сне он запирал двери, прежде чем лечь спать, и вдруг заметил, что через окно в дом пытается залезть человек. Он вовремя успел задвинуть шпингалет, но злоумышленник пошел к другому окну, но и его он успел закрыть, в самый последний момент. Эта гонка продолжалась, пока они не дошли до двери, где злоумышленник опередил его и вошел в дом. Тут человек вздрогнул и проснулся. Этот сон показался ему забавным, и его потом часто вспоминали как семейную шутку. Ему никогда не приходило в голову, что у этого сна может быть смысл. Даже ничего не зная про этого человека, можно сложить определенное мнение о значении этого сна, хотя это было бы неразумно. В беседе с ним обнаружилось, что этот человек крайне пунктуальный, банковское дело нравилось ему своей точностью. Каждый день, считая деньги, он получал большое удовлетворение, как будто это было личным достижением, «что-то было завершено, что-то сделано», и на самом деле он проявлял большие способ-

ности в своей работе. В его жизни, казалось, все было в порядке, но, как ни странно, в личной жизни он был несчастлив. У него испортился характер, ему было страшно оставаться одному, особенно в собственном доме. Он думал о своем доме почти так же, как о себе: все здесь было тщательно спланировано, все было четко и слаженно, его сад был хорошо ухожен. Когда сон рассмотрели, принимая во внимание эти его качества, выяснилось, что дом со всеми своими комнатами: кухней, гостиными, личными комнатами — обозначали его личность. Во сне, когда он бегал, закрывая замки, его удивляло, что дом был намного больше, чем он ожидал, больше, чем на самом деле, ведь он жил в скромном пригородном доме.

Таким образом, во сне проявились части его личности, о которых он просто не знал, потому что они были бессознательны. Так как сон и сновидец — одно целое, было важно определить, какую часть его самого представлял этот неприятный человек за окном: был ли он так совершенен, как считал? Его жена видела другую его сторону и считала его очень надоедливым. Таким образом, сон, повторяющийся несколько лет, был попыткой природы показать другой аспект его личности; но он не обратил на него внимания и посчитал «просто сном».

(в) предваряющее

Сюда относится группа снов, которые, как кажется, предсказывают будущее: «Наши сознательные мысли часто заняты тем, что может случиться в будущем, это же касается и бессознательного. Довольно долго существовало общее мнение, что основная функция снов — это предсказание будущего. В античные времена и вплоть до Средних веков сны играли свою роль в составлении медицинских прогнозов»⁷³.

Юнг приводит пример из собственного опыта: «За несколько месяцев до смерти моей матери, в сентябре 1922-го, мне приснился сон, предсказавший ее»⁷⁴.

⁷³ M. S., p. 78.

⁷⁴ M. D. R., p. 291.

В ноябре 1955 года миссис Юнг серьезно заболела, и шансов выздороветь у нее было мало. Юнгу приснился сон, в котором он разговаривал с уже мертвыми друзьями их семьи. Подробности этого события не указываются, но сон, как он говорил, подтвердил его худшие опасения. Через несколько дней умерла его жена.

Как мы видим, введение Юнгом понятия коллективного бессознательного тоже предварялось сновидением. Из таких событий можно сделать вывод, что сон был вещим: такие выводы действительно делались, когда человек не мог критически посмотреть на свой сон. Юнг не делал таких заявлений. Но тем не менее он часто чувствовал, что предваряющие сны могут указывать на события, которые могут произойти. Однако он не делал по этому вопросу каких бы то ни было догматических утверждений, потому что он знал, что о доказательствах, говорящих за или против этой идеи, не может быть и речи. Но при этом он уделял большое внимание снам такого рода. Он считал, что предваряющие сны «такие же пророческие, как медицинский диагноз или прогноз погоды. Это только предварительная комбинация вероятностей, которые могут совпадать с событиями, которые действительно произойдут, не обязательно во всех деталях»⁷⁵.

Юнг считал, что сон важен для понимания состояния человека на тот момент, когда он приснился, это касается и первичного, и повторяющегося, и предваряющего снов. В результате у нас должна получиться полная картина состояния человека на данный момент. Мы не знаем, что творится в бессознательном в данный момент, знаем только, что это часть психики, состоящей из сознания и бессознательного. Опыт анализа снов — основного источника информации о бессознательном — говорит о том, что из сна можно почерпнуть информацию в помощь сознательным суждениям. С помощью этой информации можно пересмотреть свои действия и побуждения. Если Юнг хорошо знал паци-

ента, он часто видит во сне указание, на что следует обратить внимание. Часто эти указания оказывались очень ценными.

■ Саморегуляция во сне

С теорией снов тесно связана идея Юнга о том, что психика — это саморегулирующаяся система, то есть между сознанием и бессознательным действует компенсирующий механизм. Этот принцип в интерпретации сновидений прошел испытание временем и широко распространен среди психотерапевтов. Изучая сновидение пациента, врач всегда должен думать о том, какую его сознательную позицию может компенсировать этот сон. Юнг дал понять, что компенсация — это, конечно, не автоматический процесс, наблюдающийся абсолютно в каждом сновидении. Чтобы выявить, как происходит процесс компенсации, необходимо изучить несколько сновидений. Как указывалось ранее, все время нужно учитывать жизненную ситуацию пациента на данный момент, так как автоматический процесс компенсации происходит как часть естественного хода событий, и сновидение необходимо рассматривать в отношении к сознательной позиции человека.

Как любой другой вид адаптации тела и разума, компенсация может быть нарушена, и, когда это происходит, начинаются беспокойства и другие расстройства. Говоря о компенсации, Юнг ссылается на Альфреда Адлера, который ввел это понятие в психологию неврозов. Адлер считал, что личность с чувством неполноты компенсирует его, выработав вымышленную цель достижения превосходства, такая же компенсация происходит в теле человека, когда оно травмировано или у человека есть физический недостаток. Юнг пошел намного дальше, он считал, что у человека может происходить общее функциональное приспособление. На него оказало значительное влияние учение Гераклита, греческого философа, жившего в VI веке до нашей эры. Ему принадлежит оригинальная гипотеза

о вечном течении — непрекращающемся движении и изменении. Все приходит и уходит, жизнь обращается в смерть, смерть — в жизнь. Когда у человека возникает однобокое отношение к чему-либо, через какое-то время автоматически появляется противоположное отношение, и баланс восстанавливается. Подобный маятнику процесс управляет многими, казалось бы, случайными событиями. Гераклит называл его правилом энантиодромии — стремления к противоположности (*enantios* — противоположность, *dromos* — быстрое движение). Нет ничего неизменного, постоянного, неподвижного. Повсюду в жизни мы видим «вечно вращающееся колесо перемен». Жизнь — это борьба противоположностей: рождения и смерти, здоровья и болезни, любви и ненависти, отдачи и принятия, систолы и диастолы, лета и зимы, дня и ночи. В древней мифологии, где Немезида — воплощение божественного правосудия не оставляет безнаказанным никакого зла, выражен тот же «закон». Эта же тема поднимается и в пословицах всех стран: «тише едешь — дальше будешь», «за взлетом следует падение» и так до бесконечности.

Следует отметить, что термин «противоположности» не означает противостояния в том смысле, что две стороны борются друг с другом и одна может победить.

В работе разума и вообще в жизни важны обе стороны. Так, в газете «Таймс» (27.11.1965) мы могли прочитать: «Политическая жизнеспособность в конечном счете зависит от того, есть ли сильная оппозиция». Положительное и отрицательное ценны, когда они идут вместе, по отдельности они ничего не значат. Во всей юнговской психологии умственная энергия проявляется как игра противоположностей, компенсирующих друг друга.

Литературный пример компенсации, с точки зрения Юнга, можно найти у Г. Уэллса в романе «Отец Кристины Альберты». Во фразе: «Мистер Примби, ничтожная личность, обнаруживает, что на самом деле он реинкарнация Саргона, царя царей»⁷⁶ — Юнг отмечает, что этот пример компенсации «взят, так сказать, из жизни». Это

загадочное замечание относится к разговору, состоявшемуся между Юнгом и Уэллсом, когда Юнг обедал у него во время своей поездки в Лондон. После обеда зашла беседа об особенностях умственных заболеваний. Уэллс спросил Юнга, что на самом деле происходит в голове человека, у которого развилась шизофрения и появились галлюцинации. Юнг описал течение болезни, сопровождающейся галлюцинациями, и объяснил, что они появляются из-за проекции. (При проекции идеи, рождающиеся в голове человека, приписываются другим людям или связываются с посторонними событиями.) Уэллс был очень заинтересован, а Юнг был удивлен, заметив, что Уэллс был так сосредоточен, что, казалось, сжался на стуле невероятным образом, как губка, впитывая его слова.

До этого Уэллс был очень открытым, и они чудесно пообедали. После того как Юнг закончил свой рассказ, а он, по его собственным словам, говорил почти половину вечера, Уэллс снова стал открытым. Тема этого разговора, получив существенное развитие, стала основной в романе Г. Уэллса «Отец Кристины Альберты».

В лечении неврозов при помощи анализа снов понятие компенсации очень полезно. Его можно объяснить пациенту простыми словами на примерах, часто встречающихся в повседневной жизни. В то же время трудно выяснить точно, что происходит при компенсации, но этого и не нужно. Формулируя свои взгляды на компенсацию, Юнг, как он сам говорил, «руководствовался опытом», как должен делать каждый серьезный работник, прежде чем не станет понятно, как работает комплекс тела — разум.

■ Компенсация: умственная и физическая

Работу разума можно сравнить с работой компенсатора — механического устройства, заставляющего аппарат работать с определенной скоростью, чтобы достичь максимальной эффективности работы и сохранить ее.

Как можно предполагать, похожий принцип компенсации наблюдается и в человеческом теле. Механизмы гомеостаза осуществляют в теле человека определенную саморегуляцию. Эти механизмы работают как компенсаторы, сохраняющие единство и удерживающие показатели на оптимальном уровне. Если в этом механизме происходят сбои, здоровье человека оказывается под угрозой, у него развивается болезнь. Иногда симптомы болезни можно рассматривать как попытку восстановить нормальное состояние. К сожалению, эти попытки не всегда успешны и иногда может потребоваться медицинское лечение. Такое лечение основывается (или должно основываться) на знании физиологии и биохимии тела, а его цель — восстановить равновесие, то есть механизм компенсации. Саморегуляция разума, так же как и тела, происходит автоматически, если наша реакция на необычные обстоятельства не нарушает ее. Врачи постоянно пытаются и будут пытаться найти способ лечения умственных расстройств с помощью лекарств. Они уже доказали свою эффективность, например в борьбе с депрессией; но их действие еще довольно мало изучено, и неясно, на какие физиологические процессы они влияют.

Знание того, как работает разум, даже полученное опытным путем, очень важно в психотерапии, оно лежит в ее основе. При лечении физических заболеваний тоже требуется такое знание, но тут есть существенные различия. При использовании физических методов лечения активное содействие со стороны пациента полезно, но не играет решающей роли, в то время как в любом виде психотерапии без этого взаимодействия не обойтись.

Чтобы избежать двусмысленности, часто бывает нужно на время разделить две противоположности, например проявления во сне сознательного и бессознательного, чтобы пациенту было понятнее. Но позднее с пациентом нужно обсудить то, что существуют такие противоположности, иначе разделение может зайти слишком далеко и одна из противоположностей может оказаться невыявленной. Это может привести к неже-

лательной односторонности. Сны являются основным источником информации, если нам нужно узнать что-то во внутренней, бессознательной жизни человека. Психоаналитику должна быть известна история пациента, его жизненная ситуация на тот момент, его мнение о самом себе. Ему задаются вопросы: какой вы человек, когда с вами все в порядке? Как вас изменила болезнь? Ответы дают четкую информацию о его сознании собственного эго. Если компенсация осуществляется через взаимодействие сознания и бессознательного, значит, необходимо получить как можно больше информации из снов. Лечение на сознательном уровне — хорошими советами и подбадриванием, конечно, полезно, но чаще всего его недостаточно. Большинство пациентов довольно долго «лечились» таким способом, прежде чем обратились к более продолжительному методу психоанализа, который всегда опирается на бессознательное. Таков был опыт Юнга, и именно на этой основе он проводил анализ снов и обнаружил, что осознанное понимание и принятие снов обеспечивало необходимую компенсацию и облегчало саморегуляцию психики. Тем, кто мало знает о психотерапии и психоанализе, это может показаться простым и, возможно, интересным. Но на практике все совсем не так. Требуется упорная совместная работа врача и пациента. Это может быть интересным, но это не весело и требует ума и искренности.

■ Компенсация в анализе

Рядовой обыватель может сказать, что у него нет времени рассуждать о снах, такое замечание не настолько резонно, насколько может показаться. Проводить исследования структуры разума Юнга заставила необходимость помогать пациентам, у которых «без каких бы то ни было причин» развилось умственное расстройство. Пациенты с такими жалобами, к своему ужасу, знают об иррациональной природе их расстройств. Сны могут казаться бессмысленными, но опыт показывает, что анализ снов необходим при лечении неврозов.

Типология Юнга содержит описание общих типов восприятия — экстраверсию и интроверсию, четырех функций — мышления, чувства, ощущения и интуиции. Если добавить сюда его учение о бессознательном, получим методику лечения, которую весьма ценят те, кто ею пользовался. Здесь нужно учитывать понятие компенсации. Так как невроз — это результат слишком большого или слишком маленького внимания к определенным свойствам личности, то типология Юнга представляет собой способ весьма точной оценки свойств сознания. Мы делаем вывод: все, что отсутствует или недостаточно развито в сознании, можно найти в бессознательном. В такой ситуации, если мы знаем о существовании пар противоположностей: сознания и бессознательного, интроверсии и экстраверсии, — можно найти опору для разумного рассмотрения снов. Это также напоминает нам о том, что психика функционирует как единое целое и что, если уделять время анализу снов, аналитику и его пациенту необходимо помнить, что все в нашем сознании существует одновременно, хотя большая часть обязательно будет в определенный момент вне поля зрения. Мы осознаем только то, что находится в фокусе нашего сознания. На самом деле, хотя сфера сознания кажется ограниченной, процесс перцепции, то есть получение информации через ощущения, — это не просто фиксирование ощущений. Это активная деятельность, которой управляет память подобных перцепций, и так же, судя по всему, автоматически (то есть с помощью бессознательного) происходит интерпретация чувственного восприятия.

Знание того, что человек экстраверт или интроверт, еще ничего не дает. Проблема появляется тогда, когда экстраверсия или интроверсия в человеке выражены слишком сильно. Обнаружить, а значит, попытаться устраниить это нарушение равновесия возможно с помощью изучения снов. Если с помощью психоанализа человек начинает осознавать свои внутренние процессы, он может помочь природе, которая пытается восстановить равновесие через симптомы невроза.

Саморегуляцию и компенсацию всегда нужно рассматривать в ракурсе повседневной жизни человека. Та же важно избегать каких-либо предубеждений о том, как эти механизмы работают у человека. Часто считается, что компенсация с максимальной эффективностью делает нашу жизнь полноценной. Но жизнь не продолжается вечно, и иногда кажется, что компенсация указывает на грядущую смерть. Во снах иногда появляются мрачные мотивы. Иллюстрацией может послужить сон пожилой женщины, в котором тигр напал на черную лошадь. Лошадь лежала на спине, и тигр вырывал ее внутренности. Когда ее спросили про этот сон, она сказала, что он встревожил ее, хотя она совершенно не поняла, что он может значить. Так как женщина в это время находилась в больнице со злокачественной болезнью и готовилась к операции, вряд ли можно рассматривать этот сон как благоприятный показатель или как проявление компенсации, ведущей к выздоровлению. Однако неразумно было бы видеть в этом сне, как и в любом другом, взятом в отдельности, указание на общее состояние женщины.

■ «Большие» сны

Сны отличаются друг от друга по тому, насколько они важны для человека, точно так же, как не каждая наша мысль важна для нас, когда мы бодрствуем. Однако кажущаяся простота определенных снов может быть обманчива. Иногда есть искушение объяснить сон вчерашним событием, но такое объяснение может быть ошибочным. Хотя события во сне могут напоминать то, что мы делали днем раньше, между ними есть существенные различия. То, что с нами недавно происходило, может быть задействовано в системе символов сна, но все-таки сон — это не просто беспорядочное воспроизведение случившихся с нами событий.

Иногда, но не всегда человек может сам решить, имеет сон какое-то значение или нет. В некоторых случаях подтекст сна настолько очевиден, что его нельзя не

заметить. Это относится к снам, которые мы рассказываем в течение дня другим людям, как будто они важны не только для нас. Проведя несколько месяцев с элгони — народностью, живущей в джунглях Элгона в Восточной Африке, Юнг обнаружил, что они уделяют особое внимание снам. Если сон имеет только личное значение, на него не обращают внимания, а если это, как они говорят, «большой» сон, созываются остальные члены племени и слушают этот сон, потому что его значение уже не личное, а общее (то есть коллективное). Юнг был очень впечатлен, увидев столь замечательное и неожиданное подтверждение своей теории о существовании личного и коллективного бессознательного. Он говорит, что «большие», или «значимые», сны приходят не с личностного, а с более глубокого уровня, то есть из коллективного бессознательного: «Их значение, совершенно не соответствующее субъективному впечатлению, которое они производят, проявляется в их изменчивой форме, часто обладающей поэтической силой и красотой. Такие сны в основном сняются в критические периоды жизни: в ранней молодости, в период полового созревания, в начале среднего возраста (от тридцати шести до сорока лет) и на пороге смерти»⁷⁷.

■ Амплификация

Эксперименты с ассоциациями на слова, которые проводил Юнг, показали важность комплекса как индикатора бессознательной умственной деятельности. Однако индикатор — это не сон, а именно сон здесь является целью. Так как комплекс — это скрытое эмоциональное содержание сна, он определяет структуру сна и поэтому не может быть отделен от него. Но комплексы в наших снах часто персонифицируются, и, естественно, мы их не узнаем. Они предстают в виде неизвестных людей, с характерными чертами, которые мы легко

можем описать, так называемых отколовшихся, отделившихся частей психики, действующих сами по себе. В дополнение к этому личному материалу во сне можно найти, хотя и не всегда, архетипный материал, служащий компенсаторной цели сна.

Мы спрашиваем пациента, какое впечатление на него произвел сон, что заставляет считать его значимым, какова атмосфера сна: был ли он приятным, тревожным, интересным или нейтральным? Таким образом, через ассоциации пациента на содержание сна мы видим, каков контекст этого сна.

Этот простой способ исследования каждой части сна известен как амплификация. Используя его, человек может рассмотреть сон на фоне других событий своей жизни, и в то же время психоаналитик узнает больше о пациенте. Именно так мы подходим к каждому неизвестному нам явлению. В то же время мы должны задать себе вопрос, который упоминался ранее: какую сознательную установку компенсирует этот сон? Пациент часто считает, что врач сразу понимает значение сна, и врач должен объяснить, что это не так и что узнать его можно, только если пациент будет сам участвовать в лечении.

Следует отметить, что амплификация происходит на сознательном уровне. Совсем по-другому проходит терапевтическая процедура свободных ассоциаций, разработанная Фрейдом, в которой пациент, расслабившись на кушетке, говорит о первом, что приходит ему в голову, и таким образом позволяет бессознательному проявить себя. Юнгу в этом пассивном методе не нравилось то, что он неизбежно ведет к комплексам пациента, а сон может остаться не упомянутым. Свободные ассоциации, как видно из термина, могут привести куда угодно, и сновидение может оказаться незадействованным. Так как сновидение имеет отношение к текущей ситуации и является сопутствующей помощью бессознательного, оно, скорее всего, представляет важность и его следует отметить. Поэтому необходимо активное вмешательство, чтобы убедиться, что послание бессознательного не ушло не в ту в сторону. Как показывает

вмешательство психоаналитика, анализ снов — это всегда совместная деятельность с пациентом. Естественно, очень полезно знать что-либо о комплексе или комплексах, но также важно понимать значение сна и знать, что бессознательное говорит о комплексе. Вот почему анализу снов, где используется процедура амплификации, отводится центральное место в аналитической психологии.

Амплификация с помощью ассоциаций пациента действенна, только если содержание сна находится на личном уровне. Однако нередко пациент не может привести никаких ассоциаций. Это происходит, если природа сна безличностная, коллективная. Тогда оказываются нужны ассоциации и наблюдения психоаналитика. С помощью своих знаний в области антропологии, мифологии, сказок и фольклора психоаналитик может пролить свет на значение сна. Это знание — часть того «оборудования», которое врач приобретает в процессе профессионального роста. Опыт показывает, что такие специализированные знания часто «доходят» до пациента, и так мы узнаем о том, имеет ли сон какое-то значение для пациента.

Еще касательно анализа снов важно отметить, что сон не следует воспринимать только как средство, использующееся в процессе психоанализа. Сон — это часть жизненного опыта личности, и поэтому следует осознавать его значимость. При содействии пациента процесс интерпретации снов может выйти за рамки активного лечения симптомов болезни. Пациент сам может и должен использовать сны после того, как психоанализ будет закончен.

V

Наш внутренний мир

При изучении снов может сложиться впечатление, что бессознательное — это почти безграничное поле исследования, что человеческое понимание не способно его охватить. Такое отношение к нему лучше, чем удовлетворенное самодовольство. В конце концов наше представление о сознании — наше самосознание — далеко не полное. Тем не менее сделан первый шаг в применении идей психологии в лечении умственных заболеваний. Юнг всегда был скромен в своих заявлениях, он отмечает, что «психология — одна из самых молодых наук»⁷⁸. В то же время у нас есть все основания ожидать дальнейшего развития этой области знаний. Изначально являясь разделом философии, психология, полагаясь в основном на эмпирический метод, быстро достигла высокой степени развития в последние десятилетия. После многочисленных попыток разобраться в бессознательной умственной деятельности были сделаны важные открытия. Если эти попытки оказывались удачными, психиатры и все остальные, чья деятельность связана с психическим здоровьем человека, смогли выполнять свою работу более разумным способом. Юнг, будучи еще

молодым врачом, считал гипноз безрезультатной попыткой получить какое-то представление о бессознательной умственной деятельности. О его плодотворной экспериментальной работе говорилось выше. К его удивлению, он вскоре получил множество доказательств того, что в формировании комплекса участвует бессознательная деятельность. Юнг считает, что «уникальная заслуга [Фрейда] в том, что он открыл способ изучения бессознательного, и в частности снов... Я не хочу принизить достижения Фрейда, но мне кажется, нужно отдать должное всем тем, кто... положил основание, без которого ни Фрейд, ни я не смогли бы выполнить наши задачи. Поэтому Пьер Жане, Огюст Форель, Теодор Флурной, Мортон Принс⁷⁹, Эйген Блейлер заслуживают признания и памяти, когда мы говорим о первых шагах медицинской психологии»⁸⁰.

Более позднее исследование Юнга, следующее за его экспериментальной работой с тестом словесных ассоциаций, в основном посвящалось коллективному бессознательному и тому, как эта гипотеза проливает свет на проблемы современной жизни, в особенности на лечение пациентов с душевными заболеваниями. Когда Юнг писал про коллективное бессознательное, он утверждал, что «...у каждого ребенка есть готовая система, адаптированной работы психики, предшествующая всему сознанию»⁸¹.

Приняв, что психика — это естественное явление, а сновидения — это проявления бессознательной творческой деятельности, Юнг начал систематическое наблюдение за содержаниями сновидений, в особенности

⁷⁹ Пьер Жане (1859—1947) — французский психолог, философ, психотерапевт, ввел понятие подсознательного, разработал представление о психологии как науке о поведении и др.; Форель Огюст Анри (1848—1931) — швейцарский невропатолог, психиатр, энтомолог и общественный деятель, лекции Фореля по гипнотизму и его терапевтическому применению способствовали развитию психотерапии; Теодор Флурной — швейцарский психолог, сделал попытку описать целостную феноменологию психического, а также обозреть ее как нечто целостное; Мортон Принс (1854—1929) — американский невропатолог, занимался изучением автоматического письма и расщеплением личности. (Примеч. ред.)

⁸⁰ C. W. Vol. 17, p. 67, 68.

⁸¹ Ibid. Vol. 8, p. 349.

их коллективными чертами. Это была сложная работа, потому что Юнгу пришлось взять на себя роль первооткрывателя. Это может показаться мистическим путешествием в абстрактный мир воображения. На самом деле это была серьезная попытка понять странный материал, рождающийся у его пациентов и других, здоровых людей, потому что сновидения свойственны всем.

Чтобы понять Юнга как личность, читателю может быть интересно узнать, что он за личность. Те, кто знал его и мог видеть его не в лекционном зале, а в личной жизни, находили его очень практическим человеком, с хорошим чувством юмора, они считали, что у него есть дар дать гостю понять, что его принимают на равных. В молодости он со своей семьей проводил выходные на природе, в верхней части Цюрихского озера, впоследствии недалеко от того места он построил шале, домик для отдыха, известный под названием Крепость. Жизнь там была проста, можно даже сказать примитивна. Именно такой жизни Юнг и хотел. Ему нравилось быть рядом с землей и выполнять связанную с этим работу: рубить дрова, готовить еду и даже копать картошку. Он стоял обеими ногами на земле во всех смыслах.

Когда он начал систематическое изучение бессознательного, его основной заботой стали потребности его пациентов: он был очень настойчив в стремлении определить, что означали их симптомы, откуда они происходили и как их можно лечить. Еще в начале своей карьеры он понял, что очень важную роль играет изучение сознательной деятельности — отсюда происходит его типология. Но такое изучение имеет смысл, только если проводить соответствующие ассоциации с бессознательным. Он никогда не считал, что разум может быть разделен на части, он был уверен, что сознание и бессознательное образуют единое целое.

Его исследования психологии сна дали более полное представление о содержании бессознательного. Как врач, он был обязан узнать все, что можно, о внутреннем строении разума. Ему очень хотелось разобраться в симптомах, на которые жаловались пациенты, поэтому он очень внимательно слушал то, что они говорили ему. То же

самое было и при обычной беседе: он каждый раз хотел удостовериться, что понимал то, о чем говорят люди. Язык, который при этом использовался, здесь ни при чем, он отлично владел языком. Когда его пациенты рассказывали свои сны, их поначалу удивляло то, что он воспринимал их серьезно, обычно они думали, что их сны довольно глупы и не заслуживают упоминания. Юнг просил своих пациентов записывать сны и думать над ними. Юнг подталкивал пациентов к тому, чтобы они не просто спрашивали его, что их сны могут значить, а сами их обдумывали.

■ Активное воображение

Юнг попытался через анализ снов понять как это, центральная точка в сознании, относится к содержаниям бессознательного. В работах Юнга не всегда разграничиваются фантазия и воображение, что может вызвать недопонимание у читателя. Воображение обычно описывают как процесс формирования в воображении картины чего-либо, не воспринимаемого чувственно, — этот процесс происходит у каждого из нас. Иногда Юнг вместо термина «воображение» использует слово «фантазия»; но, как правило, то, что он хотел сказать, видно из контекста. Он уделил большое внимание тому, чтобы провести четкую грань между фантазией и активным воображением.

«Фантазия — это в общем и целом ваше собственное творение, она остается на поверхности личностных элементов и сознательных суждений. Но активное воображение, как видно из самого термина, подразумевает, что эти образы живут своей жизнью и что символические события происходят согласно их собственной логике, — конечно, если в их жизнь не вмешивается сознание»⁸².

Очень часто сознательный разум все-таки вмешивается в активное воображение, как в случае с Колриджем,

⁸² Jung C. G. Fundamental Psychological Conceptions: Seminar given in London, 1935, pp. 217, 218.

когда ему помешали записать свой яркий и выразительный сон. От него сохранился только фрагмент, известный как «Кубла Хан»⁸³. Каждый хоть раз в жизни грезил или спал наяву, когда «приходим в себя», мы тут же отбрасываем образы, которые при этом возникают сами собой, и сознательный разум вновь берет верх. В это время в нашем разуме что-то действует, и оно явно бессознательное, потому что совсем не похоже на наши сознательные мысли. Юнг думал, что если мы сможем научиться специально приводить себя в такое состояние разума, то у нас появится возможность соприкоснуться с бессознательным в сознательном состоянии. С опытом у нас может получиться сосредоточиться на картинке в нашем разуме, образ станет изменяться и двигаться, можно даже самому занять место потока сознания. Конечно, многие думают, что это не так, что этот путь неверный, и это на самом деле не бессознательное. Однако этот процесс во многом напоминает сновидение, которое явно создается не нами. В сознательной жизни мы полагаемся на бессознательное в большей степени, чем мы думаем. Оно может предоставить нам материал даже для обычной беседы. Поэтому нас часто удивляет то, что мы сами говорим, и большое впечатление могут произвести восхитительные (или ужасные) идеи, которые появляются в нашем разуме «из ниоткуда» — так мы описываем наше бессознательное.

83 Лирический фрагмент «Кубла Хан» (пятьдесят с чем-то рифмованных неравносложных строк восхитительного звучания) приснился английскому поэту Сэмюэлу Тейлору Колриджу в один из летних дней 1797 года. Колридж пишет, что он тогда жил уединенно в сельском доме в окрестностях Эксмура; по причине нездоровья ему пришлось принять наркотическое средство; через несколько минут сон одолел его во время чтения того места из Пэрчеса, где речь идет о сооружении дворца Кубла Хана, императора, славу которому на Западе создал Марко Поло. В сне Колриджа случайно прочитанный текст стал разрастаться и умножаться: спящему человеку грезились вереницы зрительных образов и даже попросту слов, их описывающих; через несколько часов он проснулся с убеждением, что сочинил — или воспринял — поэму примерно в триста строк. Он помнил их с поразительной четкостью и сумел записать этот фрагмент, который остался в его сочинениях. (Борхес Х.Л. Сон Колриджа. Перевод Е.Лысенко. — Примеч. ред.)

«Грезы», или сон наяву, на первый взгляд вряд ли могут быть основанием для серьезного исследования. Но мы должны помнить, что идеи все-таки «приходят к нам в голову» и могут пролить новый свет на некоторые из наших каждодневных проблем. Мы не можем все время рассчитывать на то, что к нам придут эти полезные идеи; они непредсказуемы. Но если они все-таки приходят, мы взаимодействуем с нашим бессознательным, даже если это длится всего несколько секунд. И Юнг задался вопросом, почему период взаимодействия с ними настолько короток. Возможно, он может быть и длиннее, если мы будем находиться в правильном состоянии разума — расслабленном, когда человек не склонен к критике, — и приготовимся увидеть, что произойдет. Это предположение подтвердилось, и с такой простой идеи началось то, что впоследствии получило название активного воображения. Оно не заняло место амплификации, а поддерживало ее.

Юнг пишет об активном воображении: «На самом деле, фантазии могут быть бесполезными, ненужными, пустыми, болезненными, любой человек, наделенный здравым смыслом, сразу замечает это; но они ничего не значат по сравнению с остальным, полезным материалом, который выявляется при использовании этого метода. Все произведения берут свое начало в активном воображении... <...> Что касается моего метода, я спрашиваю себя, насколько я обязан Фрейду его существованием. Как бы то ни было, идею мне подал метод свободных ассоциаций Фрейда, я считаю активное воображение его продолжением»⁸⁴.

Юнг не считал этот метод подходящим для каждого пациента, он использовал его только на последних стадиях анализа со стабильными пациентами. Большим преимуществом было то, что такие пациенты могли использовать его самостоятельно, размышляя о своих снах и о других вопросах.

Когда у нас получается сосредоточиться на нашем внутреннем потоке идей, наше бессознательное может

породить удивительные образы и мысли. Иногда картины, создаваемые активным воображением, заменяют сны, хотя это случается не очень часто. Активное воображение можно использовать при анализе снов, особенно если при анализе раскрылась новая тема, значение которой может потребовать долгой работы. В использовании активного воображения нет жестких правил, психоаналитик руководствуется стабильностью пациента, его способностью к взаимодействию и здравым смыслом. Часто бессознательные образы мимолетны, в таких случаях полезно позволить активному воображению выразить себя в спонтанных рисунках и моделях. Сейчас явно недооценивают этот отличный способ заглянуть в скрытый мир бессознательного. Здесь не ставится определенной цели, воображение руководит нами и направляет нас независимо от наших сознательных побуждений.

Только непосвященные спрашивают, что значит та или иная картина. Им, наверное, кажется, что образ ничего в себе не несет, если его нельзя понять разумом. Художнику не обязательно придавать большое значение картине, ему не придет в голову даже думать об этом. Он полагается на чувства. У нее может не быть определенного значения или цели. Ему просто нравится рисовать ее. Он ценит ее не за ее художественные достоинства, а за сопровождающие ее создание чувство свободы или удовлетворения. Рисование картин или лепка из глины — это как будто путешествие во внутренний мир психики. По ходу работы настроение, до этого не понятное самому человеку, становится понятным, потому что он чувствует, видит его значение в некоем проблеске интуитивного понимания. Результат этой творческой деятельности не теряет своей значимости из-за того, что художник не представляет, что эта картина или модель означает на интеллектуальном уровне, он не думает логически. Возможно, смысл — это понятие из мира науки, но жизнь не всегда подчиняется чистому разуму.

Активное воображение, если его успешно использовать, помогает нам увидеть бессознательное в сознательном.

Поскольку во сне бессознательный материал обычно малопонятен, то, чтобы определить его значение, может потребоваться серьезный анализ с помощью амплификации и других способов. Но, повторюсь, активное воображение ни хуже ни лучше анализа снов. Каждый метод хорош, и каждый может потребоваться в зависимости от ситуации. Так как продукт активного воображения находится перед нами в сознательном состоянии, возможно выраженный на картине, он, как правило, лучше воспринимается, так как он более вразумителен. Это может показаться сложным, но на практике ничего сложного нет, трудности редко возникают, если понять общий принцип.

■ Спонтанное искусство

Рисование или скульптура — полезное дополнение к психотерапии. Использовать краску и увидеть, что картина начала развиваться, — это творческий процесс, периодически удивляющий художника. Те, кто ни разу не пробовал спонтанное рисование, не могут судить о его действии на человека. Эта идея совсем не нова, она широко использовалась задолго до рождения Юнга. Эта работа действительно спонтанна, здесь не нужно следовать никаким правилам. Нужно только научиться смешивать краски, и в дело сразу вступают наши естественные навыки. Не нужно ничему учиться. Сосредоточившись на том, что он рисует, человек высвобождает свою энергию. Эта энергия оживает, она как будто направлена из бессознательного. В направлении этой энергии сознание играет совсем небольшую роль. Юнг обнаружил, что спонтанное искусство во многом помогало пациентам выразить настроение сна, работать с активным воображением. Через рисование (или моделирование) бессознательное, которое до этого можно было только ощущать, становится видимым. Об этом неожиданном опыте часто говорят те, для кого бессознательное до этого было абстрактным психологическим термином. Когда они начинают чувствовать, что бессознательное

реально, их самосознание переходит на новый уровень. Таким образом, спонтанное искусство доказывает свою практическую значимость. Мы не можем рассматривать бессознательное напрямую, как объект. Но мы можем соприкоснуться с ним через активное воображение, спонтанное рисование, моделирование из глины или дерева. Подходит любое средство.

Юнг сам использовал рисование, рассматривая свои собственные сны, и таким образом он узнавал их значение: «Достаточно только посмотреть на рисунки пациентов, у которых психоанализ поддерживается активным воображением, чтобы увидеть, в какие цвета они окрашивают свои чувства. Сначала, чтобы сделать первые зарисовки снов, неожиданных идей и фантазий, используется только ручка или карандаш. Но с определенного момента... пациенты начинают использовать цвет... <...> Обычный сознательный интерес заставляет работать эмоции. Обычно то же самое наблюдается во снах, которые в этот момент приобретают цвет, который может быть особенно ярким»⁸⁵. С опытом становится проще заставить картину развиваться «самое по себе». Дети рады рисовать плоды своего воображения, у взрослых обычно все более сложно, и сначала им бывает трудно быть совершенно естественными.

Юнг продолжает: «...придание формы бесформенному особенно действенно, когда сознательные суждения не оставляют переполненному бессознательному никакой возможности выразить себя»⁸⁶. В таких условиях очень интересен элемент неожиданности. Можно начать рисовать, не имея представления, как рисунок в конечном итоге будет выглядеть, но затем картина принимает четкие очертания, обретает форму и таким образом оживает, теперь она точно выражает что-то, невыразимое словами. Это язык чувств и эмоций. Нельзя сомневаться в том, насколько важно взаимодействие с нашими эмоциями, которые так часто предопределяют наши успехи и неудачи.

⁸⁵ C. W. Vol. 14, p. 248.

⁸⁶ Ibid., p 320.

■ Семинар Юнга

В январе 1956 года Юнг провел семинар для нескольких психиатров и просто интересующихся людей. Семинар состоялся в столовой его дома в Кюснахте и был посвящен одиннадцати рисункам, использующимся за несколько дней до этого, чтобы проиллюстрировать лекцию в Институте К.-Г. Юнга в Цюрихе. Юнг не был на лекции, но обсуждал этот материал раньше, он его весьма заинтересовал, особенно рисунки, сделанные двадцатилетней девушкой. У нее были необычные видения: она видела своего двойника. Такое *аутоскопическое явление* (когда человек видит самого себя) часто описывается в беллетристике, но редко упоминается в психиатрической литературе, так как у пациентов нечасто встречаются такие симптомы. Описывая двойников (*доппельгангеров*) своих персонажей, некоторые авторы используют выражение «зеркальное отражение». В этом случае определенно не было «зеркального отражения», хотя аутоскопический образ очень походил на оригинал. Сама девушка говорила, что она видела «самое себя снаружи» и это ее обычно пугало из-за того, что видимый ею образ отличался от ее собственного тела. Таких случаев было много. Один произошел во время прогулки с другом: «Я почувствовала, что нахожусь вне себя самой, что я растворилась и стала частью всего, что было вокруг: озер, деревьев, света, неба, — вообще всего окружающего. Я смотрела на то, чего на самом деле не происходило. Затем я увидела Е. (это ее друг), который шел с девушкой, казавшейся просто телом, ее лицо ничего не выражало, глаза, не двигаясь, смотрели на горизонт. Я почувствовала, что у нее существовала только ее внешняя оболочка, что ее руки, ноги и все ее тело были полыми. Они прошли мимо меня в каком-то оцепенении, и я сразу почувствовала, что по моему телу прошла дрожь, и я сама стала девушкой, которая шла с Е. Я боялась, что то, другое существо смотрит на меня, и все время оглядывалась, смотрела по сторонам с надеждой и одновременно страхом, что я увижу его. Я очень глубоко дышала, мне было тяжело идти. Я чувствовала слабость».

Различия между видением и реальным телом девушки исключили мысль о «зеркальном отражении».

Здесь мы наблюдаем проекцию части личности в форме видимого образа, представляющего определенные идеи человека, чьим двойником он является. В другом случае пациентка как будто покинула тело и запечатлела себя стоящей в окне своей комнаты спиной к стеклу. Ее лицо ничего не выражало, глазницы были пусты.

В больнице во время лечения девушка нарисовала несколько картин, они помогли проложить дорогу к ее бессознательному, и лечение принесло результаты, они прошли свет на неясные до этого особенности ее болезни.

Прежде чем комментировать эти картины, Юнг задал вопрос: «Как по-вашему, что бессознательное будет делать при такой болезни?» Ответ был такой: осуществлять компенсацию. Затем он выбрал несколько мотивов в картинах, хорошо согласующихся с психологией девушки, это оказалось возможным, потому что некоторые картины содержали символы коллективного характера.

Если бы не было этих картин, проливающих свет на ее бессознательное, психологическое лечение было бы почти невозможно. Когда Юнг рассматривал картины, он спросил, какой был прогноз о выздоровлении девушки. Ему сказали, что прогноз довольно мрачен. Тогда он указал на одну картину, на которой девушка держала открытую клетку в правой руке, как будто приглашая птицу, улетевшую из клетки, вернуться туда, и сказал: «Она делает то же самое, что африканские шаманы: ночью они открывают клетки, чтобы души, улетающие ночью, могли быть пойманы и возвращены своим владельцам. Это красивая картина, она показывает, что кое-что можно сделать». (Открытая клетка присутствует в верованиях некоторых первобытных народов, согласно которым, во время сна душа выходит из тела. Считалось, что, используя клетку, шаман мог поймать сбежавшую душу и вернуть ее владельцу.)

«Ощущение» Юнга, что для девушки что-то можно сделать, не обмануло его. После долгой болезни она поправилась. Описание болезни этой девушки с некоторыми

комментариями Юнга можно найти в юбилейном сборнике статей, опубликованном по случаю восьмидесятилетия Юнга⁸⁷.

■ Фигуры бессознательного

Персона

Сознание и бессознательное постоянно взаимодействуют друг с другом, между ними нет четкого разделения. Наши мысли непредсказуемы, они часто появляются неожиданно, независимо от нашего сознания. Кроме того, то, что сегодня находится в сознании, завтра может оказаться забытым или вытесненным. Такой образ мышления свойствен каждому. Но все-таки мы сохраняем нашу индивидуальность, наше самосознание, мы уверены, что знаем свой разум, мы думаем, что, несмотря ни на что, мы являемся теми людьми, которыми себя считаем. Однако к другим людям это не относится. Мы вовсе не кажемся им такими же целостными, какими считаем себя сами. В разное время проявляются разные наши черты. На работе человек может казаться всем веселым, приветливым и добро-сердечным. Но в другой обстановке, например у себя дома, он может проявлять прямо противоположные качества. «Когда он проявляет свой истинный характер, свою настоящую личность? Даже у нормального человека вполне возможно разделение характера»⁸⁸.

Ребенок, если он здоров, совершенно естествен, непосредствен. Он принимает и отвергает независимо от того, что чувствуют окружающие. По мере своего развития он начинает осознавать других людей и посредством имитации учится вести себя в обществе. Дети сильно отличаются друг от друга, и поэтому степень имитации у разных детей в самом начале разная.

Юнг отличал имитацию от идентификации, которая представляет собой «бессознательную имитацию». Если

⁸⁷ Studien zur Analytischen Psychologie C. G. Jungs. Zürich: Rascher, 1955.
Ch.: Bennet E.-A. The Double. Vol. 1, pp. 384—396.

⁸⁸ Types, p. 590.

сын будет слишком идентифицировать себя с отцом, он может частично потерять свою индивидуальность. Существуют различные степени идентификации, и ее сила зависит, насколько мы знаем, от эмоциональных связей между ребенком и одним или обоими родителями или, возможно, няней, которая ухаживала за ним с младенчества. Имитация, во многих отношениях очень полезная, становится помехой, когда начинает сдерживать развитие личности. У маленького ребенка она может вызвать недостаток уверенности в своих способностях. Идентификация, неосознанная имитация, конечно, не осознается ребенком.

Идентификация служит определенной цели, однако может стать и помехой, если при этом у молодого человека формируется вторая личность, отличающаяся от его истинной сущности. У этой второй личности есть свои достоинства. В разное время, например дома и на работе, человеку требуются разные установки. Чтобы жить в обществе, необходимо подстраиваться под него. От полицейского мы ожидаем, что он будет вести себя как полицейский, независимо от того, какие установки у него могут быть в семейном кругу. Возможно, полицейскому будет нетрудно отойти от официальной манеры поведения, когда он не на работе. Но если предположить, что он не может этого сделать? Тогда он идентифицируется со своей официальной ролью, а это плохо, потому что это означает, что он частично отделился от самого себя.

Для описания поведения, соответствующего требованиям повседневной жизни человека, Юнг использовал термин «персона» («маска»). Обычно тут требуется большая гибкость: персона полицейского, задерживающего вора, помогающего пострадавшим, дающего показания в суде, общающегося с потерявшимся ребенком, — все это составляет образ полицейского на работе. Если он здоровый человек, он не идентифицируется в значительной степени ни с одной из ролей, которые ему приходится выполнять в жизни. Его внешняя установка, персона, представляет сознательное эго с его

многочисленными вариациями, и ее не нужно путать с личностью человека в целом.

Если человек начинает идентифицироваться с персоной, то есть опасение, что он может отвергнуть остальные части своей личности, включая бессознательное. Если у человека происходит неестественная идентификация, в его сновидениях могут являться противоположности. Вне всякого сомнения, вторгающийся в дом незнакомец, которого человек увидел во сне, — это он сам, а его появление говорит о том, что цель сновидения — компенсация, восстановление нормального состояния разума. Это стало очевидно при анализе сна.

Тень

В сновидении часто появляется незнакомец того же пола, что и человек, видящий сон. Например, этот незнакомец — вор. Человеку незнакомец казался злым, вызывал неприязнь. Он не осознавал этой части своей личности, не принимал ее. Однако она существовала и была активна. Другие люди знали о ней, указывали на нее, реагировали на нее, укоряя человека за неприятное поведение. Ему казалось, что его не понимают, и он временами выходил из себя, пытаясь оправдаться. Во сне эта ситуация разыгрывается в ролях, перед ним предстает неизвестная часть самого себя, но он не увидел, что сон имеет отношение к его личности.

Такое происходит, когда человек идентифицирует себя со своей персоной и игнорирует остальные части своей личности, которые начинают действовать негативно.

Эта негативная сторона не всегда безобразна. В реальной жизни человек тоже может оказаться вором, и у него могут быть преступные намерения в отношении других людей и их имущества. В таких случаях *тень* в сновидениях может оказаться очень порядочным человеком. Было бы ошибкой считать, что бессознательное — это всегда неприятная сторона личности, хотя часто это именно так; и если темная сторона существует и не осознается человеком, душевное здоровье будет подорвано.

Обычно восстановить равновесие в этом случае не трудно, так как персону и тень человека легко понять.

Тень мешает человеку как скрытый аспект самосознания, но, если происходит ее сознательное принятие, жизнь может неожиданным образом измениться.

Разграничивая личностные типы экстраверсии и интроверсии и функции мышления, чувства, ощущения и интуиции, Юнг не давал подробного описания функционирования сознательного разума, он только в общем, но довольно точно обрисовал те процессы, которые происходят с нами в повседневной жизни. Описание таких фигур, как персона и тень, — это не путеводитель по загадочному миру бессознательного. Эти образы нельзя точно определить, их появление непредсказуемо. Юнг иногда использовал понятие тени для обозначения всех частей нашей психики, не входящих в сознание, то есть и коллективное и личное бессознательное. Таким образом, тень, внутренняя установка может быть идентична душе, или *аниме*. Это более широкое значение термина «тень» упомянуто здесь для полноты картины, так как тенью иногда по ошибке называют только часть личности, которую человек предпочитает игнорировать, тогда бы тень относилась только к личному бессознательному. Это отчасти правда, потому что, анализируя личное бессознательное человека, о тени можно много узнать. «Никто, — говорит Юнг, — не может узнать свою тень без значительных душевных усилий. Осознать ее — значит увидеть темные стороны своей личности как настоящие и реальные... их природа — эмоциональная... Кстати, эмоция — это не то, что личность делает, а то, что с ней происходит...»⁸⁹ Основную трудность в знакомстве со своей тенью представляет то, что она тесно связана с проекциями, которые, будучи бессознательными, не воспринимаются человеком, а это ведет к тому, что он начинает обвинять другого человека. «Проекции, — продолжает Юнг, — превращают окружающий человека мир в слепок с его собственного, но неосознаваемого им лица»⁹⁰.

Осознание пациентом необходимости взаимодействия при анализе сновидений, при активном воображении,

⁸⁹ C. W. Vol. 9, part. 1, pp. 8,9.

⁹⁰ Ibid.

если применяется этот метод, и способность использовать *спонтанное искусство* как часть процедуры амплификации — все это помогает сделать видимыми проекции тени, то есть сделать первый шаг в понимании, принятия тени и в возвращении нормального состояния.

Анима

В психологии мужчин и женщин есть много схожих черт, и все, что было сказано об это, персоне и в определенной степени о тени, относится к обоим полам. В некоторых учебниках психология мужчин и женщин ошибочно рассматривается как одинаковая во всех отношениях. Но если с помощью анализа сновидений, активного воображения и других методов рассмотреть бессознательное мужчин и женщин, различия в их психологии станут очевидны. Одно из основных достижений Юнга в психологии нормального человека, а следовательно, и в психопатологии заключается в том, что он выявил отличительные черты в бессознательном мужчин и женщин. В бессознательном каждого мужчины есть женский элемент, персонифицированный в сновидениях в виде образа женщины, Юнг называл его *анима*, в переводе с латинского — «душа», либо «дыхание жизни». У женщины ему соответствует *анимус* — персонификация в виде мужчины, иногда нескольких мужчин.

Удобнее всего будет сначала рассмотреть понятие *анимы*. В сновидениях она фигурирует, конечно, не как конкретная женщина и даже не как определенный образ с постоянными характеристиками. Анима каждый раз проявляется в разных образах и, будучи частью бессознательного, часто проецируется на одну или нескольких женщин поочередно или одновременно. По мере возмужания мальчик, а затем юноша может попытаться избавиться от того, что он считает женскими качествами. Так как в младенчестве и детстве он постоянно находился рядом с матерью, женский элемент в его личности проецировался на нее. Со временем мать становится для него менее и менее значима, но продолжает оказывать влияние на него как прототип всех женщин.

Она первая женщина, с которой он столкнулся, и она все еще важна для него, независимо от того, осознает он это или нет. Так зарождаются некоторые качества его анимы. Здесь мы говорим о нормальном развитии. Но бывает так, что юноша не способен освободиться от своей матери, потому что у него развился материнский комплекс, то есть его мать стала для него слишком важна. Это может произойти, если его мать импульсивна, слишком сильно о нем заботится, а отец отдален от него.

Более того, его мать может считать отца ребенка не значимым человеком, просто объектом, за которым нужно присматривать, который, может быть, немного важнее, чем мебель в доме. Она сильно привязывается к сыну, часто самому младшему в семье, призывая его во что бы то ни стало жениться и стать независимым. Но он не может этого сделать, потому что его гетеросексуальность ассоциируется с представлением о собственной матери.

У материнского комплекса две стороны: идеальная мать высасывает жизнь из своих детей, потому что у нее нет собственной жизни, при этом сын находит самые добрые и благородные поводы никогда не покидать свою мать.

К самой матери Юнг относит только часть факторов, действующих на ребенка. Кроме того, у ребенка есть проекции на нее, причем не только личные, но и коллективные по своей природе, потому что ей приписывается сила, больше той, что она обладает как личность⁹¹.

Кроме матери на формирование анимы влияет унаследованный человеком образ, расовое представление о женщине, происходящее от того, как воспринимали женщин его предки. Этот унаследованный образ женщины всегда участвует в формировании анимы в бессознательном мужчине. Он приходит в этот мир приспособленным к женщине, а его непосредственный опыт общения с матерью основывается на этом наследственном качестве и усиливает его. Когда мальчик встречает девочек и слышит, что о них говорят его родители и друзья, он понимает, какую роль играют женщины в том

обществе, в котором он живет. В разных регионах и разных странах эта роль различна.

То, что в голове каждого мужчины есть некий образ женщины, вполне очевидно, было бы ненормально, если бы его не было. В младенчестве и мальчики и девочки воспитываются примерно одинаково. В два или три года мальчик должен стать маленьким мужчиной, ему подстригают волосы и одевают в одежду для мальчиков. В определенных обстоятельствах это может оказаться сложным для ребенка или он может слишком глубоко погрузиться в роль мужчины, и все женское может стать табу. Однако он не может полностью изменить свою природу. Женское начало в нем не исчезает, и если его вытеснять в пользу мужского начала, то анима может проявиться через неадекватное настроение, раздражительность или плохой характер, а нередко и через сексуальные отклонения, часто связанные с замедленным эмоциональным развитием. Все эти нарушения есть расстройство нормальной работы женского начала в мужчине. Если рассматривать их таким образом, становится понятно, что эти симптомы вызваны вытеснением части своей личности. Другими словами, такие манифестации — это бессознательные попытки восстановить саморегуляцию через компенсацию.

Юнг считал, что попытка компенсации особенно важна во второй половине жизни, то есть примерно с тридцатишестилетнего возраста. В первой половине жизни человек прокладывает себе путь и строит свою карьеру, он заботится о содержании семьи и других вопросах, требующих сознательной, рациональной адаптации. Он мыслит ясно и действует с легкостью. Он не знает о том, что у него существует анима, потому что она находит простое и естественное выражение в дружбе с девушками. В подростковом возрасте и в двадцать с небольшим лет это нормально, но не тогда, когда это продолжается год за годом, как это часто бывает. Конечно, такие проекции могут привести к неприятностям и человек может на горьком опыте узнать, что нельзя безнаказанно игнорировать части своей личности. Юнг пишет: «Когда мы имеем дело с тенью, или анимой,

недостаточно просто знать об этих понятиях и думать о них. Мы также не можем увидеть их содержание или присваивать чувства других людей. Совершенно бессмысленно учить список арктипов наизусть... <...> анима уже не срывает наши планы, как богиня, но может проявиться в какой-нибудь очень личной неприятности или даже в очень хорошем поступке.

Когда, например, уважаемый профессор в семьдесят лет бросает семью и исчезает с молодой рыжеволосой актрисой, мы знаем, что боги выбрали очередную жертву. Так демоническая сила проявляет себя. До относительно недавнего времени считалось нормальным разделаться с молодой женщиной как с ведьмой»⁹².

«...Часто это настоящая трагедия, — говорит Юнг, — когда человек так грубо портит собственную жизнь и жизни других и совершенно неспособен увидеть, что во многом в трагедии виноват он сам, что он постоянно усугубляет положение и делает все хуже»⁹³.

«У женщины психология совсем другая, и поэтому женщина всегда была источником информации о том, чего мужчина не способен увидеть. Она может вдохновлять его, ее интуиция, которая часто сильнее мужской... может показать ему такие возможности, о которых его, менее личностроены ориентированные чувства никогда не скажут ему... Именно здесь, без всякого сомнения, находится основной источник женских особенностей характера... <...> В жизни человечества нет и не может быть такого опыта, в который бы не вмешивались субъективные склонности... Поэтому мужская природа всегда предполагает присутствие женщины, как физическое, так и духовное. Его система настроена на женщину с самого начала, так же как она настроена на вполне определенный мир, где есть вода, свет, воздух, соль, углеводороды и т. д. <...> ...В бессознательном мужчины существует наследственный коллективный образ женщины»⁹⁴.

⁹² Ibid., p. 30.

⁹³ C. W. Vol. 9, part 2, p. 10.

⁹⁴ Ibid. Vol. 7, pp. 186—188.

Женщина дополняет мужчину, довершает его. То же самое происходит на уровне физиологии: каждый пол стремится дополнить противоположный. В теле каждого мужчины естьrudиментарные черты женщины (гомологи), напримерrudиментарная грудь, соответствующая по типу и строению женской груди. То же самое касается и женщины: у нее есть мужские гомологи, такие как клитор, соответствующий пенису.

Психологически и физически понятие анимы (и анимуса) напоминает известный миф Платона о том, что изначально человек был круглым как мяч, что означало его целостность, и обоеполым, в нем были объединены свойства обоих полов. У этих странных существ было четыре ноги, четыре руки, одна шея и два лица. Всего у них было по два. Эти обоеполые существа обладали огромной силой и однажды попытались напасть на богов, и тогда Зевс разделил каждого из них на две отдельные части. С тех пор их желание снова соединиться выражается в том, что каждый пол стремится к другому полу, чтобы, как прежде, стать одним существом.

Вряд ли можно сомневаться в том, что психология мужчин и женщин отличается. Теория Юнга полагает разумное основание для объяснения психологических различий между ними. Это различие все всегда принимали как само собой разумеющееся, как естественный порядок жизни, исключение составляли, возможно, только некоторые области психологической мысли. В литературе встречается множество примеров непреодолимого стремления мужчин к полноценности, обретаемой, когда они женятся на определенной женщине, на которую проецируют свою аниму. Один из примеров можно найти в романе Харди «Любимая»⁹⁵, опубликованном, когда Юнг еще был студентом. Юнг впервые увидел эту книгу спустя много лет после того, как его работа об аниме и анимусе была опубликована. В своем

95 Томас Харди (1840—1928) — английский романист, новеллист и поэт, автор широко известного романа «Тэсс из рода д'Эрбервильей». Его последним прозаическим произведением стал роман «Любимая» (The Well-Beloved, 1897). (Примеч. ред.)

романе Харди прослеживает жизнь человека, с первого взгляда влюбившегося в девушку. Он долгое время ее не видит, однако все более уверяет себя в том, что успеха и полноты жизни может добиться, только женившись на ней. У Данте, насколько мы знаем его жизнь, был очень похожий опыт: он встретил Беатриче, когда ей было восемь лет и четыре месяца, а ему около девяти.

Юнг считал, что в произведении Райдера Хаггарда «Она»⁹⁶ содержится интересное и точное описание женщины-анимы: «Неотъемлемая часть их арсенала — так называемый „характер Сфинкса“, а также двусмысленность, интригующая уклончивость — не размытая, ничего не предлагающая неясность, — а неопределенность, которая кажется полной обещаний, как красноречивое молчание Моны Лизы. Женщина этого типа одновременно пожилая и юная, она и мать и дочь, ее невинность более чем сомнительна, она совсем как ребенок и в то же время наделена наивным коварством, таким обезоруживающим для мужчины»⁹⁷.

Если девушка оказывается девушкой-анимой, или, как обычно выражаются популярным языком, «всеобщей любимицей», ее обычно раздражает, когда мужчина проецирует на нее образ своей анимы, и настаивает на том, что он воспринимает ее не такой, какая она есть, а такой, какой бы он хотел, чтобы она была. Она бы хотела, чтобы ее ценили за ее реальные качества или за те, которые она считает реальными, а намерения мужчин могут показаться ей скучными и совершенно глупыми. С другой стороны, так как отношения двух людей происходят на сознательном уровне и могут нести на себе проекции друг друга, между ними может сложиться и хорошая дружба, ведущая к счастливому браку. Если бы мужчина изначально не проецировал на женщину свою

⁹⁶ Генри Райдер Хаггард (1856—1925) — английский прозаик, юрист и специалист по агрономии и почвоведению; классик мировой приключенческой литературы. Айша, героиня романа «Она» (1886—1887), — предводительница африканского племени — обладает не только необычайной красотой, но и даром видеть будущее. (Примеч. ред.)

⁹⁷ C. W. Vol. 17, p. 199.

аниму, дружба могла бы никогда не начаться. Следует помнить, что анима — это самостоятельный комплекс, и его не приводит в действие сознательное намерение мужчины. Просто его анима, то есть его образ и идеалы женственности, начинает проецироваться на конкретную женщину. По мере того как их дружба будет развиваться, станут видны и другие ее (и его) качества. Следовательно, влюбленность — какое бы значение мы ни приписывали этому неопределенному состоянию — вполне может складываться из проекции и сознательной оценки качеств другого человека. Можно также заметить, что многие браки остаются счастливыми, когда один или оба партнера сохраняют свои проекции; они остаются бессознательно счастливыми. Не стоит утверждать, что все проекции рассеиваются «в свете будней».

В личных взаимоотношениях с противоположным полом проекции действительно часто рассеиваются, но это случается далеко не всегда. Часто умный человек ведет себя правильно и разумно во всех жизненных ситуациях, за исключением контактов с противоположным полом. Его жизнь может быть потревожена, испорчена драматическими эпизодами, которые дают ему уверенность, что он должен наладить как можно более близкую дружбу с определенной женщиной. Он не остановится, даже если что-то подобное уже происходило с ним в прошлом. Он может даже соглашаться с тем, что два или, возможно, три брака начинались с такого же увлечения и что эта дружба, с точки зрения стороннего наблюдателя, точная копия всех остальных, которые не продлились долго. Когда человек находится во власти сильных эмоций, здравый смысл бессилен.

Мужчины, проходящие психологическое лечение и использующие рисование для того, чтобы прояснить свои сновидения и другие глубинные мысли, нередко рисуют на одной или нескольких картинах неизвестную женщину, которую нельзя идентифицировать ни с какой реальной женщиной. Обычно у нее чем-нибудь закрыты глаза или отвернуто лицо. Это вновь и вновь происходит с мужчинами, которые никогда не слышали

о юнговском понятии анимы. Такие случаи подтверждают его утверждение: «Каждый мужчина несет в себе вечный образ женщины... отпечаток, или архетип, представлений о женщине всех его предков, своеобразное хранилище всех впечатлений, которые производила женщина, — короче говоря, наследственная система психической адаптации»⁹⁸.

Юнг говорит: «Возможно, анима — это проявление в психике небольшого числа женских генов в мужском теле. В пользу этого говорит также то, что этой фигуры нет в бессознательном женщины. Однако у женщины есть аналогичная фигура, играющая такую же роль, но это образ не женщины, а мужчины. Эта мужская фигура в женской психологии получила название „анимус“. Одна из наиболее типичных манифестаций обоих фигур — это то, что издавна называют „враждебностью“. Анима вызывает странное настроение, а анимус провоцирует человека на раздражающие банальности и неразумные суждения. Обе эти фигуры часто встречаются в сновидениях. Как правило, они олицетворяют бессознательное и придают ему особенно неприятный и раздражающий характер. Бессознательное само по себе не обладает такими негативными качествами. Они появляются, только когда оно персонифицировано этими фигурами и когда они начинают влиять на бессознательное. Поскольку это неполные личности, они обладают свойствами либо неполноценного мужчины, либо неполноценной женщины — отсюда их раздражающее действие. Мужчина, находящийся под таким влиянием, подвержен непонятным переменам настроения, а женщина будет склонна к спорам, к тому, чтобы выражать свое мнение не кстати и не по теме»⁹⁹.

Наряду с этим мы должны привести здесь другое утверждение Юнга: «Хотя поначалу мы сталкиваемся с анимой и анимусом в основном в их негативной, неприятной форме, это совсем не проявление плохого настроения. У них также есть... и положительная сторона...

⁹⁸ Ibid., p. 198.

⁹⁹ Ibid. Vol. 2, pp. 30, 31.

<...> ...Эта архетипная основа всех божеств мужественности и женственности сформировалась в давние времена и потому заслуживает особого внимания. Они представляют собой главную пару противоположностей... из-за их взаимного влечения, обещающего единство и на самом деле делающего его возможным»¹⁰⁰.

Юнг писал также: «Если анима осознается и интегрируется, происходит общее изменение отношения к женственности... так как жизнь основывается на гармоничном взаимодействии мужских и женских сил, как внутри личности, так и вне ее. Достижение единства этих противоположностей — одна из самых важных задач психотерапии в настоящее время»¹⁰¹.

Анимус

Если мальчик и девочка из одной семьи растут в одинаковом окружении, следует ожидать, что у девочки представление о противоположном поле будет формироваться по тому же принципу, что и у мальчика, с соответствующими различиями. Следовательно, самым важным образом в разуме девочки становится ее отец. Видимо, на основе сложившегося у нее его образа она будет формировать представления о мужчинах. Он первый мужчина, которого она встречает, и, хочет он того или нет, он становится стандартом, по которому она оценивает мужчин. Кроме этого, мужское начало у девочки формируется еще и на основе впечатлений, полученных из личного опыта, накапливающихся из услышанных ею рассказов о мужчинах, то есть из домашних бесед, от матери, из сплетен между девочками в школе. Полученные впечатления дополняют, но не заменяют образ отца. В бессознательном женщины также есть наследственный образ мужчины. Так же как мальчик рождается уже приспособленным к противоположному полу, так и девочка появляется на свет с уже сформировавшимся суждением о мужчинах. Мужчины, точнее, один мужчина может сделать ее жизнь полноценной.

¹⁰⁰ Ibid. Vol. 9, part 2, p. 268.

¹⁰¹ Jung C. G. Emma. Animus and Anima, p. 87.

Для этого мужского начала в женщине Юнг использовал термин *анимус*. Его описание анимуса — это существенный вклад в женскую психологию, представляющий немалую практическую важность.

Возможно, у большинства женщин бессознательные мужские элементы личности гармонично сочетаются с другими ее качествами и только поэтому способствуют нормальной жизни. Как и в случае с другими качествами, у девушки или женщины нет выбора, иметь или не иметь анимус, это часть того, чем она наделена от природы. Однако не всегда анимус хорошо сочетается с другими качествами.

Один из самых простых способов определить, что с анимусом не все в порядке, — посмотреть, как девушка общается с другими людьми. Если ее дружеские отношения выглядят нормальными и естественными, и в особенности если она непринужденно и с удовольствием общается с противоположным полом, все, скорее всего, в порядке. Но с другой стороны, по мере того как она растет, когда поступает в институт или устраивается на работу, она может постепенно приобретать у своих сверстников репутацию «сложного» человека. Они могут заметить, что она не способна сопереживать чувствам других людей, и воспримут это непросто. Люди будут обижаться, в особенности мужчины, а она будет удивлена тем, что их что-то расстроило, ведь она говорила абсолютно разумные вещи. А если что-то не так, то почему они не сказали об этом? На этом ее размышления могут закончиться. Возможно, то, что она говорила, было разумно, но чувства не зависят только от разума. Если она не замечает этих частых случаев — а это бывает довольно часто, — она наживает себе врагов и потеряет друзей, как мужчин, так и женщин.

Предположим, что отец — важный фактор, влияющий на анимус девочки, — плохо выполнял свою роль отца, предположим, он бросил жену и ушел к другой женщине. Возможно, брак сохранился, но отец был замкнут и молчалив, плохо ладил с матерью девочки, между ними были напряженные отношения, они подолгу не разговаривали друг с другом. Все это отражается на образе отца,

а поскольку он для девочки прототип мужчины, то это влияние распространяется на всех мужчин, и, сама того не замечая, она будет весьма сдержанно относиться к большинству мужчин; возможно, они это почувствуют, а она нет. Она может не догадываться о своей замкнутости и вообще отвергать самое мысль об этом, но все же она будет расстраивать мужчин, даже не замечая этого. Она не хочет обижать мужчин и может иметь самые благородные намерения. Если мужчина не будет соглашаться с такой женщиной, пусть даже очень вежливо, он, к своему удивлению, окажется на линии огня. Ее реакция будет казаться неадекватной. Дело в том, что, сама того не осознавая, она постоянно занимает оборонительную позицию и любой ценой пытается оправдывать себя. Или, если у нее не получится взять верх в противостоянии, она найдет «козла отпущения». Подобное может происходить снова и снова, она не станет извлекать уроков. Часто она бывает великодушна, даже слишком, и помогает тем, кто просит ее помощи. Ей кажется более простым отдавать, чем получать. Ее роковая ошибка в том, что она нисколько не ценит мнение других людей. Ей бывает сложно что-то рассказывать, она даст понять, что уже все знает, а если и не знает, то, скорее всего, покажет, что это ей совсем не важно.

Если отец, наоборот, очень хорошо справляется с ролью отца, он автоматически становится надежным источником любви и защиты. В таком случае дочь идеализирует отца, чувствует, что всецело принадлежит ему, что знает и понимает его лучше, чем кто-либо другой. Это часто происходит, когда умерла мать, но, если она жива, подобное отношение также не исключено. Тесная связь девушки с отцом, к ее несчастью, нередко прекращается, если он разводится, женится на другой женщине или просто уходит, чтобы жить в другом месте. Но эффект идентификации с ним сохраняется, а установление тесных связей с другим мужчиной может показаться невозможным. Это может произойти вопреки ее сознательным желаниям, но она не может отдать себя мужчине, даже выйдя за него замуж, — ее удерживает бессознательное побуждение никогда не доверять себя

другому мужчине, кроме отца. Это может привести к гомосексуальным привязанностям, которые в некоторых случаях могут сопровождаться физическими манифестациями.

Для женщины нормально иметь собственные убеждения, без них женщины были бы очень скучны. Но женщина, у которой проблемы с анимусом, может стать самоуверенной и упрямой, желать навязывать свое мнение другим. Точка зрения, которую она выражает, может быть разумной и оригинальной, но скрытый мотив для ее высказывания обычно состоит в том, чтобы набирать очки. Это активизирует в мужчине аниму и приводит его в большее негодование, чем следует ожидать в подобной ситуации. Если он ничего не знает о женской психологии, он будет спорить с женщиной, слабо представляя, что она, скорее всего, спорит для того, чтобы спорить, а не для того, чтобы прийти к истине. Она добьется маленькой словесной победы, но этими победами выложен путь к скорому поражению. К сожалению, женщина не видит своих поражений, и ситуация повторяется. На деятельность анимуса будут влиять функциональный тип и природные данные женщины. Она может быть очень умной, выдавать блестящие идеи, сосредоточенные на определенном проекте, который какое-то время будет успешен, а потом провалится. Вокруг нее ничего не формируется. У нее внешняя борьба и внутренний конфликт; по мере того как она становится старше, она может обнаружить, что слишком одинока, друзья исчезли.

Многим женщинам, если они хотят сохранить духовное здоровье, приходится преодолевать иллюзию угрозы нападения. Они ведут себя так, будто их всюду окружает враждебный мир. Если они от природы наделены очарованием и красотой, они могут пользоваться этим, чтобы защищаться от мужчин. Мужчин привлекет красота девушки, за которой они не могут ничего более разглядеть, а девушка будет наслаждаться их восхищением. Однако симпатия не взаимна, ибо девушка может рассматривать свою физическую привлекательность как оружие. Поклонение и лесть легко принять,

а ей нужна похвала во всем, что она делает, без нее она чувствует себя потерянной. Конечно, у обеих сторон есть недостатки, и девушке не всегда просто показать свои чувства.

Возможно, эта картина покажется преувеличенной и не относится к каждой женщине, неприятные черты анимуса также не проявляются каждый день; у женщины могут быть долгие периоды, когда она нормально общается с людьми. Однако это истинная картина психологического состояния многих женщин, которые обижают друзей и слепо разрушают ценности своей личной жизни. Эмоции таких женщин, часто обвиняющих других в своих неудачах, плохо приспособлены к жизни.

При аналитическом лечении трудно, а иногда невозможно объяснить женщине, в личности которой мужские стороны не встроены гармонично, что такое анимус. Такая женщина — самый страшный свой враг. Ее самостоятельный анимус всегда занимает оборонительную позицию, поддерживаемый ее сильным желанием быть правой, лидировать и, таким образом, избежать ситуации, в которой ее могут отвергнуть. Конечно, гипертрофированный анимус — это бремя для женщины. Но, осознав его, она может достичь более полного развития. Для женщины, которая хочет знать, как работает анимус, может быть очень полезно записывать ее сновидения и использовать любые доступные средства, такие как рисование картин и моделирование, чтобы придать очертания и форму качествам анимуса, мешающим ей жить. Пока она не знает о его существовании, он действует самостоятельно и разрушительно. Такая женщина ведет себя так, как будто она боится потерять самоконтроль, и не позволяет ситуации, в которой за действованы ее чувства, развиваться естественным образом. Она всячески мешает другим людям, каким-либо непредсказуемым способом заставляет их почувствовать, что они ушли от темы.

Если она хочет выполнять свою роль счастливо, в гармонии с другими людьми, она должна лучше осознать мужские черты своей личности. Они слишком сильно выражены и затмевают ее более важные женс-

кие качества. Женщине нужны смелость и терпение, чтобы исследовать самое себя или принять доброжелательные замечания окружающих. Она должна понять, что истинная сила — в благожелательном осознании чувств других людей. Когда женщина этого достигнет, она начнет выполнять свою истинную роль — сохранять единство группы, то есть семью. Меньше заботясь о личных достижениях, она ближе соприкасается с внутренним миром бессознательного. Учитывая, что анимус — это фигура коллективного бессознательного, женщине важно обращать внимание на свои сновидения. Из них она может больше узнать о себе, а следовательно, у нее лучше будет протекать процесс компенсаторного приспособления. Женщина больше приобретет, научившись менее личностно, то есть более безличностно, рассматривать свои старания быть женщиной. Если ее сознание расширится, энергия, которая до этого тратилась на мелкие стычки, может быть использована для налаживания контакта с внешним миром. Однако сначала она должна установить связи со своим бессознательным, своим внутренним миром и таким образом отказаться от бесмысленных попыток самоутвердиться с помощью того, что Юнг называет *экстраверсией анимуса*: «Женщина, вместо того чтобы просто ассоциировать свои установки с внешней действительностью, то есть с ситуациями, о которых она должна думать сознательно, следует направлять анимус как ассоциативную функцию внутрь себя, где он будет связан с содержаниями бессознательного... <...> Женщина должна научиться критически относиться к своему мнению и держать свои мнения при себе, не для того, чтобы они оказались вытеснены, а для того, чтобы сильнее углубиться в источни... <...> ...Внутренняя мужская сторона женщины порождает творческую жилку, которая может обогатить женское начало в мужчине»¹⁰².

Многие женщины с помощью анализа увидели негативное воздействие их анимуса и исправили это. В результате в их личной жизни произошли резкие

перемены: теперь им легче общаться с людьми на сознательном уровне, а это важный шаг в понимании безличностного, архетипного материала жизни. Они находятся в мире сами с собой и неизбежно создают вокруг себя атмосферу спокойствия и уверенности. Эти положительные свойства анимуса проявляются в сновидениях, и их необходимо обсуждать простыми словами, избегая неясностей, чтобы женщина могла понять, как ей судить о себе. У нее есть возможность установить связь между своей сознательной жизнью и бессознательным фоном, который, как следует помнить, действует независимо. Это никогда не бывает просто, но с помощью силы воли это возможно. Она должна выполнять большую часть работы, оценивая свое бессознательное, то есть отмечая свои сновидения, работая с активным воображением, рисуя и используя другие способы. Таким образом, ее жизнь начнет улучшаться, а многие ее шероховатости — пропадать, она учится принимать так же, как отдавать.

Мужчины быстро замечают негипертрофированный анимус женщины. Это значит, у нее есть такое трудно поддающееся определению качество, как очарование, мужчина интересен ей, она любит слушать его, причем искренне. Такую женщину можно отнести к группе тех, кто любит весь мир. Ее анимус в норме. Он есть, и дает ей некое представление о мужчинах, как будто она уже что-то знает о них. Наблюдения показывают, что женщины этого типа хорошо ладят со всеми, потому что они редко принимают оборонительную позицию, не чувствуют потребности набирать очки, а ошибки не приводят их в ужас.

Юнговское описание анимы и анимуса основывается на продолжительном наблюдении за тем, что происходит в бессознательном мужчины и женщины. Юнговские исследования бессознательного приносят реальную практическую пользу и помогают людям понимать многочисленные очень жизненные ситуации.

Расширяющийся круг юнговской мысли

Когда в декабре 1900 года Юнг поступил на работу в больницу Бургхёльцли, в его карьере наступил переломный момент. Переехать из Базеля в Цюрих означало больше, чем просто сменить обстановку и устроиться на новую работу. «В Базеле, — пишет Юнг, — на мне все время была печать сына преподобного Поля Юнга и внука профессора Карла Густава Юнга¹⁰³ (профессора медицинских наук в университете). Я был интеллигентом и принадлежал к определенному общественному классу. Я внутренне противился этому, потому что я не хотел быть классифицирован и не позволил бы это делать самому себе»¹⁰⁴. Он был еще мало известен в Цюрихе, когда получил свою первую должность в больнице для душевнобольных. Однако судьба распорядилась так, что именно в Цюрихе и в Кюснахте, на Цюрихском озере, он прожил всю жизнь и здесь стал фигурой мирового значения в психиатрии.

¹⁰³ Карл Густав Юнг — протестантский священник и врач, дед К.-Г. Юнга, один из основателей Базельского университета. (По слухам, незаконнорожденный сын Гёте.) (Примеч. ред.)

¹⁰⁴ M. D. R., p. 113.

■ Гипнотизм

В Бургхёльцли он отвечал за пациентов, за их лечение, а также, как и его коллеги, проводил исследования. Вскоре он начал читать лекции с демонстрациями для студентов, изучающих медицину и приходивших в больницу в учебных целях. Это идеально подходило ему: он начал карьеру, какую хотел иметь, и собирался вскрыть покров тайны, окружающей умственные заболевания, и определить, что происходит в голове пациентов с душевными расстройствами.

В основном пациенты делились на две группы. Первые — многие с тяжелыми расстройствами, страдающие от неизлечимых психозов. Их лечение ограничивалось изоляцией и вниманием к их психическому статусу. У вторых расстройства были не столь серьезными, у них были такие симптомы, как болезненная тревога, фобии, навязчивости и другие формы неврозов; среди этих больных были психопаты и люди сексуальными отклонениями. Активные усилия прикладывались к тому, чтобы попытаться вылечить вторую группу, хотя в то время никто не знал, чем вызвана болезнь и что значат ее симптомы. Им помогали в больнице и в амбулатории при помощи простой психотерапии в форме добрых советов, подбадривания, иногда с применением успокоительных средств. Юнг много узнал из разговоров с такими пациентами. Многим из них стало лучше; без сомнения, благодаря ободрению и поддержке, которые им оказывались.

В молодости, в 1902 году, когда Юнг работал в Бургхёльцли, он провел несколько месяцев в Париже, занимаясь исследованиями для аспирантуры под руководством профессора Пьера Жане, чья оригинальная работа по истерии и другим видам невроза произвела на Юнга немалое впечатление. Жане, как и некоторые известные швейцарские психиатры, широко использовал гипноз. Поэтому в своих лекциях в то время Юнг уделял большое внимание гипнотизму, и, как это сегодня бывает, эта тема вызвала у студентов интерес. Когда Юнг пришел в Бургхёльцли, индивидуальный и групповой

гипноз уже активно там использовался. Лечение гипнозом ввел предшественник Эйгена Блейлера профессор Огюст Форель.

К некоторому своему удивлению, Юнг не нашел больших сложностей в использовании гипноза, и у него было много возможностей использовать его. Лечение должно зависеть от того, что врач думает о причинах и значении симптомов, но на этом этапе у него не было четкого мнения о причинах симптомов, он только начинал работать и стремился к новым знаниям. Однако он взял себе за правило разбирать биографию своих пациентов настолько подробно, насколько было возможно, чтобы определить, что означали их симптомы. Если у пациента была парализована нога и при этом не было никаких физических повреждений, он пытался выяснить, когда впервые появились эти симптомы и каково было душевное состояние пациента в тот момент, почему болезнь приняла такую форму, почему оказалась парализованной нога. То, что у человека появился именно такой симптом, не могло быть просто случайностью.

В те дни многие врачи были убеждены, что «проблемы с нервами» (то есть невроз) вызывались «воображением», и они приветствовали любой метод, который помог бы избавиться от навязчивых идей, появившихся в голове пациента. В целом лечение гипнозом было довольно популярно, пациенты считали, что в нем было что-то чудесное, врачи были в большом почете. Зачастую это вызывало быстрое, но недолгое облегчение симптомов. Но Юнг относился к этому скептически. Его разочаровывало слишком малое количество излечившихся пациентов. Это был ненадежный метод, некоторые пациенты не поддавались гипнозу. Старший коллега как-то сказал ему, что раньше большинство пациентов при групповом гипнозе сидели тихо с закрытыми глазами и притворялись загипnotизированными, думая, что профессор Форель разозлится, если они не войдут в транс.

По мере того как продолжались исследования, которые могли бы послужить основанием для лечения,

индивидуальный и групповой гипноз казался Юнгу все менее и менее действенным. Бывало, что у него довольно хорошо получалось облегчать симптомы, при этом никак не приблизившись к причинам болезни. Работа вслепую не устраивала его. Кроме того, он обнаружил, что пациенты часто начинают зависеть от него, врача, и упорно видят в нем волшебника. Это озадачивало его, но постепенно он начал понимать: действие гипноза зависело от силы внушения, и пациент, которого ввели в транс и облегчили ему какой-либо симптом, что довольно естественно, предполагал, что врач обладает особой «силой» или «даром». Юнга подобный опыт применения гипноза не привлекал, его поверхность заставила его отказаться от этого метода. Ему совсем не нравилось «исцеление», совершающееся без малейшего представления о том, как это происходит.

■ Комплекс в лечении

С помощью своих экспериментов со словесными ассоциациями, о которых говорилось выше, Юнг продемонстрировал самостоятельность бессознательного, проявляющуюся в формировании комплексов и их воздействия на человека, выражавшегося в задержке реакции, обычно с психологическими пояснениями. Это было важное открытие, Юнг и его коллеги загорелись энтузиазмом. Так как результаты теста напрямую сказывались на лечении пациентов, у них появилась надежда выяснить происхождение симптомов и, таким образом, сделать возможным их лечение.

Метод ассоциаций на слова приносит наибольшую пользу в лечении больных как индикатор комплексов, так как в нем внимание сосредоточивается на событиях или идеях в голове пациента, о которых ни он, ни врач ничего не знают. Затем следуют беседы, направленные на то, чтобы человек мог сознательно контролировать скрытые стороны своей психики. С помощью этого метода Юнг мог показать пациентам объективные

и неоспоримые данные о том, как у них замедляется реакция при произнесении определенного слова-стимула, как при этом изменяется дыхание, усиливается сердцебиение. Пациенты не замечали задержки реакции и были совершенно не в состоянии объяснить, почему у них изменяется дыхание и усиливается сердцебиение. Очевидно, их представление о самих себе было неполным. Скрытая эмоция была четко представлена на графике, поэтому врач мог уверенно начинать свои расспросы. Юнг всегда пользовался такими подсказками, и постоянно обнаруживалось, что какое-то событие в прошлом все еще оказывало влияние на пациента и вызывало симптомы, хотя он мог и не помнить об этом происшествии. Это был существенный шаг вперед — круг расширился.

Применение Юнгом теста словесных ассоциаций было большим достижением. Врачи из разных стран приезжали в Цюрих, чтобы изучить этот метод, многие узнали о нем, многие стали его использовать. Позднее Юнг прочитал по этому вопросу ряд лекций в Соединенных Штатах. Будущее этого метода обещало быть ярким. Неправильно было бы думать, как полагают многие, что сознание — это то же самое, что вся наша личность. Тесты показывают, что личность однозначно больше сознания. Сознание, например, неспособно быть всегда сконцентрированным. Как показал тест словесных ассоциаций, бессознательное играет решающую роль. Используя эти тесты, Юнг наблюдал не только за продолжительностью реакции, но и за движением рук и ног, кашлем, смехом и т. д. Если тестируемый отвечал одним словом на несколько слов-стимулов, Юнг обращал на это пристальное внимание. Больше всего впечатляло то, что эти реакции не подчинялись воле человека. Одна группа тестов было проведена с семьями, и было обнаружено, что типы ассоциации и реакции были сходны у членов одной семьи, например у двух братьев или у матери и ребенка. Это указывало на наличие идентификации.

К сожалению, тест был небезупречен. У него были свои недостатки: из-за того, что врач использовал

секундомер и был сосредоточен на нем, а затем отмечал результаты на графике, появлялся механический элемент, который мешал контакту пациента и врача. Во время теста пациент неизбежно уходил на второй план. По этой причине Юнг начал все меньше и меньше использовать этот тест. Но, несмотря на ограничения, это было бесценное средство для исследования, и в течение нескольких лет он продолжал использовать эти тесты, в основном вместе с другими методами лечения в диагностических целях. Описанная методика способствовала его дальнейшей работе. «Именно благодаря этим исследованиям с ассоциациями, — пишет Юнг позднее, в 1909 году, — меня пригласили в университет Кларка; меня попросили прочитать лекцию по моей работе. Одновременно и независимо от меня пригласили Фрейда»¹⁰⁵. Как мы знаем, Юнг познакомился с Фрейдом благодаря результатам теста, указывающим на вытеснение.

После общения с Фрейдом методы лечения Юнга начали расширяться, и он стал уделять все большее внимание сновидениям пациентов. Психоанализ Фрейда был включен в программу лекций для студентов.

В то время Юнг пробовал разные методики, но всегда избегал жестких методов психотерапии. Каждого пациента нужно воспринимать как индивидуальность: у каждого из них свои проблемы, не было двух одинаковых пациентов. Юнг полностью погружался в лечение, и, когда он сидел лицом к лицу с пациентом, участие врача было очевидно и пациенту. С точки зрения Юнга, кушетка — это препятствие, она нарушала взаимодействие двух людей — пациента и психоанализтика. Его индивидуальный гибкий метод лечения постепенно обретал форму, в основном за счет того, чего он не делал, а не за счет каких-либо новшеств. Любая «методика», такая как тест ассоциаций на слова или искусственность ситуации, когда пациент лежит на кушетке, была для Юнга скорее препятствием, чем помощью.

¹⁰⁵ M. D. R., p. 121.

■ Психология бессознательного

Одновременно шло его исследование значения симптомов и, что еще более важно, значения символов в сновидениях, рассказанных при лечении. Примером может служить важный вывод, к которому он пришел, об особом типе пациентов, с которым ему часто приходилось сталкиваться: «Я понял, что не могу лечить латентные психозы, если не понимаю их символизм. Именно тогда я начал изучать мифологию»¹⁰⁶. Это дает нам понять, как круг мыслей Юнга постоянно расширялся. Благодаря своему знанию мифологии он увидел связь между древней мифологией и психологией первобытных людей, и это заставило его заняться интенсивным изучением последней. Примерно в это же время старший коллега попросил его прочитать документ, содержащий удивившие его фантазии молодой американки: «Меня тут же поразил мифологический характер фантазий. Они сработали как катализатор для идей, хранящихся в беспорядке у меня в голове. Постепенно из них и из мифов, которые я знал, сформировалась книга «Психология бессознательного»¹⁰⁷. С публикацией этой книги подошло к концу его сотрудничество с Фрейдом. Юнг чувствовал себя очень одиноким. У него было много друзей среди психоаналитиков, и ему было жаль разрывать эти связи. Весьма важным было то, что профессия врача в Цюрихе, и не только, идентифицировала его с фрейдизмом, поэтому какое-то время его ограждали от работы с их пациентами психоаналитиков. Но это не играло в его деятельности существенной роли, потому что задолго до того у него было, скорее, даже слишком много пациентов, приезжающих из разных стран. Ценным для него в этой ситуации было то, что у него появилось больше времени для чтения, размышлений и исследовательской работы в тех направлениях, которые его интересовали.

В отношении лечения пациентов он сохранял открытость и всегда был готов изменить собственную точку

¹⁰⁶ Ibid., p. 131.

¹⁰⁷ Ibid., p. 158.

зрения, если имел на то основания. Он пишет: «Непростительной ошибкой было бы не замечать элемент истины в точках зрения как Адлера, так и Фрейда, но и непростительно было бы принимать какую-либо из них за абсолютную истину... На самом деле одни случаи... лучше описывает одна теория, другие — другая... Мне бы, конечно, и в голову не пришло сходить с пути Фрейда, если бы я не столкнулся с фактами, которые заставили меня изменить взгляды. То же самое можно сказать и о моем отношении к точке зрения Адлера»¹⁰⁸. Когда Юнг писал это, он имел в виду ограничения, которые Фрейд навязывал мышлению, утверждая, что нарушения сексуального либидо в детстве — это причина всех неврозов; то же имел в виду Юнг в отношении утверждения Адлера об универсальности его теории о неврозах как системе уловок, с помощью которых человек уходит от ответственности или приобретает власть над окружающими.

Фрейд видел объяснение невроза в прошлых событиях, в то время как Адлер рассматривал невроз как способ контролировать будущее и обеспечить свое превосходство.

Рассматривая обе теории неврозов, Юнг пошел по иному пути: «Симптомы невроза — это не просто последствия событий из далекого прошлого, в „детской сексуальности“ или детском стремлении к власти, это и попытки обобщить свою жизнь, следует отметить, неудачные попытки, однако имеющие определенное значение и представляющие определенную ценность»¹⁰⁹.

■ Текущая проблема

На этой стадии основной вывод, который сделал Юнг, состоял в том, что симптом, от которого лечили пациента, — это не только наследие прошлого или попытка захватить контроль над тем, что может случиться

¹⁰⁸ C. W. Vol. 16, p. 37.

¹⁰⁹ C. W. Vol. 7, p. 45.

в будущем, это и неспособность справиться с текущей ситуацией. Данный момент стал основным в аналитической психологии. Анализ сновидений занял в лечении больных основное место, что требовало тщательного и часто долгого анамнеза: воспоминание событий, случившихся в детстве, того, как человек относился к каждому из родителей, к братьям и сестрам и другим людям, окружающим человека в младенчестве и в детстве, происшествий, случившихся дома и в школе, и т. д. Без знания событий в жизни пациента его сновидения, его текущая ситуация и планы на будущее были бы непонятны. Но как бы ни была важна эта биография, не только она объясняла, почему расстройство произошло именно сейчас. Если причина кроется только в прошлом, почему раньше не было никаких признаков расстройства? В сновидении могут воспроизводиться события из прошлого, но почему это происходит именно в сновидении? Это могло означать, что именно во сне прошлое и настоящее встречаются. Подобным образом в так называемом предваряющем сне центр событий переносится в настоящее время. Нервное расстройство происходит в настоящее время, и его следует рассматривать в настоящем времени, а не в прошлом и не в будущем. Юнг был убежден, что события текущего периода в жизни пациента и его мысли на тот момент имели отношение к его болезни.

Даже в период сотрудничества с Фрейдом Юнг не использовал его «кушетку» — метод, при котором пациенты во время сеанса лечения должны были лежать на кушетке. Когда пациент, расслабленный, лежал на кушетке, он мог следовать основному правилу психоанализа — свободной ассоциации: говорить обо всем, что приходит в голову, следя потоку сознания. Юнг не мог принять такой метод и не одобрял его, предпочитая *амплификацию*, форму ассоциации, отличающуюся от свободной ассоциации одним важным моментом: если у пациента вызывать ассоциацию на определенный аспект его сновидения, то его мысли устремляются только к этому аспекту и не могут течь абсолютно свободно. Во время сеанса лечения Юнг и его пациент встречались

на равных, и их беседа, по словам Юнга, должна напоминать общественное событие со взаимным обменом мнениями, а если человек болен неврозом, это также следует обсудить, но точно так же, как остальные события. Юнг пояснял также, что он научился никогда не начинать беседу первым, самое большее — немного пошутить, спросить, как дела, и затем ждать, пока пациент сам не начнет рассказывать. Это делалось потому, что мы не знаем, с чем имеем дело. Потому что, как объяснял Юнг, между им и пациентом лежат инстинкты, архетипы, бессознательное. Поэтому он предпочитал подождать и позволить пациенту заговорить первым.

С точки зрения Юнга, формальная методика, такая как свободные ассоциации, вносила в беседу элемент внушения, а как может быть иначе? Уже то, что пациент лежит на кушетке, внушает ему, что он болен. То же использовалось и при гипнозе, где пациент теряет инициативу и начинает зависеть от гипнотизера. Юнгу подобная процедура казалась несоответствием беседе с взаимным обменом мнениями.

Беседа с Юнгом часто удивляла пациентов, которые до этого видели других психиатров. Она была неформальной, врач редко делал какие-то записи. Он задавал вопросы, но не доминировал в беседе. В это время Юнг держал в голове важный вопрос: как эта ситуация выглядит с другой стороны — со стороны бессознательного? Беседа была неформальной, но совсем не легкомысленной. Его интересовало то, что пациент может рассказать ему, он не направлял разговор, а позволял ему идти своим ходом, зная, что все, что скажет пациент, имеет определенное значение. Это была именно беседа, а не монолог. Так как бессознательная деятельность проявляется, например, в памяти, то в обычной беседе и в беседе с пациентом происходит то же самое, и Юнг полагался на это. Обычно в первой беседе он расспрашивал пациента про сновидения, которые ему недавно приснились, то есть про первичный сон. Он расспрашивал пациента о его повседневной жизни, работе, ситуации в семье, об общем состоянии здоровья и особенно о текущей жизненной ситуации. В среднем беседа с Юнгом длилась около часа,

и, если требовалось начать лечение, они с пациентом договаривались о следующей встрече.

Пациенты часто просили Юнга объяснить, что произошло с ними во время беседы, потому что она каким-то образом воздействовала на них. Он что, загипнотизировал их? Конечно, он отвечал, что о гипнозе речь не идет. Однако было очевидно, что в этой беседе было что-то большее, чем обычный разговор: она была приватной, пациент говорил только о себе, а Юнг направлял на него все свое внимание. Иногда пациент спрашивал, когда же начнется лечение. Это было понятно: пациент находился в незнакомой ситуации, врач казался ему странным, ему было интересно, что же будет дальше.

Если лечение продолжалось, как при психоанализе, то на первый план, как оно и должно быть, выходила реакция на ситуацию пациента и доктора. Когда два человека обсуждают конфиденциальные и тайные вопросы, каждый из них будет оказывать влияние на другого. Это неизбежно. Это происходит в процессе обычного взаимодействия между пациентом и врачом, между священником и исповедующимся по личным вопросам, между солиситором¹¹⁰ и его клиентом, когда к делу относятся личные вопросы. Эта черта, очень важная черта, всегда будет присутствовать в отношениях психиатра и пациента, проходящего курс психотерапии или психоанализа. В последнем случае, как при анализе сновидений, рассматриваются бессознательные мотивы, поэтому, хотя интервью и имеет сходство с другими личными консультациями, между ними есть важное различие, заключающееся в том, что психоаналитик, начав лечение пациента, не может, например, как солиситор, пожать руку пациенту и сказать ему «до свидания». Он должен продолжать лечение, ожидая от пациента содействия. В этой ситуации у каждого своя роль и каждый должен каким-то образом реагировать на слова другого. Юнг первым заметил, что пациент склонен приписывать психоаналитику мысли и эмоции, дружеские или

¹¹⁰ Солиситор — поверенный, адвокат, юрисконсульт. (Примеч. ред.)

враждебные, хотя они на самом деле не принадлежат врачу, а исходят из его собственного детского опыта общения с родителями. Чтобы описать происходящее, он ввел термин «перенос». Юнг увидел, насколько это важно, и позднее расширил значение термина «перенос», так как считал, что переносу могут подлежать любые мысли и чувства, а не только те, что человек переживает во взаимоотношениях ребенок—родитель.

■ Перенос в отношениях между доктором и пациентом

В начале своей карьеры Юнг знал, что встречу пациента и психоаналитика во время лечения может осложнить перенос. Поэтому пациенты могут настаивать на том, что психоаналитик необычайно умен, полон понимания, и разными способами выражают восхищение его личностью. Для психоаналитика это облегчало задачу, не было утомительных расспросов и раздражения. Но эта прекрасная атмосфера сотрудничества сохранялась не всегда: постепенно она могла омрачиться, пациент мог не соглашаться с врачом, пропускать встречи, сотрудничество в целом могло быть менее гармоничным. Когда это впервые обнаружилось, Юнг не понял, отчего это происходит. Может быть, этого и сейчас до конца не понимают. Для подобного обращения своих чувств и мыслей на другого человека хорошо подходит термин «перенос», то есть перемещение чего-либо из одного места в другое, в данном случае — от одного человека к другому. Перенос — это форма проекции, и, как любая проекция, он бессознателен.

Так как перенос происходит спонтанно, от него нельзя избавиться, просто объяснив процесс проекции. О проекции мы узнаем только по ее воздействию на человека, она происходит бессознательно; а так как проекция бессознательна, то и ее содержание также бессознательно. Если проекция, которую «посыпает» человек, начинает им осознаваться, она может исчезнуть, потому что он понял ее суть. Но добиться исчезновения

проекции может быть непросто. Точка зрения Юнга на перенос со временем менялась. В 1942 году он писал: «Я не думаю, что перенос на доктора — это обычное явление, необходимое для успешного лечения. Перенос — это проекция, а проекция может происходить, но может и не происходить. Но это не *обязательно*... Отсутствие проекций на доктора может значительно облегчить лечение, потому что настоящие личностные ценности в этом случае могут пропустить более явно»¹¹¹. В издательском предисловии к более поздней работе Юнга «Психология переноса» указано, что именно в этом его труде содержится достоверная информация, указанная самим автором, о том, как процесс индивидуации проявляется при переносе¹¹². В своем предисловии Юнг пишет, что, когда требуется долгое лечение, его успех зависит от процесса переноса. Но бывают разные случаи: иногда перенос указывает на положительные изменения в ходе лечения, что может означать также и «препятствие или осложнение, если не перемены к худшему; есть также случаи, в которых он не важен... <...> Здесь как с лекарствами, которые являются панацеей для одного и чистым ядом для другого».

Юнг считал перенос крайне важным явлением, считал, что его отсутствие всегда нужно отмечать, потому что оно может быть столь же существенным, как его наличие. В «Психологии переноса» Юнг описывает и объясняет «классическую» форму переноса. При таком исследовании возникают сложные проблемы, и Юнг подчеркивает его «условный» характер. Эта книга была написана как руководство для неопытного психотерапевта, уже знакомого с его более ранними работами, включающими «Психологию и алхимию». Читатели «узнают о тесных связях, существующих между алхимией и явлениями, которые нужно рассмотреть в психологии бессознательного из практических соображений»¹¹³. Конечно, Юнга интересовали только философские аспекты

¹¹¹ C. W. Vol. 7, p.45.

¹¹² Ibid. Vol. 16, p. 164.

¹¹³ Ibid., p. 165.

алхимии, а совсем не деятельность алхимиков, которые хотели найти короткий путь к богатству, превращая неблагородные металлы в золото. Алхимия процветала с дохристианских времен до XVII века, поэтому, естественно, она приобретала разные формы.

Так как данная книга написана не для профессионалов, стоит добавить, что Юнг придавал значение тому факту, что изучение алхимии предоставляет нам «момент в другом времени, который может помочь прийти к правильному пониманию и оценке проблем современной психологии»¹¹⁴. В более поздней работе читаем: «Основная проблема медицинской психотерапии — это перенос...»¹¹⁵

При лечении не может быть и речи о безличностном отношении психоаналитика к пациенту, психоаналитик *вовлечен* в процесс лечения, который в любом случае повлияет на него. С одной стороны, на него влияет пациент, с другой — его собственная бессознательная реакция на ситуацию. «Умный психотерапевт, — пишет Юнг, — уже давно знает, что любое сложное лечение — это индивидуальный, диалектический процесс, в котором доктор как личность участвует в той же степени, что и пациент»¹¹⁶. Другими словами, между доктором и пациентом происходит взаимообмен, которым является критическое исследование темы, предложенной пациентом. И доктор уже не источник необходимой информации и верховный судья. Он участник процесса, вовлеченный в него в той же степени, что и пациент. В таких отношениях очень важно взаимное доверие, без него лечение невозможно.

То, что между врачом и пациентом появляется подобная связь, следует из наблюдений. Любые субъективные содержания могут проецироваться. Так как проекция бессознательна, она происходит не по воле человека, а следовательно, ее нельзя ни требовать, ни отказаться от нее. Перенос не зависит от психотерапевта. Если он правиль-

¹¹⁴ Ibid., p. 166.

¹¹⁵ M. D. R., p. 203.

¹¹⁶ Ibid. Vol. 16, p. 116.

но обучен, он поймет, что происходит, и возьмет на себя ответственность объяснить это пациенту. Юнг всегда настаивал на том, что, прежде чем начать лечение пациента, психиатр сам обязан подвергнуться анализу. Это предложение, которое сделал Юнг, а Фрейд поддержал на одной из первых конференций по психологии, было многими принято. Таким образом, психоаналитик знает или обязан знать, что происходит в «ситуации переноса»

Проекции переноса влияют на психотерапевта. «Если он не видит этого, он слишком отстранен и говорит не по существу. Его обязанность — принимать эмоции пациента и отражать их. Вот почему я не принимаю идею того, чтобы класть пациента на диван и сидеть рядом с ним. Я сажаю своих пациентов напротив себя и говорю с ними, как один нормальный, естественный человек с другим», — писал Юнг¹¹⁷.

Как правило, перенос происходит неожиданно. Он может быть спонтанным, или первые его ростки могут появиться еще до встречи пациента и врача, так как пациент мог слышать что-то о враче или читать что-то из его работ. Когда личности пациента и психоаналитика кардинальным образом контрастируют друг с другом, найти основу для совместного лечения почти невозможно.

Как в жизни человеческие взаимоотношения не всегда стабильны, так и при психоанализе перенос не всегда происходит на одинаковом эмоциональном уровне. Этот уровень может изменяться, иногда резко, от позитивного ровного переноса к негативному, осложняющему работу, и между пациентом и доктором возникают противоречия. Это так же важно, как и позитивный перенос, и нужно учитывать его, не считая личным выпадом. Позднее, когда пациент поймет значение проекции в переносе, он будет благодарен психоаналитику за сочувственное понимание в критический момент.

Чтобы мудро действовать в ситуации переноса, психоаналитик должен быть объективным, слегка отстраненным, с выраженным «сердечным пониманием»;

¹¹⁷ Jung C. G. Fundamental Psychological Conceptions: Seminar, printed privately. London, 1935, p. 173.

особенно это нужно во время беседы, когда врач напрямую имеет дело с эмоциями пациента. В этой связи читателю следует напомнить, что, хотя Юнг проявлял особый интерес к бессознательным процессам как к источнику творческой деятельности, он, безусловно, признавал важность сознательной деятельности. Перенос — это выражение функции чувства, которая может быть центральной и всепроникающей. Мышление как функция здесь не играет существенной роли. Этого небольшого упоминания типологии Юнга может быть достаточно, чтобы показать, что сознательное и бессознательное как противоположности всегда задействованы в переносе. Ранее отмечалось, что типологию Юнга, его описание экстраверсии и интроверсии, следует рассматривать в связи с его взглядами на феномен бессознательного. Верно и обратное утверждение о том, что бессознательное можно понять, только рассмотрев сознательные установки. Это еще один пример широкого мышления Юнга. Однако возникает вопрос, что в конце концов происходит со связями, образующимися при переносе? Прежде всего, проекции должны быть поняты самими пациентом, задействованная в них энергия принадлежит пациенту, и ему нужно ее вернуть. Юнг пишет об этом: «В той степени, в какой перенос не выходит за рамки проекции, он разделяет точно так же, как соединяет. Но опыт показывает, что в переносе есть один тип связей, которые не нарушаются, когда разрывается проекция. Дело в том, что за ними стоит один очень важный инстинктивный фактор: родственное либидо»¹¹⁸.

Родственное либидо (энергию) можно сравнить с невидимыми нитями, связывающими членов одной семьи. В семье считается нормальным, что родство естественным образом ведет к близким связям во внешнем мире. Поэтому перенос и родственное либидо — это не предел, а одна из стадий личностного развития. При психоанализе подобное чувство может появиться у тех, с кем была проделана совместная работа, часто

тяжелая работа. Однако это может быть шагом на пути к установлению долгосрочных связей вне ситуации психоанализа. Мы никогда не можем точно сказать, что это будут за связи. Это относится к будущему. Многие вещи мы не можем планировать заранее, особенно когда на первом месте стоит чувство. Именно здесь в полной мере проверяется квалификация психоаналитика.

В предыдущей главе говорилось о том, что анализ снов занимал центральное место в терапии аналитической психологии. И врач и пациент знают, как это верно в разрешении сложностей переноса, так как сны дают молчаливое, но объективное указание на то, как обстоят дела. Именно благодаря своим исследованиям сновидений Юнг смог сформулировать свою теорию саморегуляции и компенсации. Гипотеза о личном и коллективном бессознательном появилась у него также благодаря исследованию сновидений. В предыдущей главе рассказывалось о четырех фигурах бессознательного: персоне, тени, анимусе и аниме, представляющих аспекты личных и безличных свойств разума. Анима и анимус — архетипы, но персона представляет личностные качества, это касается и тени, за исключением случаев, где этот термин используется для обозначения всего бессознательного. Существует множество других образов. Архетипы представляют все общие ситуации, в которых оказываются люди; любая универсальная модель человеческого поведения — это архетип. Естественно, они приняли множество разных форм, которые мы можем воспринимать как образы в сознании. Когда во сне появляются неясные моменты, их природа может быть архетипной, коллективной, при использовании метода амплификации личные ассоциации могут не появиться, а пояснения аналитика могут не сделать сон понятнее. В таких ситуациях Юнг часто советовал применять рисование или моделирование, так как не всегда можно подобрать подходящие слова. Активное воображение может быть бесценным, если самосознание дошло до своего предела, но цель еще не достигнута. В психологическом лечении есть множество этапов, включая ситуацию переноса, на которых разумно прекратить

попытки и позволить бессознательному найти выход. Отсюда видно, что Юнг никогда слепо не следовал одному методу. Он считал, что всегда нужна гибкость.

Если два человека всерьез занимаются взаимным обсуждением, называемым психоанализом, это приведет к диалогу между сознанием и бессознательным каждого из них, что основывается на предположении, что у этого диалога есть цель и предвидится какой-то финал. Разным людям может требоваться разное. Одним будет достаточно простого объяснения; облегчение может привести открытое признание некоего собственного опыта, который до этого человек скрывал. В лечении с помощью анализа или других средств невозможно выйти за рамки естественных возможностей одного человека или того, что он считает для себя необходимым. Для другого человека первых этапов самосознания недостаточно. Многие пациенты Юнга просили большего и продолжали анализ по своей собственной инициативе. Это желание абсолютно нормально, и не следует от него отказываться в конце периода лечения. Психологическое лечение вовсе не похоже на удаление аппендицса. Напротив, оно может быть продолжительным средством просвещения, не просто для того, чтобы справиться с проблемами, а для того, чтобы помочь прожить полноценную жизнь. Для многих возможно и желательно узнавать о собственном бессознательном, рассматривая свои сновидения или рисуя и моделируя. Нет универсального способа, который подходил бы всем.

■ Интерес Юнга к алхимии

В предваряющих сновидениях, о которых говорилось выше, нет ничего необычного, они были у большинства людей. У Юнга было множество таких сновидений, и в течение нескольких лет они были для него загадкой. В одном из снов он видел, что к его дому добавилось новое крыло: «Неизвестное крыло дома было частью моей личности... оно представляло собой нечто при-

надлежащее мне, о чем я пока еще не знал...»¹¹⁹ Библиотека, большая и красивая комната, была полна удивительных рукописей. Этот сон снился Юнгу несколько раз, но он ничего не мог в нем понять, пока не начал изучать алхимию. В 1926 году ему приснился еще один подобный сон, и, пытаясь понять его, он прочитал не один «увесистый том» по религии, философии, а также по алхимии, но ничего оттуда не вынес: «Алхимия казалась мне какой-то малоизвестной, неизученной областью, довольно глупой...»¹²⁰ Через год или два Рихард Вильгельм прислал ему перевод древнего текста по китайской алхимии, под названием «Секрет золотого цветка»¹²¹. Прочитав эту интересную книгу, Юнг заинтересовался алхимией и начал собирать труды алхимиков. Постепенно у него скопилась, наверное, одна из самых больших частных коллекций текстов по алхимии XVI—XVII веков. Его знаний латыни, в том числе средневековой, было достаточно для прочтения этих старинных книг. Сначала ему показалось, что то, что он читает, полная ерунда, но не оставляя этого занятия. Проведя лингвистический анализ, он составил словарь ключевых понятий с перекрестными ссылками, и постепенно стал постигать смысл этих непонятных текстов. Его открытие взволновало его: «Я наткнулся на исторический аналог моей психологии бессознательного. <...> ...Когда я посидел над этими старыми текстами, все встало на свои места: образы-фантазии, эмпирический материал, который я собрал в ходе своей деятельности, и выводы, которые я из этого сделал... Первичные образы и природа архетипа заняли центральное место в моих исследованиях, и мне стало ясно, что без истории не может быть психологии, и совершенно точно не может быть психологии бессознательного»¹²².

¹¹⁹ M. D. R., p. 194.

¹²⁰ Ibid., p. 195.

¹²¹ Секрет золотого цветка / Перевод и примечания Рихарда Вильгельма; комментарии К.-Г. Юнга. Лондон: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd., 1932. (Примеч. авт.)

¹²² M. D. R., pp. 196, 197.

К своему удивлению, он обнаружил, что алхимики знали об умственной энергии, о важности противоположностей. «Проблема противоположностей, связанная с тенью, играет в алхимии большую, даже решающую роль, так как в алхимии на последнем этапе работы противоположности объединяются в архетипной форме *hieros gamos* (священного брака), или „химического” брака. Здесь основные противоположности, мужчина и женщина... сливаются в одно целое, чистое от противоположностей и поэтому нерушимое»¹²³.

Пары противоположностей несколько раз упоминались в предыдущих главах: сознание и бессознательное, экстраверсия и интроверсия, анимус и анима и многие другие. Здесь они снова приводятся, чтобы показать, что свое изучение алхимии Юнг проводил не из простого любопытства. Часто алхимические символы сильно способствовали тому, чтобы найти ключ к символам, которые он так часто встречал в сновидениях своих пациентов. Алхимия, судя по всему, была естественным дополнением к большей части его собственной аналитической психологии.

Юнг критически относился к текстам, которые он читал. Он читал не комментарии по этому странному вопросу, он читал оригинальные рукописи. Довольно скоро он понял, что алхимики бывают разные. Алхимия, как он ее понимал, была прежде всего философской системой, на которую алхимиков вдохновляла надежда разгадать одну из тайн этой жизни, а именно связь между добром и злом, то есть как подлость переходит в благородство. Он знал, что наряду с этим философским аспектом существовало другое направление алхимии, связанное с «химией», как неблагородный металл (свинец) может превратиться в благородный (золото).

В китайской алхимии понятию противоположностей уделялось основное внимание. Юнг нашел в древних текстах по алхимии эти и другие идеи из многих

¹²³ C. W. Vol. 12, pp. 36, 37.

источников и, конечно, был удивлен и обрадован, увидев, что в них выражаются его собственные мысли.

Золото символизировало самое лучшее, и предполагалось, что у него есть и другие свойства, например дарить долголетие. Некоторые алхимики и не претендовали на то, чтобы быть философами, они просто пытались получить золото искусственным путем и, конечно, этим заработали себе дурную славу, а алхимию в некоторых странах запретили законом. Юнг знал об этом, но это не отвратило его от истинного учения алхимии. То, что существует несколько типов алхимии, никак не повлияло на то, что он сам считал важным и ценным в алхимии. Он пишет: «Существовала „алхимическая“ философия, передвигающийся на ощупь предшественник современной психологии... изменения личности через смешивание неблагородного и благородного, высших и низших функций, сознательного и бессознательного»¹²⁴. Большинство пациентов Юнга ничего не знали об алхимии, но им это было и не нужно. Были и другие, которые считали, что понятия из алхимии при анализе и самоисследовании помогают им понять собственную психологию, в частности, они подсказывают, как достичь некоторого чувства полноценности своей жизни.

Следует отметить, что интерес к алхимии не заставил Юнга как-либо значимо изменить сделанные им выводы. Но его специальные знания помогли ему многое понять в работах алхимиков, которые часто были очень проницательны и предоставляли убедительные доказательства достоверности его собственных мыслей и концепций, особенно важные в его повседневной деятельности и на международной арене.

Символ обладает динамическим эффектом, хотя причина этого может быть неясной, — он не основывается на последовательности логических предположений. Символы, спонтанно появляющиеся в сновидениях, определенно играют существенную роль в процессе индивидуации. Обнаружив подобные символы в алхимии,

¹²⁴ Ibid. Vol. 7, p. 218.

Юнг думал не о том, было ли «истинно» алхимическое учение, а о том, что его изучение во многом помогало ему понять работу бессознательного. Мы знаем, что алхимики проецировали проблему света и тьмы, добра и зла на материю. Современный человек, как обнаружил Юнг, все еще не справился с этой проблемой. Теперь он проецирует это не на материю, а на других людей, на нации. Отсюда мы видим, что Юнга беспокоили современные проблемы, которые, конечно, сводились к проблемам отдельных личностей. Его ум всегда был занят этими проблемами, на личностном или на национальном уровне. Примером может служить «Вотан», одно из его эссе, опубликованное в 1936 году, в котором он рассматривал политическую сцену Германии того времени. «Возможно, в общем это явление можно назвать *Ergriffenheit* — состояние одержимости. ... В немецком феномене впечатляет то, что один человек [Гитлер], однозначно „одержимый“, заразил целую нацию...»¹²⁵ Вот современное для Юнга событие, где «темные жизненные силы» вступили в противостояние с тем, что мы привыкли считать современным просвещенным миром с разумными экономическими, политическими и психологическими факторами. Другими словами, произошел конфликт противоположностей — энантиодромия.

На разных стадиях человеческого развития, с младенчества до старости, возникает множество проблем. В младенчестве это не личные проблемы, потому что в этом возрасте все проблемы — это забота родителей и других людей. Когда сознание расширяется и детство переходит в подростковый возраст, внешние факторы могут не соответствовать субъективным ожиданиям. Сексуальные проблемы, социальная адаптация в школе, в университете, в бизнесе — с этими и другими требованиями человеку приходится сталкиваться по мере взросления.

Эти требования порождают знакомую всем проблему: остаться ребенком, всеми любимым, быть под

¹²⁵ Ibid. Vol. 10, pp. 184, 185.

защитой родителей или начать собственную жизнь. Здоровый человек проходит эту веху без особых проблем, но у некоторых может возникнуть конфликт. И этот конфликт может растянуться на годы. Юнг пишет: «...идеалы, убеждения, установки, идеи, ведущие нас по жизни, <...> нам хочется сохранить их навсегда... они кажутся нам вечными, а неизменное следование им представляется добродетелью... „Опьянение” молодости не всегда проходит с годами, иногда оно только усиливается»¹²⁶. Это может произойти, когда человек приближается к сорока годам, когда его жизненные горизонты должны расширяться. Наше тело изменяется, но часто наше мировоззрение как будто застrevает на ранней стадии развития. У жизни есть весна, и есть осень, и движение жизни требует соответствующих изменений в наших суждениях о ней. На начальной стадии невроза обычно обнаруживается, что человек даже и не думал о внутренней адаптации. Вся вина лежит на родителях, обстоятельствах, невезении — так человек думает. Такой образ мышления очень легко увидеть у другого человека, но он может быть совершенно незаметен у самого себя. И все же это показатели неправильной адаптации к жизни. Адаптация к жизни означает адаптацию к нашему собственному развитию и должна включать в себя адаптацию к другим людям.

Эти примеры — только подсказка. Можно привести много других, таких как применение аналитической психологии не только в медицине, но и в религии, образовании, искусстве и литературе. Но уже было сказано достаточно, чтобы показать, что психология Юнга совсем не мистическое, не эзотерическое и не абстрактное исследование.

¹²⁶ Ibid. Vol. 8, pp. 395, 396.

Настоящее и будущее

■ Конфронтация с бессознательным

После разрыва с Фрейдом Юнг не знал, на чем будет основываться его последующая работа. Поначалу он решил отложить все теоретические предположения и собственными усилиями пытаться соприкоснуться с бессознательным. Здесь важную роль играли размышления над своими сновидениями, амплификация и активное воображение. Это же касалось чтения и размышлений. Вопреки всеобщему мнению не у всех получается систематически размышлять. Юнг находил полезным выделять три-четыре часа подряд для размышлений и старался следовать этому правилу. Иногда на несколько дней он уезжал в свой дом в Боллингене. Здесь он мог уединиться. Кроме того, он регулярно несколько часов в день принимал пациентов, и анализ их сновидений был особенно важен для того, что он называл «конфронтация с бессознательным»¹²⁷. Это непростое дело требовало

¹²⁷ M. D. R., chap. VI, p. 165.

решительности и энергии. Иногда работа продвигалась медленно, но он ясно представлял свою задачу: завершить работу с бессознательным. Он пишет: «Очень медленно во мне стали проявляться первые признаки перемен»¹²⁸. Это исследование продолжалось около трех лет, что, конечно, не исключало другой деятельности. Например, в июле 1914 года его пригласили на ежегодное собрание Британской медицинской ассоциации в Абердине, где он прочитал свою работу «О важности бессознательного в психопатологии».

Этому периоду изучения бессознательного Юнг придавал особое значение: «Очень важно разграничить свою личность и эти бессознательные содержания, персонифицировав их, и в то же время провести связь между ними и сознанием... Все мои работы, все, что я создаю, идет от этих первоначальных фантазий и сновидений, которые начались в 1912 году, почти 50 лет назад. В них содержались идеи работ всей моей жизни, хотя сначала они имели форму только эмоций и образов»¹²⁹.

В 1916 году он написал небольшую работу «Трансцендентная функция», где выразил свои идеи о том, «как человек на практике соприкасается с бессознательным». Почему-то об этой работе забыли, и только в 1953 году по инициативе Студенческой ассоциации института К.-Г. Юнга в Цюрихе она была опубликована, затем она была напечатана в «Собрании сочинений». Во вступлении Юнг говорит о «неизбежной ограниченности» его работы на этой ранней стадии. Однако ему казалось, что эта работа со всеми ее несовершенствами «должна сохраниться как исторический документ», потому что она позволяет понять, с какими трудностями пришлось столкнуться в попытке выяснить, как, с какой целью сознательное и бессознательное взаимодействуют в качестве противоположностей, чтобы достичь целостности¹³⁰.

В начале своих исследований Юнг понимал, что изучение им взаимодействия сознания и бессознательного

¹²⁸ Ibid., p. 182.

¹²⁹ C. W. Vol. 3, p. 203.

¹³⁰ M. D. R., pp. 179, 184.

повлияло на него самого, и он назвал это влияние расширением сознания. Позднее он увидел, что изменения — это продолжительное действие, или ряд действий, в котором он сам был задействован, в конечном счете он назвал этот процесс индивидуацией. Термин «индивидуация» заменил понятие «трансцендентная функция», которому не хватало значения продолженности.

Индивидуация как процесс, в котором задействована саморегуляция разума, и идея о том, что у жизни есть цель, являются важными понятиями в лечении психиатрических заболеваний. Таким образом, при неврозе навязчивых состояний симптомы как будто направлены на то, чтобы течение жизни остановилось, а будущему уделяется очень мало внимания.

В состоянии депрессии симптомы направлены на то, чтобы вытеснить настоящее, преувеличив значение прошлых событий. Существует и третья форма болезни, когда будущее и прошлое игнорируется помимо воли, потому что человек занят повседневными заботами.

Деление симптомов на три группы не означает, что и пациенты делятся на три определенные группы; как правило, эти группы проницают. Они указывают на различные формы неприспособленности человека к жизни, когда жизнь, такая, какая она есть на данный момент, текущая ситуация не соотносится с жизнью как процессом, потому что взаимодействие сознательного и бессознательного нарушено, протекает негармонично.

Акцент на актуальных проблемах не означал, что Юнг не рассматривал перспектив. Это было необходимо, потому что национальные и межнациональные вопросы влияли на людей во всем мире. Как мы теперь видим, человеку свойственно считать, что жизнь будет продолжаться бесконечно. Но Юнг был слишком реалистом, чтобы мыслить столь узко. Мы должны готовиться к будущему, а это возможно, лишь имея ясную картину собственного индивидуального мировоззрения и понимание картины мира других рас и государств.

■ Неизвестное Я

«Что принесет нам будущее?» Такими словами начинается одна заслуживающая внимания книга, написанная в 1956 году и включенная в Собрание сочинений Юнга¹³¹. Этим вопросом он задавался, когда размышлял над нестабильной политической и экономической ситуацией современной ему Европы и других стран. Мы порой не сомневаемся, что знаем все о собственном разуме, и, как правило, заблуждаемся. Мы также мало знаем о других людях из нашего окружения, хотя у нас может сложиться о них определенное впечатление. По мысли Юнга, широкая, открытая для многих влияний полоса бессознательного не поддается сознательной критике и контролю. Поскольку мы ничего не знаем об этих влияниях, мы не можем оградить себя от них. Как нам узнать факты? Теории тут не очень помогают. Чем большая универсальность приписывается теории, тем меньше она применима к конкретным случаям. Так как такая теория основывается на опыте, «она в любом случае *статистическая*; она описывает идеальные общие показатели... <...> Крайности с той и с другой стороны... в конечном итоге не проявляются, так как они уравновешивают друг друга»¹³². Но чтобы понять человека, нам нужны именно эти индивидуальные черты, так как «реальная картина состоит только из исключений из правил»¹³³. Но как бы то ни было, человека, как представителя своего вида, нужно рассматривать как статистическую единицу, «отклонениями от которой являются все индивидуальные человеческие качества»¹³⁴.

Однако мы, как и врачи, хотим понять человека как индивидуальность. Таким образом, знания о человеке из массы противопоставляются представлению о человеке как о личности. Этот конфликт можно решить, только «если мыслить в двух направлениях: делать одну вещь,

¹³¹ C. W. Vol. 8, p. 67.

¹³² Ibid., vol. 10, p. 247.

¹³³ Ibid., p. 249.

¹³⁴ Ibid.

не выпуская из внимания другую»¹³⁵. На самом деле происходит «деградация и процесс уравнивания, лишающий личность уникальности, в результате чего она стирается политикой государства. Личность все продолжает терять свои отличительные черты и постепенно лишается собственного мнения о том, как прожить свою жизнь»¹³⁶.

Юнг заявлял, что все общественно-политические движения постоянно пытаются выбить землю из-под ног *религии*. Чтобы превратить личность в функцию государства, нужно ликвидировать у нее все другие зависимости. Религия дает человеку или заявляет, что дает, контрольную точку за пределами внешних условий. Без этого у личности не может быть никаких установок, то есть состояния ума, ведущего к действию, при котором у человека могут развиваться суждения и способность принимать решения.

Юнг разграничивает «веру» и «религию». Вера подразумевает определенное коллективное убеждение, а религия выражает субъективное отношение к определенным метафизическим, сверхъестественным фактам, в то время как цель религии заключается в установлении определенных отношений личности с Богом (христианство, иудаизм, ислам) или путь спасения и освобождения (буддизм).

Юнг скромно называет свое критическое исследование ситуации в мире исследованием «психиатра, в течение долгой жизни посвятившего себя причинам и последствиям психических расстройств. <...> ... Я не подвержен излишнему оптимизму, не влюблен в высокие идеалы, меня просто беспокоит судьба отдельного человека — единицы, от которой зависит судьба мира, в котором читается подлинное христианское послание, в котором даже Бог ищет свою цель»¹³⁷.

Что может значить это последнее предложение? В этой книге и в других работах Юнг часто упоминает о Боге. Вспомним радиопередачу BBC «Лицом к лицу»

¹³⁵ Ibid., p. 250.

¹³⁶ Ibid., p. 252.

¹³⁷ Ibid., p. 252.

в 1959 году. Когда его спросили: «Верите ли вы в Бога?», он ответил: «Мне не нужно верить в Бога; я знаю». Сразу же на Юнга обрушился поток писем. Во многих говорилось, что его вера в Богаозвучна их собственной; другие писали, что не верят в Бога; некоторые интересовались, что он все-таки имел в виду под словом «Бог». Не будучи в состоянии ответить на многочисленные письма Юнг, объяснил свои взгляды в письме «К слушателю» (21 января 1960 года).

«Уважаемый, в стольких письмах, которые я получил, особое внимание уделяется моему утверждению о „знании (Бога)”. Мое мнение касательно „знания о Боге” — это мой нестандартный образ мышления, и я вполне понимаю, что кто-то предположит, что я не христианин. Однако я считаю себя христианином, так как моя точка зрения полностью основывается на христианстве. Я только пытаюсь уйти от его внутренних противоречий, с помощью более сдержанного отношения, принимающего во внимание невероятную темноту человеческого разума.

Идея христианства доказала свою жизнеспособность тем, что постоянно развивается, так же как и буддизм. Наше время определенно требует, чтобы мы по-новому осмыслили этот вопрос, так как, когда мы затрагиваем сферу религии, мы не можем продолжать думать, как люди Античности или Средних веков.

В своем выступлении я не сказал „Бог есть”, я сказал „Мне не нужно верить в Бога; я знаю”. Это не значит, что я знаю определенного Бога (Зевса, Яхве, Аллаха, Бога Троицы и т. д.). Скорее, это значит, что я определенно сталкиваюсь с неким, неизвестным фактором, который я *consensu omnium*¹³⁸ называю „Богом” („*quod semper, quod ubique, quod ab omnibus creditur*”¹³⁹). Я помню Его, я вспоминаю Его каждый раз, когда я произношу Его имя, охваченный злостью или страхом, каждый раз, когда я не-произвольно говорю „о Боже!”.

Это случается, когда я встречаю кого-то или что-то, сильнее меня. Это подходящее имя для всех эмоций, берущих верх в моей собственной психической системе,

138 Здесь: с полной ответственностью (лат.). (Примеч. ред.)

139 Во что верят всегда, повсюду и все (лат.). (Примеч. ред.)

подавляющих мои сознательные стремления и захватывающих контроль надо мной. Этим именем я называю все, что жестко и неотвратимо переходит дорогу моей воле, все, что переворачивает мои субъективные взгляды, планы и намерения и к худшему или к лучшему изменяет течение моей жизни. В соответствии с традицией, а также потому, что я не контролирую эту силу судьбы, как в ее позитивном, так и в негативном проявлении, я называю ее „богом”, „личным богом”, так как моя судьба очень много значит, особенно когда она является мне в сознательной форме, в виде *vox Dei*¹⁴⁰, с которым я даже могу общаться и спорить. (Мы делаем и в то же время знаем, что делаем. Человек одновременно является субъектом и объектом.)

Однако считать, что мое мнение о боже объединяет в себе представления об универсальном, метафизическом Существе разных конфессий и „философий”, кажется мне интеллектуальной аморальностью. Я не склонен к тому, чтобы делать заносчивые утверждения „Бог может быть только добрым”. Добрый или злым может быть только мой опыт, но я знаю, что то, на чем основывается высшая воля, не укладывается в человеческое воображение. Я знаю, как высшая воля взаимодействует со мной в моей собственной психической системе, значит, я знаю о Боге, и если я бы сказал, что это Бог за гранью добра и зла, живущий во мне, так же как и везде: *Deus est circulus cuius centrum est ubique, cuius circumferentia vero nusquam*¹⁴¹.

Ваш Карл Густав Юнг
Цюрих».

■ Личность в целом: сознание и бессознательное

Когда личность сталкивается с опасностью, на психотерапевта, чья обязанность состоит в том, чтобы работать с личностями, ложится ответственность за то, чтобы

¹⁴⁰ Голос Бога (лат.). (Примеч. ред.)

¹⁴¹ Бог есть умопостигаемая фигура, чей центр повсюду, окружность же нигде (лат.). (Примеч. ред.)

пациент мог освободиться от ограничений чисто само-сознательного мировоззрения. Его мировоззрение расширяется, туда попадают скрытые, бессознательные части его личности, и он должен выработать «определенную решимость, которая позволит ему действовать, руководствуясь его собственным мнением, принимать решения, а не просто копировать какой-либо образец поведения...»¹⁴².

Когда самосознательная личность, не оценивающая адекватно свои способности, не может справиться с текущей ситуацией, начинает страдать нервным расстройством, к ней могут вернуться детские фантазии. Все это время они никуда не исчезали, но стали видимыми только тогда, когда оказалось, что сознательные ресурсы не соответствуют ситуации. Личность как будто останавливается в своем развитии, и пациент застревает на стадии самосознания. У человека не было стремления к целостности, потому что он никогда не понимал, что бессознательное реально.

В нашем мировоззрении должна отражаться вся личность, ее сознательное и бессознательное, если мы хотим жить в этом мире полноценно, как личности, а не как ничто, призывая что-либо предпринимать, чтобы сохранить и улучшить свое душевное здоровье. «У наших идей, — говорит Юнг, — есть одно неприятное, но неизбежное свойство: не успевать за изменениями общей ситуации. В такой ситуации психоаналитик должен установить связь между обеими частями личности пациента, потому что только так человек может стать полноценным»¹⁴³.

Когда человек отделяется от своей инстинктивной природы, неизбежно возникает конфликт с его сознательной жизнью и миром бессознательного — его нераскрытой самости. В нашем возрасте людям чаще всего свойственно искать причину всех болезней во внешнем мире. Отсюда идут массовые движения. Но таким образом никогда не решить более глубокие проблемы

¹⁴² C. W. Vol. 10, pp. 256, 257.

¹⁴³ Ibid., p. 305.

разделения личности. «Однако, — говорит Юнг, — мы думаем, что от психических ошибок и их последствий можно избавиться просто словами, так как слово „психика” — это пустой звук. Но в то же время никто не может отрицать, что без психики вообще не было бы мира, и тем более мира людей»¹⁴⁴.

■ Индивидуация как процесс.

Самость

Бессознательное всегда скрыто от нас, пока мы не делаем его сознательным, некоторые считают, что сознательная жизнь — это и есть вся наша психика, весь наш разум. Небольшой опыт анализа снов вскоре меняет наше мировоззрение, и пациент через собственный опыт открывает для себя, что разум, как сознательный, так и бессознательный, шире, чем он думал. Юнг ввел термин «индивидуация», «чтобы обозначить процесс, через который человек становится психологической „индивидуальностью”, то есть отдельным, неделимым целым»¹⁴⁵.

Необходимо разграничить индивидуализм, который представляет эгоцентрическое понятие свободных мысли и действия, и индивидуацию, которая означает достижение полноценности как коллективных, так и личных качеств человека. Индивидуацию как процесс можно наблюдать на важных этапах жизни, в моменты, когда судьба переворачивает цели и ожидания самосознания. Самосознательная личность без посторонней помощи не может представить понятие о полноценном человеке, обычно для этого требуются совместные усилия сознания и бессознательного. Другими словами, односторонность сознательной жизни можно исправить, компенсировать через взаимодействие сознания и бессознательного. В этом заключается стремление человека к полноценности, которое, по мнению Юнга, наследует каждый из нас. Человек может никогда не добиться

¹⁴⁴ Ibid., p. 275.

¹⁴⁵ Ibid., pp. 284, 286.

полноценности, но именно в ее достижении состоит цель индивидуации. Человек действует с определенным замыслом и целью; он видит перед собой цель. И к этой цели он приближается не своими намерениями, а тем, как он на самом деле проживает свою жизнь и реализует свои врожденные способности. Часто человек живет неправильно, и его надежды не сбываются. Успех в полном смысле этого слова требует единства противоположностей. То есть, когда происходит процесс индивидуации, взаимодействие сознания и бессознательного приводит к тому, что человеческое это ассилируется в более широкой его сущности, которую называют самостью. Юнг говорил об этом так: «То, чем я являюсь, — это единое целое, сознательное и бессознательное, оно включает в себя многое, о чем мы не знаем, например наше тело, принципы его работы и бессознательное».

Юнг развивает понятие индивидуации: «Этот процесс — это, на самом деле, спонтанное осознание всего человека в целом... Чем сильнее его убеждение, что он просто Я, тем сильнее он отделяет себя от коллективного человека, частью которого он тоже является, он даже может начать противопоставлять себя ему. Но так как все живое стремится к целостности, неизбежная односторонность нашего сознания постоянно исправляется и компенсируется живущей в нас всеобщей человеческой сущностью, чья цель — полная интеграция сознания и бессознательного или, правильнее было бы сказать, ассилияция этого к личности в более широком смысле»¹⁴⁶.

Таким образом, индивидуация — это процесс интеграции сознательного мира и внутреннего мира бессознательного. Такое действие и реакция на него при развитии наследуются человеком, в этом и состоит значение этого процесса. В течение нашей жизни с нами происходит ряд изменений. Сначала из бессознательного формируется сознательная часть нашего разума. Младенец знает, что вокруг него что-то происходит, хотя он

еще не достиг стадии осознания себя как отдельного целого, как Я. Поэтому маленьким детям кажется естественным, что другие знают их точку зрения. Сознание у бодрствующего ребенка не беспрерывно, обрывки, островки сознания постепенно возникают из непонимания, в том числе нёосознания своей личности. В более взрослом возрасте, в течение первой половины жизни, происходит отделение эго. По мере того как человек достигает середины жизни, его личная жизнь расширяется, по крайней мере должна расширяться, благодаря произошедшему в человеке развитию. Отношение человека к жизни становится зрелым, а незрелость самосознания уступает место естественному, возможно, не замечаемому человеком принятию коллективной основы жизни. Если человек медлит с принятием ответственности за свою жизнь, это противоречит зрелому развитию. У здорового человека центр тяжести личности сдвинут и это вытесняется менее эгоцентричным, то есть безличностным или не только личностным центром — самостью. Наша сознательная жизнь изначально рождается в бессознательном, затем постепенно развивается самосознание, затем через признание своих безличностных элементов человек приходит к целостности своей жизни. Индивидуация предполагает живые взаимоотношения между сознанием и бессознательным. Это цель заложена в самой жизни, это идеал, достигаемый через совмещение личных и коллективных интересов. Они дополняют друг друга и образуют единство — самость. «Силы нашего воображения не хватит на то, чтобы составить четкую картину того, что представляет собой наша самость, потому что для этой части пришлось бы понять целое... Но по мере того как мы осознаем себя, занимаемся самопознанием и начинаем действовать соответствующим образом, тем меньше становится слой личного бессознательного, накладывающийся на коллективное бессознательное. Таким образом, появляется сознание, не заключенное в оковы мелочного, крайне чувствительного личного мира эго, а свободно живущее в широком мире объективных интересов. Сложности — это уже не эгоистичные конф-

ликты желаний, а трудности, касающиеся других людей, как и самого человека. Теперь мы видим, что бессознательное производит содержания, касающиеся не только самого человека, но и других людей, очень многих людей, может быть, вообще всех»¹⁴⁷.

За свою долгую карьеру Юнг сохранил замечательную открытость ума. Он ожидал перемен и с готовностью их принимал как признак здорового развития. Большинство его основных идей, таких как теория колективного бессознательного, постоянно развивались. Они бы развивались и дальше, проживи он дольше. К лечению своих пациентов он всегда проявлял неподдельный интерес. Это можно сказать обо всем, чего бы ни касалась его мысль. Он не признавал ограничений и догм, а уверенно шел навстречу прогрессу.

Заглядывая в будущее аналитической психологии, Юнг в предисловии к книге одного из своих учеников пишет: «...Каковы частые недостатки у работы первооткрывателя: он пробирается через неизвестные земли... навсегда теряя нить Ариадны, новые впечатления и возможности ошеломляют его... Преимущество второго поколения состоит в том, что у них есть если не полная, то более четкая картина; нам уже знакомы определенные вехи, лежащие, по крайней мере, на границе смысла, и сейчас никому не известно, что нужно знать, чтобы исследовать эту только что открытую область»¹⁴⁸.

¹⁴⁷ C. W. Vol. 7, pp. 175, 176.

¹⁴⁸ Neuman E. The Origins and History of Consciousness. With a Foreword by C. G. Jung. London: Routledge and Kegan Paul. Ltd., 1954.

Содержание

<i>Предисловие издателя</i>	6
<i>Предисловие к первому изданию</i>	13
<i>Введение</i>	16
<i>Благодарности</i>	17
I Этапы карьеры Юнга	
Базельский университет	18
Эксперименты с ассоциациями на слова	22
Формирование комплексов	24
Встреча Фрейда и Юнга	29
II Психологические типы	
Фрейд и Юнг. Обмен идеями	33
Пути расходятся	36
Происхождение типологии Юнга	40
Интроверты и экстраверты	45
Четыре функции сознания	49
III Бессознательная умственная деятельность	
Психогенез умственного заболевания	52
Бессознательная умственная деятельность	56
Личное бессознательное	57
Коллективное бессознательное	58
Архетип и инстинкт	59
Гипотеза о коллективном бессознательном и ее происхождение	64
Эмпирическое мировоззрение Юнга	69

IV Сновидения	73
Сновидения в детстве и в пожилом возрасте	73
Сновидение и сновидец	75
Типы сновидений	78
Саморегуляция во сне	83
Компенсация: умственная и физическая	85
Компенсация в анализе	87
«Большие» сны	89
Амплификация	90
V Наш внутренний мир	93
Активное воображение	96
Спонтанное искусство	100
Семинар Юнга	102
Фигуры бессознательного	104
VI Расширяющийся круг юнговской мысли	123
Гипнотизм	124
Комплекс в лечении	126
Психология бессознательного	129
Текущая проблема	130
Перенос в отношениях между доктором и пациентом	134
Интерес Юнга к алхимии	140
VII Настоящее и будущее	146
Конфронтация с бессознательным	146
Неизвестное Я	149
Личность в целом: сознание и бессознательное	152
Индивидуация как процесс. Самость	154

Научно-популярное издание

Беннет Е.-А.

ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ СКАЗАЛ ЮНГ

Редактор *И. Харитонова*

Художественный редактор *С. Сакнынъ*

Технический редактор *Н. Овчинникова*

Корректор *К. Норминский*

Оператор компьютерной верстки *С. Григорьева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 16.10.2008.

Формат 84×108¹/32. Бумага офсетная. Печать высокая с ФПФ.

Гарнитура Minion Cyrillic. Усл. печ. л. 8,4.

Тираж 2500 экз. Заказ 215.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, т. 2;

953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.2008

ООО «Издательство АСТ»

141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

ООО «Издательство Астрель»

129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. За

Издано при участии ООО «Харвест».

ЛИ № 02330/0150205 от 30.04.2004.

Республика Беларусь, 220013,

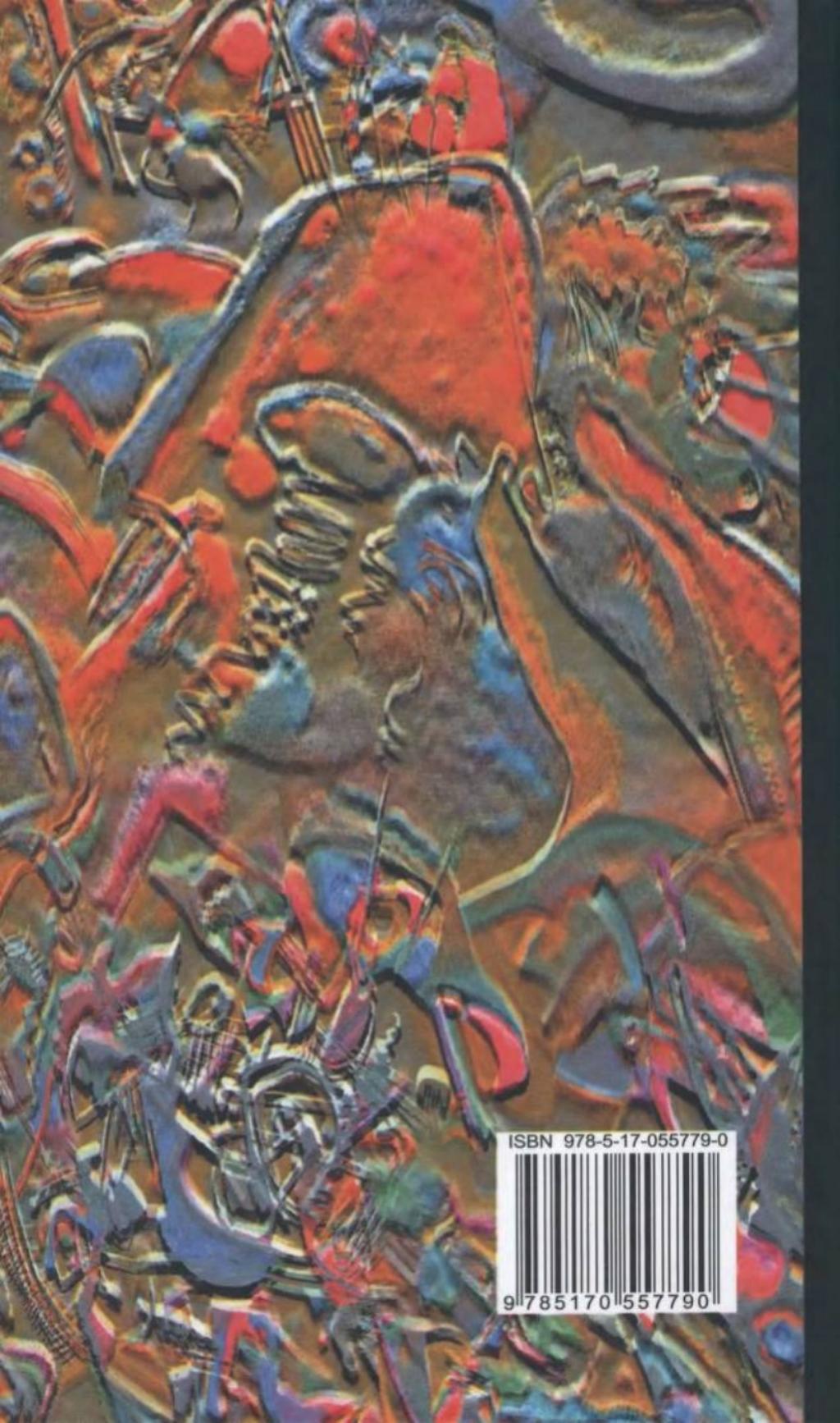
Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

E-mail редакции: harvest@anitex.by

ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».

ЛП № 02330/0056617 от 27.03.2004.

Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

The background of the entire image is an abstract painting of a woman's face. The face is rendered in a palette of reds, blues, yellows, and greens, with thick, expressive brushstrokes creating a sense of depth and movement. The features are partially obscured by the vibrant colors and patterns.

ISBN 978-5-17-055779-0

A standard linear barcode is positioned vertically on the right side of the page, corresponding to the ISBN number above it.

9 785170 557790